

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ISSN 0131-677X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1981

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

П. И. КУЗНЕЦОВ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ПРЕТЕРИТОВ

В настоящей статье предлагается новая трактовка вопроса о происхождении тюркских финитных форм на *-di* и на *-miş*. Для этого необходим анализ значений упомянутых форм — особенно формы на *-miş*.

I. Номенклатура. Для обозначения финитных форм на *-di* и на *-miş* в тюркологической литературе используются разные грамматические термины. Перечисление их всех вряд ли здесь осуществимо, так как, в частности, форма на *-di* отмечена практически во всех тюркских языках и, следовательно, отражена в каждой грамматике любого тюркского языка. Однако в связи с тем, что форма на *-miş* представлена главным образом в тюркских языках юго-западной группы, этот вопрос целесообразно рассмотреть на примере грамматик одного из этих языков, хотя бы турецкого¹ — тем более, что они особенно многочисленны — с привлечением некоторых данных и по другим языкам.

Форма на *-di* в зарубежных грамматиках турецкого языка² известна под следующими наименованиями:

1. претерит-перфект (*praeteritum-perfectum*) — Fr. M. Maggio 1670, а) первый (*primum*) — Fr. Meninski 1680, 1753, B. Pianzolla 1781; б) определенный (*determinativo*) — C. Comidas de Corbognano 1794;

2. претерит — K. Schlottmann, *op. cit.*, A. Müller 1889, а) первый — A. Jaubert 1823, 1833; б) определенный (*défini, bestimmt*) — A. Pfizmaier 1847, H. Jehlitschka 1895, J. Németh 1916; в) позитивный (*positif*) — Nedjib 1870;

3. перфект (... *parfait, Perfekt*) — [Holdermann] 1730, J. W. Redhouse 1846, A. Tien 1896, H. J. Kissling 1960; а) первый — J. Ch. Clo-

¹ В отношении формы на *-miş* это уже было сделано в 1927 году Н. К. Дмитриевым в статье «К вопросу о значении османской глагольной формы на „мыш“» (см.: Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 182 и сл.). Список упомянутых в этом издании работ должен быть несколько расширен, в частности, оказалась незаключенной одна из лучших грамматик XIX века — Дж. Редгауза (J. W. Redhouse. *Grammaire raisonnée de la langue ottomane...*, Paris, 1846) и фундаментальная статья профессора К. Шлотмана (K. Schlottmann. *Über die Bedeutungen der türkischen Verbalformen*. ZDMG, II, 1857, стр. 1—49).

² Нами были исследованы грамматики на латинском, французском, итальянском, немецком, английском и турецком языках. Перечислим ниже работы, не представленные или (временно?) утраченные (даны разрядкой) в библиотеках Москвы и потому оставшиеся вне поля нашего зрения. (Для краткости здесь и в дальнейшем ограничиваемся указанием фамилии автора и даты выхода в свет соответствующей грамматики): H. Megiser 1612, A. du Ryer 1630, G. Molino 1641, P. Bernard et d'Abeville 1667, B. W. Seaman 1670, G. Podesta 1669, 1703, J. Schieferdecker 1695, Th. Vaughan 1709, A. Hindoglu 1829, F. H. L. 1907, W. Padel 1917, Seidel, H. Appenzeller 1948.

dius 1729, J. v. Preindl 1790, J. Besse 1829, 1853³, L. Fink 1872, Ch. Wells 1880⁴, M. Horten 1916⁵; б) определенный (...déterminé, determinato) — M. Viguier 1790, L. Bonelli 1899, J. Weniger u. S. Tertsakian 1916; в) категорический (kategorisch, categorico) — A. Wahrmund 1869, 1898, L. Bonelli⁶ 1899; г) констатации (de constatation) — L. Basin 1968;

4. прошедшее (mazi, geçmiş, passé, Vergangenheit, passato, past) — Baha (1931); а) определенное — N. Mallouf 1862, 1889, R. Youssouf 1892, G. Weil 1917, J. Deny 1920, E. Rossi 1939, 1963—1964, L. Peters 1947, A. Mörer 1961; б) засвидетельствованное (şuhudî) — T. Banguoğlu 1940; в) видимое (görülen) — M. Ergin 1962, 1967;

5. аорист (Aorist) — K. Wied (≈ 1883, и еще пять изданий).

Для обозначения **формы на -miş** зарубежные грамматики используют следующие термины:

1. претерит-перфект: а) ближайший (propinquius) — Maggio; б) второй (secundum) — Meninski, Pianzolla; в) относительный (relativo) — Comidas;

2. претерит: а) второй — [Holdermann], Jaubert; б) неопределенный (unbestimmt (es)) — Jehlitschka, Németh;

3. перфект — Pfizmaier, Schlottmann, Wied, Müller; а) второй — Clodius, Preindl, Besse, Fink, Wells; б) дубитативный (dubitativ) — Redhouse, Wahrmund; в) нарративный (повествовательный; narratif) — Nedjib; г) неопределенный — Weniger u. Tertsakian; д) пересказываемый (erzählendes) — Horten; е) неконстатации (de non-constatation) — Basin;

4. прошедшее, а) неопределенное (...indéterminé) — Mallouf, Wied, Youssouf, Bonelli, Weil, Deny, Rossi, Peters, Kissling, Mörer; б) дубитативное — Tien, Hagopian; в) нарративное — Tien, Bonelli, г) пересказываемое (naklî) — Baha, Necmi 1933⁷; д) узнанное (öğrenilen) — Ergin;

5. дубитатив (Dubitativ) неточный (ungenau) — Horten;

6. нарратив (Narrativ) — Horten.

Вне приведенного списка остались авторы, которые, хотя и упоминают обе формы (на *-di* и на *-miş*), но дают им либо одинаковое наименование: претерит (A. L. Davids 1832, 1836, Ch. Boyd 1842), перфект (Berswordt 1839), претерит-перфект (P. Piquéré 1870), либо прибегают к описательным названиям типа «прошедшее на *-dy* (на *-myş*)», «причастие на *-myş* как предикат» и т. п. (R. Godel 1945, A. C. Emre 1945, L. Swift 1963, H. Ediskun 1963, T. N. Gencan 1966, G. Lewis 1967, R. N. Meskill 1970, Y. Göknel).

Как явствует из сказанного, некоторые авторы называют форму на *-di* претеритом, а форму на *-miş* — перфектом (Фицмаер, Шлотман,

³ Нами установлено, что выпущенная в 1853 году в издании О. Виганда без указания фамилии автора «Grammaire turque à l'usage des Français, anglais et allemands» принадлежит перу Жана де Беса.

⁴ Самого слова «первый» (или соответствующей цифры) нет, однако о форме на *-miş* говорится как о «другом» перфекте.

⁵ Н. К. Дмитриев напрасно утверждал, что эта работа представляет собой «перепечатку труда В. Х. Аголяна» — V. H. Hagopian 1907 (см. «Строй тюркских языков», стр. 184). (То же самое указано и в соответствующей карточке Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина) — работа профессора М. Хортена носит вполне самостоятельный и творческий характер.

⁶ Фамилия автора, набранная разрядкой, означает, что приведенный термин дается в его работе как побочный.

⁷ А также многие турецкие авторы, издавшие свои грамматики до латинизации турецкого алфавита — см.: А. Н. Кононов. Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов. Канд. дисс. (Л., 1939), стр. 126.

Мюллер) или форму на *-di* перфектом (Хольдерман, Редгауз, Тьен, Кисслинг), а на *-miş* — претеритом (Хольдерман) или одной из разновидностей прошедшего времени (Тьен, Кисслинг); ср. также Вид: аорист — перфект. Однако в большинстве случаев различия между двумя формами подчеркиваются использованием соответствующих прилагательных, причем для формы на *-di* встречаются семь разных определений: первый (первое), определенный, засвидетельствованный, позитивный (Неджип), категорический (Вармунд, Бонелли), видимый (Эргин), констатации (Базэн); для формы на *-miş* таких определений девять: второй (второе), неопределенный, пересказываемый, ближайший (Маджио), относительный (Комидас), дубитативный (Редгауз, Вармунд; Хортен), нарративный (Неджип; Хортен), узанный (Эргин), неконстатации (Базэн).

На русском языке за последние двести лет грамматики турецкого языка, принадлежащие двенадцати авторам, издавались, по нашим данным, более шестнадцати раз. (При этом учтена и первая, переводная грамматика 1776 года). Первая оригинальная грамматика — «Карманная книга для русских воинов в турецких походах» О. И. Сенковского — издана полтора столетия тому назад (в 1829 году; переиздана в 1854 году).

Для обозначения формы на *-di* грамматики использовали следующие восемь терминов: прошедшее 1) совершенное (1776, Саков 1906, Гутор 1914, Гордлевский 1928, Джевдет-заде и Кононов 1934, Дмитриев 1939 и 1960), 2) совершенное первое (Сенковский), 3) первое (Казем-бек 1839 и 1846), 4) однократное (Терентьев 1875), 5) определенное (Самойлович 1925, Джевдет-заде и Кононов), 6) объективное (Гордлевский 1928, Джевдет-заде и Кононов), 7) категорическое (Гордлевский, Джевдет-заде и Кононов, Дмитриев, Кононов 1941 и 1956), 8) законченное (Дмитриев). Только два из них — определенное и категорическое — встречаются в номенклатуре зарубежных грамматистов.

В литературе по другим тюркским языкам форма на *-di* также получает разнообразные наименования. Вот некоторые, не упоминавшиеся выше: прошедшее несовершенное (Убрютова), недавнопрошедшее (Эргис, Григорьев, Дыренкова, Харитонов, Коркина), повествовательное («Грамматика алтайского языка»), совершенного вида (Катанов), достоверное (Дыренкова, В. Насилов), настояще-прошедшее (Дыренкова)⁸. Разнообразные наименования этой формы отражают, хотя и не всегда строго объективно, те оппозитивные отношения, в которые она вступает с другими единицами инвентаря — а они различны в разных языках — по линии временных, видовых и модальных признаков. Поэтому известная унификация терминологии в принципе достижима и желательна в первую очередь в отношении каждого отдельно взятого языка.

Форма на *-miş* обозначается по меньшей мере дюжиной терминов⁹: 1) прошедшее (Терентьев); прошедшее 2) совершенное второе (Сенковский), 3) второе или 4) совершенное (Казем-Бек), 5) историческое (Саков), 6) повествователь-

⁸ См.: Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 70—71; Д. А. Монгуш. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. Кызыл, 1963, стр. 31—32.

⁹ Это как раз тот случай, когда мы имеем «столько наименований, сколько грамматиков, писавших о ней» (А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на «мыш». — «Ученые записки ЛГУ», № 20. Серия филологических наук, Л., 1939, стр. 39).

ное несовершенное (Гутор), 7) неопределенное (Самойлович; Джевдет-заде и Кононов — только о форме 3-го лица *-miš*), 8) субъективное (Гордлевский, Кононов 1941 и 1956), 9) турецкое (Гордлевский), 10) прошедшее-настоящее (Джевдет-заде и Кононов, Дмитриев; Кононов 1941 и 1956 — только о форме типа *-mišindir, -miştir*), 11) перфект (Дмитриев), 12) прошедшее неочевидное (Кононов 1956 — только о форме типа *-mišim, -miš*).

К этим терминам можно добавить еще (по другим тюркским языкам) такие, как: результативное или результирующее первое (Кононов, Убайдуллаев, Коркина), совершенное определенное (В. Насилов), давнопрошедшее (Дыренкова) и некоторые другие¹⁰.

Вопрос о наименованиях обеих форм может быть решен лишь после установления их значений.

II. Структура исследуемых форм. Долгое время считалось, что прошедшее на *-di* образуется от 2-го лица повелительного наклонения присоединением частиц *-dim, -din* и т. д. «глагола существительного», иначе говоря, форма типа *geldim* 'я пришел' восходит к *gel idim*. Такого мнения придерживались: Clodius 44, Viguiier 102, 103, Preindl 38, Jaubert № 150, Сенковский 35, Казем-Бек № 150, Pfizmaier 229, Терентьев 47, Wied 72, Jehlitschka 146 (Егличка считал, что и аффикс *-miš* восходит к *-imiš* — см. стр. 149). Этот взгляд впервые подверг аргументированной критике О. Бётлингк¹¹. Он же одним из первых, сославшись, впрочем, на Рюккерта (Rückert: Allgemeine Literatur-Zeitung, 1829, I, S. 579, 580), объяснил прошедшее на *-di* как объединение имени действия с аффиксированным посессивом¹², то есть с аффиксами принадлежности. Одновременно О. Бётлингк реконструировал исходную форму этого «имени действия» или «причастия» в виде *-dyk/-dik*, полагая, что конечный согласный был позже утрачен во всех лицах, кроме 1-го лица множественного числа.

Восприятие личных аффиксов типа *-m, -n, -k, -niz* как аффиксов принадлежности во многом под влиянием работ Н. К. Дмитриева стало нормативным среди тюркологов второй половины текущего столетия¹³, причем сама временная основа обычно рассматривается как восходящая к отглагольному имени на *-it*.

Впрочем, и гипотеза О. Бётлингка (*-di < -dik*) с определенными, подчас существенными, уточнениями была поддержана рядом тюркологов, в частности Ж. Дени, Н. А. Баскаковым, П. И. Кузнецовым и

¹⁰ См.: Е. И. Коркина. Указ. раб., стр. 81.

¹¹ См.: О. Böhlingk. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik... — «Bulletin de la classe historico-philologique de l'académie impér. des sciences de St.-Petersbourg», t. V, St.-Petersbourg—Leipzig, 1848, стр. 352.

¹² Там же, стр. 350.

¹³ См.: Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 35 (или: «Турецкий язык». М., 1960, стр. 48); его же. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 140—143. См. также: К. М. Любимов. Образование, значения и употребление времен в турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1949, стр. 2; его же. Система грамматических времен в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 57—58; Т. А. Гаджиева. Система форм прошедшего времени глагола в современном азербайджанском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1958, стр. 9; Ю. А. Глазов. Система личных глагольных морфов в тюркских языках. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, М., стр. 119; Б. А. Серебренников. К проблеме происхождения двух типов личных глагольных окончаний в тюркских языках. — «Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков». М., 1967, стр. 30; И. В. Кормушин. Явление фузии в истории алтайских языков и его значение для решения проблемы общности алтайских языков. — «Проблема общности алтайских языков». Л., 1971, стр. 362, и ряд других работ, в частности: «Philologiae turcae fundamenta», t. I, 1959.

И. Велиевым¹⁴, причем Н. А. Баскаков воспринимал аффикс *-dik* как причастный, мы же стремились показать, что временная основа, особенно на начальных этапах развития морфологической системы, не может восходить ни к причастию, ни вообще к какому-либо глагольно-именному образованию, а является с самого начала финитной формой (*verbum finitum*).

Гипотеза *-di < -dik* находит подтверждение в материалах рунических памятников и в Словаре Махмуда Кашгари, который прямо указывал на соответствие формы на *-di* одних тюркских диалектов (языков) форме *-duk* других диалектов¹⁵. Тем самым доказывается, что *-duk* и *-di* — две разновидности одной формы.

Вряд ли можно принять версию А. М. Щербака, согласно которой «наряду с именем действия на *-diq ~ -duq* существовало еще имя действия на *-diḡ ~ -duḡ*»; последнее, по его мнению, и легло в основу прошедшего времени на *-di*¹⁶. Две фонетически почти идентичные единицы, выступающие в одном значении (прошедшего времени), могут быть лишь вариантами одной формы. Как известно, отпадение конечного согласного, главным образом в финитных глагольных формах, типично для тюркских языков (ср. *-sar > -sa*, *-ir > -i*, *-jor > -jo*, *-ažak > -aža* и т. п.¹⁷). Характерно, что те же морфологические образования, как правило, не претерпевают соответствующих фонетических изменений, попадая в позицию определения или дополнения. Таким образом, как превращение прошедшего на *-duk* в прошедшее на *-di*, так и, с другой стороны, сохранение исходного фонетического облика причастием и именем действия на *-duk/-dik*, следует расценивать как вполне закономерные явления.

Разумеется, не исключается мнение, согласно которому вариант *-di* является более древним, а *-duk* (или *-duḡ*) представляет собой дальнейшее развитие исходного аффикса (*-di + -k/-ḡ = -dik/-diḡ*)¹⁸, но такой путь развития этой формы представляется маловероятным по следующим причинам: 1) Если аффикс *-di* имел значение прошедшего времени, а присоединение дополнительного аффикса *-k/-ḡ* не внесло никаких изменений в содержание формы (ср. примеры Махмуда Кашгари), то непонятно значение и назначение этого аффикса; 2) «Господствующая тенденция формального преобразования морфологических элементов заключается в их упрощении, в стяжении до одного слога или одного звука»¹⁹; 3) Если сочетание типа *-duk + mǎn* 'я' легко могло превратиться со временем в *-du(k) mǎn > -du-m(an)* и *-dum/-dim*, то обратная

¹⁴ См.: J. Deny. Grammaire de la langue turque..., Paris, 1920, стр. 1110; Н. А. Баскаков. Причастие на *-dy/-ty* в тюркских языках. — «Труды Московского института востоковедения», № 6, 1951, стр. 205—217; П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-dy* и имен действия в тюркских языках. — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 40—55; И. Валиев. Махмуд Кашгаринин «Дивану лугатит-түрк»дә кечмиш заманын ифадә васитәләри. — «Азербайджанский госуниверситет. Язык и литература». № 5, 1968, Баку, стр. 89—96.

¹⁵ См.: «Divanü Lügat-it-Türk Tercümesi». Çeviren Besim Atalay. Cilt 2. Ankara, 1940, стр. 61—62.

¹⁶ А. М. Щербак. О происхождении прошедшего времени на *-di* в тюркских языках. — «Hungaro-Turcica, Studies in honour of J. Németh», Budapest, 1976, стр. 96.

¹⁷ Вот несколько примеров, приводимых Т. Ковальским в работе «Турецкие диалекты»: *geli (gelir)*, *geliḡ (gelirsın)*, *geliom (gelijorum)*, *geliḡon (gelijorsun)*, *bakažam (bakažayum)*, *soležen (söljeježeksın)* и т. д. (Т. Kowalski. Dialectes türks-osmanlis. — «Encyclopédie de l'Islam», t. IV, §§ 61, 65—67).

¹⁸ См.: А. Г. Бишиев. О происхождении формы прошедшего времени на *-dy* в тюркских языках. — «Проблема общности алтайских языков», стр. 384.

¹⁹ А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977, стр. 27.

трансформация — а прошедшее на *-di* с самого начала известно только в комбинации с личными аффиксами — исключена.

Поскольку ряд памятников документально фиксирует такие этапы становления современных форм условного наклонения и прошедшего времени, как *-sar* (для разных лиц; см. орхонские памятники), *-sar-man*, *-sa-man*²⁰ и *-sam*; *-duk* (для разных лиц; см. Словарь Махмуда Кашгари), *-duk-syz*²¹, *-du-man*²² и *-dum/-dim*, то упомянутое выше положение относительно аффиксов принадлежности, присоединяемых или исторически присоединявшихся якобы к основам прошедшего времени и условного наклонения, нуждается в пересмотре. На самом деле здесь представлены личные аффиксы второй группы, восходящие к тем же самым личным местоимениям, что и аффиксы первой группы, но присоединяющиеся лишь к основам, утратившим конечный согласный²³. (Ср. аналогичное явление в приведенных выше примерах из диалектов турецкого языка).

Таким образом, в структуру современной формы типа *aldym* 'я взял' входит основа времени *-dy*, восходящая к *-dykl-duk*, и личный аффикс (второй группы) *-m*, восходящий к личному местоимению *mān*.

Структура прошедшего времени на *-miš* достаточно прозрачна. Речь должна идти об основе времени (*-miš*, *-myš...*) и личных аффиксах первой группы. Разумеется, возможны разные суждения относительно того, следует ли видеть в элементе *-miš* исходное причастие или основу времени. Мы придерживаемся второго взгляда и будем этимологизировать аффикс *-miš*, руководствуясь этой презумпцией.

Две приметные структурные особенности, которые должны быть по возможности разъяснены в ходе этимологического разыскания, характеризовали форму на *-miš* еще в языке орхонских памятников: 1) она не имела «собственного» отрицательного аспекта, используя в необходимых случаях ресурсы формы на *-duk*. (Еще и сейчас наряду с *göğülme-miš* 'невиданный' и т. п. можно употребить в том же значении старую форму *göğülmedik*); 2) она не присоединяла к себе личных показателей (то есть употреблялась лишь в третьем лице), между тем как, например, прошедшее на *-di* давно уже располагало механизмом спряжения.

III. Сопоставление значений двух прошедших времен. Как отметил еще Н. К. Дмитриев²⁴, впервые на различия в значениях форм *-di* и *-miš* указал Вигье. По его мнению, прошедшее на *-di* предполагает «точное знание», прошедшее же на *-miš* употребляется в тех случаях, когда либо какой-то факт недавнего прошлого может быть подвергнут сомнению, например, говорящий знает о нем со слов других или же по его еще ощутимым последствиям (= результативное, перфективное значение), либо речь идет о фактах хотя и несомненных, но по времени весьма отдаленных (см. Viguier, 103, 104).

Соображения Вигье не были поддержаны другими грамматистами, и лишь в 1846 году Редгауз ввел в грамматический обиход понятие об особой модальности — дубитативе (*le dubitatif*), — куда наряду с пер-

²⁰ См. примеры в работе: П. И. Кузнецов. Условный период турецкого языка. Канд. дисс. М., 1950, стр. 21—23.

²¹ См.: Н. Duda. Die Sprache der Qyrq Vezir-Erzählungen. Bd. I, Leipzig, 1930, стр. 87. (См. еще: Э. А. Грунина. К истории семантического развития перфекта *-miš*. — «Советская тюркология», 1976, № 1, стр. 24).

²² См.: Abu-Naууan. Kitab al-Iḍrak li-Lisan al-Atrak. Istanbul, 1931, стр. 160.

²³ См.: П. И. Кузнецов. Условный период турецкого языка. Автореф. канд. дисс., М., 1950, стр. 3—4; его же. Личные аффиксы в турецком языке. — «Труды ВИЯ», № 5, М., 1954, стр. 68—69 и сл. См. также: А. М. Щербак. О происхождении прошедшего времени на *-di*..., стр. 98—99.

²⁴ Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш», стр. 183.

фектом типа *gelmiş* '(я верю, что) он пришел' отнес все формы, включающие элемент *-miş* (точнее, *-imiş*) (стр. 73 и сл.). Несмотря на то, что к числу дубитативных форм Редгауз причислил такие «грамматические монстры» (по выражению профессора Шлотмана), как, например, *aşu-jogmuş udu* (!) — впрочем, формы, реально не существовавшие в языке, не раз появлялись на страницах грамматик — в целом выделение особой модальности было значительным шагом вперед.

С другой стороны, Шлотман, отрицательно отнесшийся к идее Редгауза²⁵, весьма скрупулезно рассмотрел в числе других вопрос о различиях между претеритом *gitdi* и перфектом *gitmiş* (см. § 4, стр. 14 и сл.), и его трактовка — хотя мало кто ссылался в дальнейшем на его статью — по существу не нуждается и ныне в сколько-нибудь существенных поправках.

В основном Шлотман следовал позиции Фуада-эфенди и Джевета-эфенди, авторов «*Kavaidi Osmanije*» — одной из первых турецких грамматик, написанных турками, — которые называли форму на *-di* прошедшим «засвидетельствованным» (*şuhudi*), а форму на *-miş* — прошедшим «пересказываемым» (*nakli*). Однако Шлотман указывал, что реальность действия, обозначенного «перфектом», может не подлежать сомнению — в этом смысле термины «нарратив» и особенно «дубитатив» неудачны. Это имеет место, в частности, тогда, когда говорящий судит о случившемся по наличным признакам, например: *varur gitmiş* 'пароход ушел' или *kar yağmış* 'выпал снег' (см. стр. 15). Говорящий не видел самих действий, но оба факта не подлежат сомнению. (Эти примеры стали в известной мере классическими; в дальнейшем их использовали: Müller 82, Bonelli 88, Möger 123, Ergin 1967, 283, Lewis 122 и др.). Таким образом, форма на *-miş* может передавать оттенок состояния, результативности, но решающим является то, что сам говорящий не видел данного акта и узнает о нем постфактум. (Эту идею удачно передает термин Л. Йохансона: *Postterminalität*²⁶ 'посттерминальность'). Правда, Шлотман учитывал, что форма на *-miş* может быть употреблена и в чисто результативном значении; например, некто, бывший на пожаре, может сказать, что дом такого-то «сгорел» (*yanmış*) (см. стр. 16). Это же подтверждают некоторые примеры, приводимые А. Н. Кононовым и другими, в частности такой: *Bugün bir şey yememişim, karnım zil gibi ötüyor* 'Я сегодня ничего еще не ел, в животе у меня, словно, звонок звенит'²⁷.

Однако чисто результативное значение прошедшего на *-miş* не является еще вполне устоявшимся. Не случайно Шлотман указывал, что турок употребит форму *jazdım*, а не *jazmışım*, желая сказать, что он написал книгу (является ее автором). Форма же 1-го лица (типа *jazmışım*), по нашим наблюдениям²⁸, имеет следующие конкретные случаи употребления: 1. а) повествование о годах своего раннего детства (со слов старших) или вообще, б) передача своих действий в изложении другого лица (нередко с оттенками насмешки, иронии), например: *Aman neler söylemedi: Hem canına kastetmişim, hem de üstelik keyif soruyormuşum* (R. N. Güntekin. *Çalı Kuşu*. 7. bas., İstanbul, 1945, стр. 29) 'Боже, чего она только не наговорила! Я, оказывается, покушалась на ее жизнь и после этого еще интересуюсь ее самочувствием'; 2) передача действия: а) совершенного говорящим произвольно (его результат при этом может быть налицо) или б) представляемого им та-

²⁵ См.: K. Schlottmann. Указ. раб., стр. 44 и сл.

²⁶ См.: L. Johanson. *Aspekt im Türkischen*. Uppsala, 1971, стр. 283.

²⁷ См.: А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на «мыш», стр. 46.

²⁸ См.: П. И. Кузнецов. Личные аффиксы в турецком языке, стр. 64.

ковым: (Ср. рассказ жулика о случайном (якобы!) похищении им женской сумочки — см. стр. 63). Если в пункте 2а можно усмотреть значение «неконстатированного перфекта», то во всех остальных случаях представлен «неконстатированный претерит».

Сравнительно недавно Р. Годель подчеркнул, что именно прошедшее на *-di* передает состояние как результат заверщенного действия, если таковое непосредственно констатировано говорящим, например: *joguldu* 'я устал' [а *jogulmuşum*, по Шлотману (стр. 19) и Годелю, означает «оказывается, я устал», «я замечаю теперь, что устал»], *azuktu* 'я проголодался', *ateş söndü* 'огонь погас (на глазах)' и т. д.²⁹

Легко видеть, что форме на *-miş* в современном, в частности турецком, языке присуще значение неконстатированного говорящим — в момент самого акта — прошедшего действия (чаще претерияльного, чем перфектного характера). Это же значение доминировало и в древних памятниках тюркской письменности (ср., например, Памятник в честь Кюль-Тегина — КТб 1—16). Значение «заглазного» прошедшего действия может естественным образом перейти в перфектное значение³⁰, тогда как противоположный процесс значительно менее естествен. (Не случайно перфекты западноевропейских и некоторых других языков не получили значения «заглазности»). Почему же в таком случае многие современные грамматисты, начиная с Н. К. Дмитриева, считают перфектное значение формы на *-miş* единственным³¹ или, по крайней мере, исходным, говорят о «панхронической закономерности» перерастания перфекта в претерит³² и ориентируются на схему: перфект → неконстатированный перфект → неконстатированный претерит?

Мы уже упоминали о том, что грамматик возводит прошедшее на *-miş* к соответствующему причастию, имеющему результативное значение (*jepi gelmiş* 'недавно прибывший'). Это же значение приходится считать исторически исходным и для временной формы на *-miş*. Ср. у К. М. Любимова: *uzumışum* 'я написавший есть', *uzumışım* 'я написавший был'³³. Эта незамысловатая схема, которой грамматик увлекаются уже три столетия (начиная с Ф. Менинского), при ближайшем рассмотрении оказывается уязвимой³⁴. Следует полагать, что первичной является временная основа на *-miş*, то есть прошедшее неконстатированное, а соответствующее причастие возникло позже. В таком случае и оно должно было, по-видимому, заключать в себе на первых порах значение неконстатированности действия. Ср. в КТб 26: ...*каңымыз ачимыз казғанмыш будун аты күйи јок болмазун* '...чтобы не пропали имя и слава народа, добытые (чему автор

²⁹ R. Godel. Grammaire turque. Genève, 1945, стр. 109, 121; см. также Э. А. Грунина. Указ. раб., стр. 17.

³⁰ Подробнее об этом см.: П. И. Кузнецов. Личные аффиксы в турецком языке, стр. 65.

³¹ См.: Н. К. Дмитриев. К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш».

³² См.: Э. А. Грунина. Указ. раб., стр. 25.

³³ К. М. Любимов. Система грамматических времен в современном турецком языке, стр. 50. См. еще: Х. Г. Нигматов. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркском глаголе. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 56; С. Н. Иванов. К объяснению системы времен турецкого индикатива. — «Turgologica. К семидесятилетию акад. А. Н. Кононова». Л., 1976, стр. 81—82; его же. Курс турецкой грамматики. Ч. 2. Л., 1977, стр. 53—54; Н. Н. Джанашиа. Исследование по морфологии турецкого глагола. Докт. дисс. Тбилиси, 1969, стр. 176 и сл. (*-miş* как прошедшее результативное), 185 и сл. (*-miş* как показатель заочного акта прошедшего-категорического времени); ср.: К. М. Любимов. Первое лицо турецкого грамматического времени на *-miş*. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 45 и др. (выделены две омонимичные формы на *-miş*).

³⁴ См.: П. И. Кузнецов. К обоснованию теории вербальности тюркского предложения. — «Советская тюркология», 1980, №№ 3 и 4.

лишь отчасти был свидетелем. — П. К.) нашим отцом и дядею...»³⁵. Возможно, что и слова: *Анча казбанмыс итмис илимиз торумиз арти* (КТб 22) следует понимать в том же смысле: «Таков был приобретенный нами (то есть главным образом отцом и дядей! — П. К.) племенной союз и такова проявлявшаяся нами (то есть отцом и дядей. — П. К.) власть!»³⁶.

Ометим, что грамматисты, исследующие вопрос о значениях формы на *-miş*, нередко совершенно превратно толкуют имеющийся в их распоряжении языковой материал. Так, К. М. Любимов в числе примеров употребления первого лица «настоящего-результативного времени» приводит такой: «Yahu, bu ne hal?... Soğuk almışım. 'Что с тобой?... Простудился' (букв. 'я есть простудившийся')»³⁷.

Человек констатирует, что он простудился не в то самое время, когда это происходит, а несколько позже (на основании появившихся признаков), и, желая привлечь внимание собеседника к этому моменту, он может употребить форму на *-miş*. Значение «настоящего-результативного», то есть перфекта (точнее, неконстатированного перфекта) — это лишь частное проявление идеи неконстатации. Однако в приведенном примере форма на *-miş* перфектного значения как раз не имеет, что заметил бы, наверное, и автор статьи, если бы привел ответ полностью: — Bayramda İstanbulda idim. Sonra şu, yolda bozulan trenle döndüm. Soğuk almışım. Arkasından da nezle yapıştı. 'На праздниках я был в Стамбуле. Затем вернулся тем поездом, что застрял в пути. Видать, простыл. А вслед за этим прицепился насморк'.

Очевидно, что форма *-mişim* употреблена здесь в чисто претериальном значении. (По терминологии К. М. Любимова, это было бы «первое лицо сомнительно-предположительной модальности» — см. стр. 45). Однако говорить о «двух» формах на *-miş*, конечно, нет оснований. Этому препятствует отсутствие каких-либо различий между ними как в плане выражения, так и в плане содержания (ср. общее значение неконстатации).

В целом каждое из двух прошедших времен — на *-di* и на *-miş* — с учетом их темпоральных и аспектно-акциональных характеристик, можно обозначить термином претерит-перфект (см. 1.); ни одно из них не является претеритом или перфектом в собственном смысле слова, хотя претериальные значения доминируют в обеих формах — что и позволяет, с известным приближением, назвать их претеритами, как это сделано в заглавии данной статьи. Единственное различие между этими формами состоит в том, что при употреблении единицы *-miş* «говорящий прослышал, узнал о сообщаемом действии или заметил его постфактум, позже» (того момента, когда оно в действительности совершилось)³⁸, тогда как форма на *-di* имеет отрицательную и нейтральную функции в отношении идеи «неочевидности». В связи с этим форму на *-miş* целесообразнее всего обозначить термином прошедшее неконстатированное (или неочевидное), форму на *-di* — термином прошедшее констатированное (очевидное). Частично эти названия уже употреблялись грамматиками. Следует, правда, подчеркнуть, что прошедшее очевидное (констатированное) получает это наименование на основании противопоставления прошедшему неочевидному (неконстатированному), тогда как в

³⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 40.

³⁶ Там же, стр. 39.

³⁷ К. М. Любимов. Первое лицо турецкого грамматического времени на *-niyş*, стр. 48.

³⁸ M. Ergin. Türk Dil Bilgisi. Sofya, 1967, стр. 284; см. также: М. Mansuroğlu. Türkçede *-miş* ekinin fonksionları. — «Fuad Köprülü Armağanı», İstanbul, 1953, стр. 350.

оппозиции имперфектным формам оно, как и прошедшее неочевидное, должно быть названо прошедшим завершенным, или прошедшим завершенного вида. С другой стороны, вне этих оппозитивных связей и в аспекте возникновения самой рассматриваемой единицы ее следовало бы именовать просто прошедшим, прошедшим первым, или простым прошедшим временем (простым — как в плане выражения, так и в плане содержания).

IV. Возникновение простого прошедшего (прошедшего очевидного). Нами здесь за исходный берется доморфологический уровень развития языка, то есть предложения типа: *Eg at al или Eg al at 'Человек берет/взял коня', Eg ket 'Человек уходит/ушел', Ol kel 'Он идет (сюда)/пришел', Ben je 'Я ем/(по)ел' и т. п.

В нашей статье «Генезис тюркского аориста» (см.: «Советская тюркология», 1980, № 6, стр. 41) говорилось о возникновении противопоставлений: kel jog 'идет' ~ kel 'пришел', bar jog 'отправляется' ~ bar 'отправился' и т. п.; при этом в условиях нейтрализации формы ket, kel, bar могли иметь двойное значение («уходит/ушел», «приходит/пришел» и т. д.).

Такая система обозначения временных отношений во многом неудобна. Например, выкрик: Kel! Kel! можно понимать двояко: 1) «он пришел!», 2) «он идет!», не говоря уже о возможной интерпретации нулевой формы в повелительном смысле («Иди!»). Собеседник вынужден переспрашивать: Kel jog (tu)? 'Идет?'. Только теперь словоформа Kel — при возможном Ja(h), kel jog '(Да,) идет' — будет понята однозначно: «(Нет,) пришел».

Чтобы избежать такого рода трудностей, необходимо было ввести в речевой обиход уточняющий глагол, позволяющий собеседнику сразу понять, что действие, о котором зашла речь, не продолжается, а уже завершено, закончено. Точнее всего эту идею передал бы глагол с соответствующим значением: «закончиться», «завершить(ся)». Одним из таких глаголов был tükä- 'завершаться, кончаться...' ³⁹. Впрочем, можно полагать, что tük-e, tük-en, tük-et и т. п. — позднейшие дериваты, а в основе лежит, по-видимому, трехбуквенный корень tük, имевший и медиальное и переходное значение («кончаться/кончать»). Б. Аталай, несомненно, прав, утверждая, что все исходные корни тюркского праязыка были односложными ⁴⁰.

Итак, можно предположить, что на определенном этапе развития тюркского праязыка глагол tük(e) выступил как уточняющий, указывая на завершенность основного действия. Теперь легко представить следующий диалог: — Kel! Kel! 'Идет! Идет!' или 'Пришел! Пришел!' — Kel jog (tu)? 'Идет?' (досл.: 'идет шагает?') — (Jok,) kel tük '(Нет,) пришел' (досл.: 'идет закончился').

Постепенно употребление глагола tük(e) для обозначения завершенности действия стало обязательным, а позже вспомогательный глагол превратился в аффикс с рядом фонетических вариантов, первоначально только губных: tük → tuk ...

dük → duk ...

Дальнейшая судьба этого морфологического элемента общеизвестна (см. 2. и названные там работы).

V. Возникновение прошедшего неочевидного. Два момента совершенно ясны исследователю, приступающему к этимологизации аффикса -miş: 1) В составе лексемы (или группы лексем), ставшей базисом дан-

³⁹ См.: «Древнетюркский словарь» (ДТС). Л., 1969, стр. 595.

⁴⁰ B. Atalay. Türk Dilinde Ekler ve Kökler üzerine bir Deneme. Istanbul, 1941, стр. 7.

ной грамматической единицы, не было губных гласных — древнейшие памятники не фиксируют их в этой форме; некоторые данные⁴¹ говорят о том, что не было также задних (ненебных); 2) Упомянутая лексема (или группа лексем) начиналась фонемой *b*. Второй вывод представляется естественным, поскольку звук *m* в принципе не характерен для анлаута слов тюркского происхождения (ср. *men* 'я' < *ben*; *miŋ*, *miŋ* 'тысяча' < *biŋ*, *biŋ*; *meŋiz* 'цвет лица' < *beŋiz* и т. д.). Таким образом, искомый этимон вырисовывается в виде *bi...s* (§).

Если учесть, что форме *-mis/-miš* ряда тюркских языков в якутском закономерно соответствует единица *-bit* и что между формами *-di(k)* и *-mis/-bit* имеется значительное семантическое сходство (см. 3), то вполне естественно предположить, что и форма *-mis/-bit*, подобно форме на *-tük*, восходит к глаголу со значением «кончать(ся)», «завершать(ся)». Таким глаголом как раз и является глагол *bit-* 'кончаться, иссякать' (в якутском языке — *büt*).

Однако сколь заманчивой ни казалась бы такая гипотеза, от нее приходится отказаться по двум причинам: 1) Названный глагол имел в древнетюркском губной гласный (*büt-*, см. ДТС, 133), что не соответствует требованию первого постулата (см. выше); 2) Даже если предположить, что глагол со значением «кончаться» не имел в ряде диалектов губного гласного, данная гипотеза оставила бы совершенно необъясненным возникновение значения неочевидности («говорят...» и пр.) у формы, восходящей к глаголу с очень конкретным значением завершенности действия («кончаться»).

Представим себе теперь такую картину. Группа людей видит одного из своих соплеменников, спешащего к вождю и его приближенным с каким-то сообщением. Когда позже один из приближенных оказывается поблизости, его спрашивают: что случилось? Не желая вдаваться в детали, он отвечает кратко: *Kög bir is* (*iš*) 'Он видел одно дело' или *Ešit* (*bil*) *bir is* 'Он слышал (узнал) об одном деле'. Слова осведомленного человека передают из уст в уста: *Kög bir is*, *Kög bir is*...

Существительное *uc/sec/uu/ew/ēč* во многих современных тюркских языках имеет в числе других значение: *дело* = *явление, вещь, обстоятельство* и т. п. Вряд ли можно сомневаться в том, что эти значения были присущи ему и в прошлом.

С другой стороны, ситуация, которую мы вообразили, не может быть отнесена к числу из ряда вон выходящих или даже просто очень редких. Всякий раз, когда некто *А* о чем-то рассказывает *Б*, а затем *В*, вступив в контакт с *Б*, пытается узнать, о чем был рассказ, *Б* может ответить: «Он видел одно дело» или «Он слышал (узнал) об одном деле» и далее, в зависимости от собственного желания, либо рассказать о самом этом деле, либо ограничиться тем ответом, который он уже дал. Можно, таким образом, предположить, что фразы типа *Kög bir is*, *Ešit bir is*, *Bil bir is* повторялись достаточно часто.

Т. Ковальский писал: «Падение конечного *r* особенно в глагольных формах и в словах *var* и *bir*, характерно для многих районов (Турции)»⁴². Указанный тезис касается не только Турции, но и многих других районов тюркоязычного ареала, причем падение звука *r* в слове *bir* под влиянием синтаксической фонетики (то есть в беглой речи) конечно нельзя считать сколько-нибудь новым явлением. Таким образом, звуко-сочетание *bir is* (*iš*) могло произноситься сначала как *bi(r) is* и *biis*, а затем — *bis* и даже *bis* (*biš*).

⁴¹ См.: С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 44; М. Mansuroğlu. Указ. раб., стр. 346.

⁴² Далее следовали примеры: *bi kerre* (*bir kerre*), *biçoq* (*bir çoq*) и т. д. (Т. Kowalski. Указ. раб., § 34).

Фонетическая эволюция исходного словосочетания могла вести к тому, что кто-то, попадая время от времени в положение **В** или **Г** (присутствующего при разговоре **В—Б**) и улавливая в ответах **Б** непонятный элемент *bis* (*biš*), истолковывал его для себя не в смысле «одно дело», а как показатель ссылки на слова третьего (отсутствующего) лица: *kör bis* (*biš*) '(он) видел якобы'. В таком случае становился возможным уточняющий вопрос: *Ne kör-biš?* 'Что он видел (по его словам)?'. На это **Б** мог отвечать в духе вопроса, например: *Pars bir er ölü-r-biš* (*ölür-miš*⁴³) 'Тигр убил (по словам **А**) одного человека'. С закреплением такого ошибочного по своей сути словоупотребления слово *bis/biš/miš* становится показателем: 1) чужесловия (то есть указанием на сообщение третьего лица) и 2) прошедшего времени (ибо отсутствующий в данное время **А** мог слышать или видеть лишь нечто бывшее ранее, то есть быть очевидцем какого-то факта прошлого). Кроме того, понятно, что ссылка на сообщение «отсутствующего третьего» всегда предполагала наличие утвердительной формы глагола, а не отрицательной, ибо если **А** является информантом, то значит он располагает сведениями о чем-то случившемся, имевшем место.

Как видим, гипотеза: *mis* (*miš*) < *bis* < *bis* < *biis* < *bi(r)is* < *bir is* (*iš*) позволяет без очевидных натяжек ответить на четыре очень существенных вопроса: Как возникло в элементе *miš* значение 1) чужесловия (позже развившееся в идею неконстатации) и 2) прошедшего времени?; Почему это грамматическое время какую-нибудь тысячу лет тому назад еще не имело 3) отрицательного аспекта и 4) форм первого и второго лица?

К слабым пунктам гипотезы может быть, по-видимому, отнесено отсутствие в древних памятниках следов долгого *i* в форме на *-miš* (*-mis*). Следует, однако, полагать, что названная грамматическая единица возникла за много тысячелетий до появления первых тюркоязычных памятников. Значительно позже она приняла статус аффикса, так что в памятниках еще сохраняются следы *-miš* как частицы служебного слова, не подчиняющегося закону гармонии гласных.

Мы не привели здесь анализ других попыток этимологизации аффикса *-miš*. Хотя в некоторых из них фигурировало имя *iš* как составной компонент названного аффикса⁴⁴, общее направление поиска было иным: обнаружить (от)глагольное имя, к которому восходит аффикс *-miš* или одна из его составных частей (например: *seč-miš* 'выбрал' < *seč-im+iš* 'дело выбора').

Нам остается ответить еще на один вопрос: почему прошедшее на *-tuš* отсутствует во многих тюркских языках? Если наша гипотеза верна, то названная форма должна быть представлена лишь в тех диалектах и языках, где конечное *r* (в частности, в слове *bir*) подвергается ослаблению и полной редукции. Там, где это фонетическое явление не отмечается (как регулярное), форма на *-tuš* возникнуть, естественно, не могла. (В лучшем случае речь может идти о грамматическом заимствовании из близкородственного языка).

⁴³ Переход *b* > *m* первоначально осуществился, по-видимому, в позиции, где фонема *b* предшествовал один из сонорных (*l, n, r*).

⁴⁴ См., например: А. Н. Кононов. Турецкая глагольная форма на «мыш», стр. 38—39.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ТАТАРСКАЯ ВЕРСИЯ СКАЗАНИЯ «КЫЗЫ КУРПЯЧ И БАЯН-СЫЛУ»

Впервые данное сказание было записано в семидесятые годы прошлого столетия у барабинских татар академиком В. В. Радловым и опубликовано в четвертом томе его знаменитого десяти томника¹. Однако необходимо отметить, что за шесть десятилетий до этого типографией Казанского университета была издана на русском языке книга «Кузы-Курпяч. Башкирская повесть»². Вместе с тем казахские варианты этого произведения, обработанные соответственно литературным вкусам и языку татарских читателей, публиковались в Казани неоднократно в конце XIX—начале XX века³.

Национальные версии сказания имеются у тюркоязычных народов Алтая, уйгуров, телеутов. Однако, по единодушному признанию многих писателей и ученых, наиболее широко распространенными и совершенными в поэтическом отношении вариантами сказания являются казахские: именно поэтому они уже полтора столетия привлекают внимание исследователей. В архиве А. С. Пушкина хранится прозаический вариант казахской версии⁴. В записи этой версии от акынов и публикации ее большие заслуги принадлежат таким выдающимся тюркологами, как В. В. Радлов, И. Н. Березин⁵, Ч. Ч. Валиханов⁶. В советское время изучение казахского эпоса заняло видное место в отечественной тюркологии⁷. Появляется ряд исследований, посвященных лироэпосу и, в частности сказанию о Кузы-Курпяч и Баян-Сылу⁸. В записывании и исследовании его активно участвуют выдающиеся казахские писатели и ученые — М. Ауэзов, С. Муканов. На основе трагедии Г. Мусрепова, написанной по мотивам сказания⁹, был создан художественный фильм «Поэ-

¹ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV. СПб., 1872, стр. 9—20.

² Т. Беляев. Кузы-Курпяч. Башкирская повесть, писаная на башкирском языке одним Курайчем и переведенная на Российский в долинах гор Рифейских 1809 года. Казань, 1812.

³ «Кыйсса-и Кузы-Курпач». Казань, 1878, 1890, 1894, 1896, 1905, 1909.

⁴ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», кн. 3. М.—Л., 1937, стр. 325.

⁵ В. В. Радлов. Указ. раб., часть III. СПб., 1870; И. Березин. Турецкая хрестоматия. СПб., 1876.

⁶ Ш. Ш. Уалиханов. Бес томдык шығармалар жинағы. III том. Алматы, 1964.

⁷ См., например: Е. Х. Журбанов. Литературно-лингвистические особенности эпоса «Қозы-Қорпеш — Баян-сылу». Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1967.

⁸ Н. С. Смирнова. Казахская народная поэзия. Алма-Ата, 1967; «История казахской литературы». Т. I. Алма-Ата, 1968.

⁹ Г. Мусрепов. Ақан-сері-Ақ-тоқты. Қозы-Қорпеш-Баян-сылу. Алматы, 1948.

ма о любви». Эта трагедия ставилась в театрах Москвы, Алма-Аты, Казани¹⁰.

Алтайские и башкирские версии сказания также публиковались и были достаточно глубоко исследованы¹¹.

Татарская же версия «Кузы-Курпач и Баян-сылу» после публикации В. В. Радлова ни разу не издавалась, в изучении ее были сделаны лишь первые шаги.

В настоящее время известно несколько вариантов сказания, записанных в последние годы в Сибири. Один из них был записан Х. Х. Ярмухаметовым в 1940 году. Фольклорная экспедиция Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР в 1967 году привезла девять вариантов сказания, записанных у барабинских татар Новосибирской области. Экспедиция 1968 года в Омскую область зафиксировала еще шесть текстов. Работа эта была впоследствии продолжена. Таким образом, наличие большого числа вариантов сказания позволяет выяснить наиболее существенные особенности содержания и формы татарской версии¹².

Большинство вариантов дастана начинается со слов: «В древние времена было два хана: один Ак-хан, другой Кара-хан». Далее повествуется о том, что связанные дружбой ханы договариваются породниться, поженив будущих своих детей. В некоторых вариантах ханы заключают договор, когда дети их достигают трех или семи лет. Надо полагать, что первый вариант отражает более древние родоплеменные отношения и, следовательно, более архаичен. Данный мотив бытует у многих народов, но особенно характерен для тюркоязычного фольклора.

В небогатой этнографической литературе нам не удалось найти сведений о том, существовал ли названный обычай у барабинских татар. Однако известно, что обычай сватать малолетних или даже еще не родившихся детей распространен у многих тюркоязычных народов, в том числе и у некоторых этнических групп татар (например, казанских). Таким образом, можно полагать, что он бытовал и у барабинских татар.

В сказании говорится, что Ак-хан погибает, упав с коня, и Кара-хан, не желая выдавать свою дочь за осиротевшего Кузы, покидает кочевье и уезжает «за лунное море, которое не замерзает в течение шести месяцев».

Кузы и Баян разлучаются совсем еще маленькими и не ведают о том, что предназначены друг другу. На этом заканчивается первая часть сказания. Конфликт по существу еще не завязывается.

Богатырские черты характера героя сказания Кузы описываются позже, в заключительной части произведения. В нем ничего не говорится о неуязвимости Кузы, однако у него, как и у многих эпических героев (Ахилл в «Одиссее» Гомера, Исфендияр в «Шахнаме» Фирдоуси), есть уязвимое место — колено. Это так называемая «условная уязвимость» героя — «поздний мотив, примиряющий представление о его сказочной неуязвимости с рассказом о его гибели»¹³. Правда, Кузы не участвует в больших сражениях, что характерно для эпических богатырей, не сражается один против многочисленных врагов. Поэтому мотив условной уязвимости героя не играет в сказании особенно большой роли. Однако в некоторых вариантах смерть Кузы связывается с уязвимостью его колена и коварством соперника.

¹⁰ Ш. Рахманкулов. Яшьләр ижаты. — «Совет әдәбияты», 1950, 4 сан, стр. 104—106.

¹¹ «Народный эпос „Кузы-Курпес и Маян-Хылу“». Уфа, 1964.

¹² Неопубликованные варианты сказания хранятся в фольклорном фонде Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР.

¹³ В. Жирмунский. Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 20.

Этот мотив имеется и в нартских сказаниях осетин и адыгов. Уязвимым местом нартского богатыря Сосруко также являются колени¹⁴. Возможно, эта деталь восходит к хуррито-кавказскому или скифско-иранскому эпосу, в котором встречаются аналогичные моменты¹⁵.

В начальных эпизодах дастана, однако, на первый план выдвигаются реалистические элементы, характерные для фольклора более поздних эпох. Детство Кузы описано лаконично, подчеркивается его находчивость, сила, смелость.

Узнав от посторонних, что у него есть нареченная, Кузы решает ехать за ней и просит никогда ему об этом не говорившую мать приготовить ему в дорогу *курмац* — жареные в котле пшеница или ячмень. Курмац у сибирских татар считался весьма ценным и даже ритуальным кушаньем, которым запасаются, отправляясь в далекий путь. Это подтверждается и данными алтайского героического эпоса: «В эпические сказания алтайцев часто вводятся этиологические рассказы, в которых дается „объяснение“ причин происхождения того или иного явления, обычая. От Когюдей-Мергена будто бы идет обычай ездить с луком или ружьем за спиной, пришивать к шубе только одну пуговицу (под воротником), брать с собой на дорогу мешок талкана (муки из жареного ячменя)»¹⁶.

Когда же мать приносит в берестяном ковше курмац, Кузы настаивает на том, чтобы она взяла горячую еду руками, сжимает их в своих ладонях и требует, чтобы мать рассказала ему о его невесте. В некоторых вариантах Кузы прижимает горячий курмац к груди матери. И мать вынуждена во всем признаться.

Описанный мотив входит в большинство национальных версий, встречается и в ряде других сказаний. «Во многих нартских сказаниях и в нартских богатырских сказках встречается мотив допрашивания героем своей матери путем прижигания ее руки, либо груди горячим ячменем, железом, кипящей кашей»¹⁷. У. Б. Далгат считает, что такие эпизоды могут быть сопоставлены с историческими данными: «Форма подобного допроса, запечатленная в эпосе, имеет свои исторические аналогии в древнеиранском праве судебных испытаний, так называемых ордалий; подобные испытания обвиняемого были зафиксированы и на Кавказе... Судебные испытания иранцев проводились огнем, либо с помощью кипятка, из которого испытуемый должен был вынуть кольцо...»¹⁸.

Жестокое обращение Кузы с родной матерью связано с важными причинами — он хочет выполнить завещание отца, скрытое от него матерью. Нарушение этого завещания было бы оскорблением памяти отца, кощунством. Уважение к отцовским заветам воспитывалось в народе в течение тысячелетий, превратившись в неписанный закон. Беспрекословное выполнение родительской воли, связанное с культом предков, было, по-видимому, одним из важнейших условий возникновения и формирования многих обрядов и обычаев, целого ряда художественных традиций. Этим можно, как нам кажется, объяснить не совсем этичный поступок Кузы.

¹⁴ Е. М. Мелетинский. Мифы древнего мира в сравнительном освещении. — «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира». М., 1971, стр. 87; Ш. Д. Инал-Ипа. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов. — «Сказание о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969, стр. 39; С. Ш. Габараев. К вопросу о народном мировоззрении в нартском эпосе. — Там же, стр. 85 и др.

¹⁵ Е. М. Мелетинский. Указ. раб., стр. 87.

¹⁶ «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос». М., 1973, стр. 463.

¹⁷ У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, стр. 193.

¹⁸ Там же; М. Я. Чиковани. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966, стр. 244, 264.

На первый взгляд, Кузы-Курпач выступает в сказании в защиту древних, в известном смысле консервативных обычаев. Однако такое поведение Кузы мотивируется и другой, несомненно, прогрессивной тенденцией. По мнению казахского фольклориста И. Дюсенбаева и башкирского ученого А. Киреева, желание Кузы жениться на Баян основано на стремлении к объединению родов, созданию крупных племенных образований¹⁹. Для той исторической эпохи это было, конечно, прогрессивным явлением.

Поведение матери, скрывающей от сына его помолвку, объясняется ее опасениями остаться одной, без единственного сына, ее кормильца и защитника, которого на пути к суженой подстерегают многие опасности. И мать предупреждает сына об этом.

— Урманның утыз бүресе, балам,
Аны ла ничек чыгарсың, балам?
Кырның ла кырык аюу, балам,
Аны ла ничек чыгарсың, балам?
— Урманның утыз бүресенә, анам,
Кырның ла кырык аюуна, анам,
Атамның бер угы шайдыр, анам²⁰.

— В лесу тридцать волков, сын мой,
Как перейдешь через него, сын мой?
В поле сорок медведей, сын мой,
Как перейдешь через него, сын мой?
— Против тридцати волков леса, мать моя
Против сорока медведей поля, мать моя,
Достаточно одной стрелы отца, мать моя²¹.

Трудности и опасности предстоящего пути не пугают Кузы. Тогда мать говорит ему, что девушку, подобную Баян-сылу, можно найти и в своих краях, в родных селениях. Однако Кузы не хочет нарушить завещание отца. Чем объясняется это явное противоречие между матерью и сыном?

Некоторые ученые считают, что в данном случае в сказании нашла отражение борьба против экзогамии, остатков матриархата²¹. С этим можно, нам кажется, согласиться. Спор между Кузы и его матерью — отражение конфликта между отживающей и зарождающейся стадиями семейно-родовых отношений, продолжавшегося в течение длительного исторического периода. В отдельных вариантах сказания мать не только предупреждает Кузы о возможных трудностях, но и чинит ему препятствия, испытывает его силу и способности, то есть, как бы заставляет его выполнить традиционные обряды посвящения юноши в полноправные члены рода.

Если ранее действия Кузы определялись стремлением исполнить завещание отца, обычаи предков, то после первого же свидания с Баян-сылу всеми поступками героя руководит любовь.

В столь древних жанрах народного творчества, как богатырская сказка и героический эпос, обычно любовью не мотивируются главные поступки персонажей. Герой богатырского эпоса борется за свободу родной земли, независимость своего народа, и его действия диктуются неписанными законами предков, основанными на древних обрядах и обычаях. В первой части сказания «Кузы-Курпач и Баян-сылу» отражены, видимо, особенности древних семейно-брачных отношений, когда супружеские союзы «основывались не на личном чувстве, а на семейно-политических интересах»²².

Как известно, в более поздние эпохи появляются произведения, в сюжете которых большое место занимает чувство любви. Поэтому сле-

¹⁹ И. Дюсенбаев. О казахском социально-бытовом эпосе. — «Труды отдела народного творчества Института языка и литературы АН Каз. ССР», вып. I. Алма-Ата, 1955, стр. 48; Кирэй Мәргән. «Башкорт халкының эпик комарткылары». Өфө, 1961, стр. 323.

²⁰ Отрывки взяты из рукописей, хранящихся в фольклорном фонде Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФ АН СССР (переводы на русский язык автора статьи. — Ф. У.).

²¹ А. Н. Киреев. Позднейшие записи эпического сказания «Кузы-Курпес и Маян-хылу». — «Народный эпос „Кузы-Курпес и Маян-хылу“», стр. 72.

²² В. Жирмунский. Указ. раб., стр. 67.

дует думать, что в рассматриваемом сказании нашли отражение особенности периода разложения родовых и становления патриархально-феодалных отношений.

Баян-сылу, увидев Кузы, угадывает в нем ового нареченного и влюбляется в него.

О приезде Кузы узнает и Кара-хан, который уже обещал отдать свою дочь замуж за Кара Калмыка. Вместе со своими сыновьями хан убивает Кузы.

Дастан отражает столкновение возникшего в период общинно-родового строя обычая сватовства малолетних детей с новой, классовой моралью эпохи патриархального феодализма. Любовь Кузы и Баян при этом столкновении погибает.

Когда Баян узнает о гибели своего любимого, ее охватывает глубокое горе, но о своих чувствах она, обращаясь к отцу и братьям, говорит иносказательно.

— Угалап бардың, ни аттын агай?

Аюлар атып килдеңме, агай?

Аюның ите татлы дип, агай,

Миңа нәрсәсен китердең, агай?

— Охотясь, кого ты подстрелил, брат мой?

Подстрелил ли ты медведя, брат мой?

Зная, что мясо медведя вкусно, брат мой,

Что же ты принес мне, брат мой?

У могилы любимого Баян-сылу кончает с собой. Плакучие ивы вырастают на могилах влюбленных.

В разных вариантах сказания последние эпизоды описываются по-разному, но все они глубоко эмоциональны. В некоторых вариантах, например, на могилах Кузы и Баян-сылу вырастают либо цветы, либо березы. Этот широко распространенный в мировом фольклоре мотив имеет единую мифотворческую основу, восходящую к древним анимистическим верованиям. «Некоторые народы верят, что душами, одушевляющими деревья, являются души умерших... В Китае с незапамятных времен существует обычай сажать на могилах деревья, чтобы таким образом придать силы душам покойников и спасти их тела от разрушения»²³. Основанный на древних поверьях, мотив в отдельных произведениях лишь незначительно варьируется. Однако со временем, полностью оторвавшись от своей мифотворческой основы, он приобретает эстетическую функцию.

Что касается трагического звучания последних эпизодов сказания, то это связано с гораздо более поздними конкретными социально-историческими условиями жизни людей. В эпоху патриархального феодализма богатство, власть находились в руках главы семьи. Кузы и Баян протестуют против этого, стараются защитить свою любовь. Эта борьба еще не выходит за рамки семьи. Кузы и Баян погибают, но образы героев дастана становятся символом верности и мужества.

Следует отметить, что не все версии сказания имеют трагический финал. Некоторые варианты казахской версии, башкирский вариант, переведенный на русский язык и изданный в 1812 году, отдельные алтайские варианты заканчиваются счастливо: погибшие Кузы и Баян оживают и живут счастливо в течение трех лет или тридцати одного года. М. Ауэзов писал, что такая концовка «очевидно, порождена сочувствием народа к несчастным влюбленным и является позднейшим наслоением»²⁴. В некоторых вариантах Кузы и Баян оживают благодаря долгим молитвам мусульманских священников, даже совершающих

²³ Дж. Дж. Фрезер. Золотая ветвь. Вып. 1. М.—Л., 1931, стр. 139.

²⁴ М. О. Ауэзов. Козы-Корпеш и Баян-сылу. — «Народный эпос „Кузы-Курпеш и Баян-хылу“», стр. 37.

ради этого паломничество в Мекку. Ясно, что подобные мотивы могли появиться в народном сказании лишь под влиянием идеологии ислама. Поэтому отдельные исследователи считают, что эпизоды сказания, повествующие о жизни Кузы и Баян после их чудесного воскрешения, являются ненужным наслоением. Так, в частности, оценивается концовка, добавленная Бейсембаем к архаическому варианту языка Жанака. Бейсембай — представитель господствующего класса, стремился доказать, что и в феодальном обществе возможна счастливая судьба влюбленных. Смысл этой концовки М. Ауэзов определяет следующим образом: «Если бы концовка „Кузы-Корпеш и Баян-сылу“ была благополучной, как в варианте Бейсембая, не было бы такой поэмы в те времена, она не стала бы даже бытовать и как незначительная легенда. Поэма появилась именно потому, что двое влюбленных, зажженные большими чувствами и увлекаемые одной мечтой, на этом пути трагически гибнут. Вот эта правда сохранила в народной памяти образы Баян и Кузы и обусловила их передачу из уст в уста целыми поколениями акынов»²⁵.

Ни в одном из татарских вариантов сказания нет счастливой концовки, и это подтверждает вывод о том, что татарская версия является одной из наиболее древних, сохранивших первоначальный идейный замысел произведения и логическую завершенность его образов.

Татарская версия сказания отражает занятие населения охотой и скотоводством. На земледелие указывают лишь отдельные детали. Это говорит о древности произведения. Судя по народным преданиям и некоторым историческим источникам, переход сибирских татар к оседлости и земледелию приходится на гораздо более позднюю эпоху. В конце XVII — начале XVIII века Вебер писал, что барабинские татары вместе со скотоводством занимаются и земледелием²⁶. Традиции кочевой жизни продолжались в течение долгого времени. Посетивший в начале XVIII века Барабинские степи, Л. Лянге отмечал, что основным занятием барабинцев было скотоводство. Зимой, писал он, они живут в деревянных избах, летом переселяются в юрты²⁷. Путешественник XVIII века И. Г. Георги также писал о скотоводстве как основном занятии барабинцев²⁸. По словам академика В. В. Бартольда, «Туземное татарское (тюркское) население, которое русские называют барабинцами, уже в XVI в. жило в постоянных селениях и было оттеснено в бесплодные степи лишь с основанием русских поселений; с тех пор их число стало сокращаться»²⁹.

Несмотря на противоречивость данных об условиях жизни барабинских татар в XVII—XVIII веках, можно заключить, что в этот период и охота, и скотоводство играли в их жизни существенную роль; известное место занимало, естественно, и земледелие. Это позволяет предположить, что основное содержание сказания «Кузы-Курпач и Баян-сылу» отражает условия жизни татар в XVI—XVII веках, когда они занимались главным образом охотой и скотоводством, земледелие же, как основа оседлого образа жизни, еще только начинало проникать в Барабинские степи.

Такое предположение подтверждается и многими эпизодами сказания. Ак-хан и Кара-хан — умелые охотники. Когда Кузы достигает кочевья Баян, он встречает старого табунщика. В некоторых вариантах

²⁵ М. О. Ауэзов. Указ. раб., стр. 37.

²⁶ Н. Костров. Каннская Бараба. Томск, 1874, стр. 32—33.

²⁷ Н. Ф. Катанов. Известия Лоренца Лянге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах. Тобольск, 1905, стр. 5.

²⁸ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Часть 2. СПб., 1799, стр. 114.

²⁹ Академик В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 3. М., 1965, стр. 366.

Кузы и сам принимает облик табунщика. Основные домашние обязанности Баян тоже связаны со скотоводством.

Установлению времени появления сказания способствует и образ Кара Калмыка, сохранившийся лишь в варианте В. В. Радлова. В XV—XVIII веках в Центральной Азии существовало могущественное кочевое государство ойратов (калмыков), которые не раз совершали опустошительные набеги на Семиречье, на области Иссык-Куля, Тянь-Шаня, Средней Азии и Южной Сибири³⁰. С 1635 года над ойратами властвовал Батор-хан-Тайцзи, принявший известное степное уложение. Он «объявил свои права на владение барабинскими татарами, давно поддавшимися России, и в 1641 году обложил некоторые их волости тяжелым ясаком»³¹. Политика ойратских феодалов с течением времени принимала все более жестокий характер. Калмыки «не осмеливались обнаружить неприязни против россиян, обратили все лишения на сибирских татар, поддавшихся России. Помня право прежнего над сими татарами владычества, они насильственными мерами собирали с них ясак: грабили, разоряли, увлекали в неволю»³². По словам Л. Лянге, барабинские татары еще в начале XVIII века платили калмыкам ясак³³. Эти исторические факты нашли отражение в сказании. Кара-хан боится не выдать свою дочь за Кара Калмыка, опаснейшего врага Кузы и Баян. Все сказанное позволяет предположить, что исторической основой рассматриваемого мотива явились события XVI—XVIII веков.

О времени возникновения сказания говорит еще одна особенность татарской версии. В ней совершенно не чувствуется влияние идеологии ислама. Значит, дастан возник и оформился как художественное целое в доисламскую эпоху. Хотя представители мусульманского духовенства в Барабинских степях появились еще в XVI—XVII веках, ислам достаточного распространения в массах тогда еще не получил. По сведениям И. Г. Георги, даже в XVIII веке ислам там не имел глубоких корней. Л. Лянге также придерживается подобного мнения и сообщает о сильном влиянии шаманизма. В некоторых вариантах сказания имеется образ старухи-шаманки.

Отдельные бытовые реалии, описанные в сказании, также способствуют установлению времени его возникновения. Остановимся лишь на одном примере. Вспомним, что Кузы просит мать приготовить ему курмац. Это кушанье было распространено в XVI—XVIII веках и у барабинских татар. Об этом можно прочесть в записях Вебера. «Возделываемый ими ячмень они мочат сперва в воде, потом просушивают его немного и обжаривают (молотят) до тех пор, пока не отскочит мякина или шелуха; затем этот шелученый ячмень они сушат и поджаривают даже в железном, раскаленном котле, и когда он сделается такой жесткий и твердый, как кость, то его едят в таком высушенном виде... Это и составляет их хлеб»³⁴. В некоторых вариантах сказания речь идет не о жареной пшенице, а о жареном ячмене. Этот факт «датирует» сказание приблизительно XVII веком. Есть и другие детали, говорящие о том же: посуда из бересты, лук и стрелы и т. д.

Приведенные данные позволяют предположить, что уже в XVI—XVII веках сказание «Кузы-Курпяч и Баян-сылу» бытовало как самобытное художественно вполне сформировавшееся произведение.

³⁰ В. Жирмунский. Указ. раб., стр. 219.

³¹ «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочиненное монахом Иакинфом». СПб., 1834, стр. 55.

³² Там же, стр. 143.

³³ Н. Ф. Катанов. Указ. раб., стр. 5.

³⁴ Н. Костров. Указ. раб., стр. 33.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Н. А. БАСКАКОВ

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОРДЛЕВСКИЙ

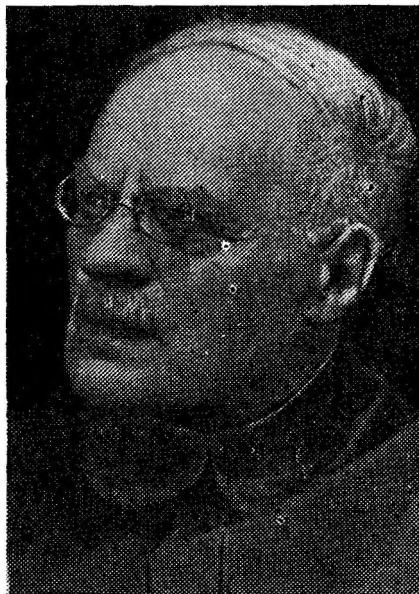
(В СВЯЗИ СО СТОПЯТИЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
И ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕМ СО ДНЯ СМЕРТИ)

«В каждой из Ваших работ отражался совершенно индивидуальный талант ученого и писателя... Вы ни на кого не похожи и в некоторых отношениях не имеете себе равных за всю историю нашей востоковедной науки...»

(И. Ю. Крачковский о В. А. Гордлевском).

В истории каждой науки встречаются имена ученых, труды и исследования которых охватывают сложный комплекс явлений, относящихся ко многим родственным отраслям науки, связанным между собой взаимодействием и взаимозависимостью, что позволяет этим исследователям правильно определить основные направления и тенденции развития каждой из затронутых разветвлений науки.

Именно к такому типу ученых-тюркологов, специалистов по комплексному изучению тюркоязычных стран и народов, принадлежит В. А. Гордлевский, являясь одновременно эрудированным исследователем и в области тюркского языкознания, и в области литературы и фольклора тюркоязычных народов, их истории, археологии, этнографии и экономики. Исследуя проблематику этих ответвлений науки в применении к тюркоязычным странам и народам, В. А. Гордлевский большую часть своих трудов посвятил изучению Турции, турецкого языка, культуры, истории, экономики, этнографии, фольклора и литературы этой страны.

Существует немало монографий, статей и историографических исследований, посвященных трудам В. А. Гордлевского¹. Однако плодотворная и многогранная деятельность этого замечательного ученого до сих пор полностью не освещена.

В собрании избранных работ В. А. Гордлевского, изданных после его кончины, представлены исследования ученого по всем основным направлениям его научной деятельности. Историк-филолог широчайшего профиля в области тюркологии, он глубоко изучал также иранистику, арабистику, исламоведение и их историографию.

В. А. Гордлевский одним из первых ориенталистов-тюркологов исследовал вопросы тюркского языкознания, фольклористики, литературоведения, истории культуры, этнографии в исторической перспективе, связывая их с историей тюркских народов, развитием их общественных формаций и становлением национального самосознания. Все его выводы, обобщения, гипотезы и теории основаны на анализе множества фактов, привлекаемых из самых различных источников.

Исследования В. А. Гордлевского по турецкому и другим тюркским языкам всегда опираются на материал, собранный самим автором, сформировавшимся не только в Советском Союзе, но и в самой Турции одним из лучших знатоков турецкого языка во всех его стилях и жанрах. Лингвистические исследования его ценны тем, что ими был заложен фундамент теоретического осмысления структуры тюркских языков, их основных грамматических категорий и истории их развития и формирования. Глубокое знание тончайших нюансов структуры тюркских языков позволило В. А. Гордлевскому сформулировать целый ряд теоретических положений и выводов, важных в приложении не только к турецкому языку, но и ко всем другим тюркским языкам, что способствовало дальнейшему развитию тюркского языкознания вообще и изучению других тюркских языков, в частности.

Анализ лингвистических исследований В. А. Гордлевского показывает, что им сделаны новаторские обобщения по многим отраслям тюркского языкознания, истории языка, диалектологии, грамматики, лексикологии и лексикографии, стилистики т. д., хотя языкознание он считал только одним из аспектов комплексного изучения культуры турецкого и других тюркских народов.

Кроме многолетней и кропотливой работы над грамматикой турецкого языка², ставшей одним из образцов систематической грамматики для последующих грамматических исследований по другим тюркским языкам, и создания нескольких переводческих и терминологических словарей³, В. А. Гордлевский написал труды, каждый из которых представляет собой новую главу в тюркологии.

¹ «Библиография печатных трудов члена-корреспондента АН СССР, проф. В. А. Гордлевского (К 70-летию со дня рождения)». М., 1946; И. Ю. Крачковский. Владимир Александрович Гордлевский. — «Труды Московского института востоковедения», № 4. М., 1947; Е. Э. Бертельс. Владимир Александрович Гордлевский. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953; Н. А. Баскаков. Академик В. А. Гордлевский — историк-филолог. — Там же, стр. 10; В. П. Старинин. Владимир Александрович Гордлевский. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 6. М., 1956; см. также: В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. I. Исторические работы. М., 1960; т. II. Язык и литература. М., 1961; т. III. История и культура. М., 1962; т. IV. Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968; А. П. Базиянц. Владимир Александрович Гордлевский. Русские путешественники и востоковеды. М., 1979.

² В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928.

³ Д. А. Магазаник и др. Турецко-русский словарь. Под ред. В. А. Гордлевского. М., 1931; 2-ое издание. М., 1945; П. С. Бочкарев. Военный турецко-русский словарь. Под ред. В. А. Гордлевского. М., 1938; П. С. Бочкарев. Военный русско-турецкий словарь. Под ред. В. А. Гордлевского. М., 1938 и др.

В. А. Гордлевский одним из первых исследовал проблему турецких заимствований в арабском языке⁴, он впервые в тюркологии обратился к древней лексике караимов, проанализировав ее на старых переводах Библии на караимский язык⁵.

К лексикологическим проблемам, затронутым В. А. Гордлевским, следует отнести также изучение им исторической и этнографической лексики. Богатейшие материалы по турецкой старой профессиональной лексике и терминологии содержатся в исторических, этнографических и экономических исследованиях В. А. Гордлевского. Они представляют собой исключительную ценность, так как многие из реалий старого быта и производства ныне забыты, а вместе с ними исчезли и обозначающие их термины.

Значительную, но оставшуюся, к сожалению, незавершенной, работу проделал В. А. Гордлевский в области изучения тюркизмов в русском языке. По приглашению Д. Н. Ушакова, редактора «Толкового словаря русского языка», В. А. Гордлевский в процессе подготовки к печати рукописи всех четырех томов последнего просматривал каждый том, анализируя все заимствования из арабского, персидского и в особенности из тюркских языков, отмечая их значение и происхождение. Все этимологические ссылки на эти языки были выполнены В. А. Гордлевским, который, кроме того, указал в каждой ссылке и язык-источник заимствования. Позже эти этимологии были собраны и развиты в известной специальной статье Н. К. Дмитриева⁶.

Одной из интереснейших лексикологических работ, посвященных проблеме тюркизмов в русском языке, была статья В. А. Гордлевского «Что такое „босый волк“?»⁷, широко по охвату проблематики исследование «Слова о полку Игореве», образец исключительно тонкого филологического анализа. Исследователь «Слова» найдет здесь много ценных положений и заключений, относящихся как к славистским, так и к тюркологическим аспектам содержания и поэтики этого замечательного памятника древнерусской литературы.

В небольшом, казалось бы, историко-филологическом этюде В. А. Гордлевский сумел поставить и раскрыть много интересных вопросов, до сих пор не решенных ни славистами, ни тюркологами. Это — сведения о русско-половецких родственных связях, о происхождении некоторых половецких собственных имен и этнонимов, о связи русского и половецкого эпосов, об этногенезе современных тюркоязычных народов и их связях с половцами, а также данные по историографии «Слова», толкование некоторых «темных мест» памятника, прослеживание его связей с русскими былинами и т. д.

Исключительное значение этой работы заключается еще и в том, что В. А. Гордлевский обращает внимание будущих исследователей «Слова» — тюркологов, на необходимость решения основных вопросов взаимодействия русского и восточного эпосов, которые им четко определяются. При этом ученый подчеркивает важность глубокого знания как славянского, так и восточного (тюркского и иранского) фольклоров,

⁴ В. А. Гордлевский. К вопросу о влиянии турецкого языка на арабский. — «Избранные сочинения», т. II, стр. 138—154.

⁵ В. А. Гордлевский. Лексика караимского перевода Библии. — «Избранные сочинения», т. II, стр. 155—159.

⁶ Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III, стр. 3—47. М., 1958.

⁷ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — «Избранные сочинения», т. II, стр. 482—504.

чтобы не повторить, как об этом сказал в свое время Ф. И. Буслаев о В. В. Стасове, «татарского нашествия на наших богатырей»⁸.

Не менее ценное наследие оставил В. А. Гордлевский и в области теории грамматики тюркских языков. Основными положениями, разработанными В. А. Гордлевским и принятыми ныне большинством тюркологов, были: 1) принципы классификации частей речи; 2) единый тип личного (но не посессивного) спряжения глагола; 3) причастное, но не деепричастное и т. д. происхождение спрягаемых основ глагола; 4) точное определение значений видовременных форм тюркских глаголов; 5) семантический анализ указательных местоимений; 6) отнесение причастных оборотов к так называемым сокращенным придаточным предложениям, а также ряд других положений грамматического учения, принятых и развиваемых ныне в современных грамматических исследованиях по различным тюркским языкам. В. А. Гордлевский как теоретик грамматики тюркских языков стоит в ряду таких крупных исследователей, как А. Казембек, О. Бётлингк, П. М. Мелиоранский, В. Банг, Ж. Лени, К. Брокельман, А. Н. Самойлович, Н. К. Дмитриев и др.⁹

Весьма важными для тюркской филологии являются исследования ученого в области литературоведения и фольклористики. Следует заметить, что работы В. А. Гордлевского по турецкому фольклору и литературе отличаются не только глубоким анализом конкретных произведений османской литературы и образцов народного творчества, но и своеобразным методическим подходом к литературоведческим и фольклористическим проблемам. «Не случайно современники ученого, — пишет Л. Алькаева, — называли его замечательным методистом в области изучения историко-литературного процесса и его отдельных звеньев»¹⁰.

Только филолог с широчайшей эрудицией, тонкий знаток языка, истории и культуры народа, каким был В. А. Гордлевский, мог с такой полнотой раскрыть процессы формирования турецкого народного словесного творчества и развития османской художественной литературы.

Обзор филологических исследований В. А. Гордлевского был бы неполным без упоминания его работ о проникновении русской культуры и литературы в Турцию. Его исследования о переводах отечественных классиков И. А. Крылова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других, а также его собственные переводы некоторых художественных произведений этих писателей на турецкий язык, способствовали расширению и углублению интереса турецкой интеллигенции к культуре и литературе русского народа.

Всеобщее признание получили исторические исследования В. А. Гордлевского. Многообразие источников: турецких, персидских, сирийских, армянских и других, положенных в основу этих исследований, а также привлечение многочисленных трудов русских и западноевропейских историков Востока и Запада придают трудам В. А. Гордлевского исключительную ценность, достоверность и фундаментальность.

В исторических работах В. А. Гордлевского наряду с описанием событий того или иного периода дается глубокий анализ социально-экономической жизни народов. Среди трудов В. А. Гордлевского есть и специальные, посвященные экономике Турции, в их числе интереснейшие «Силуэты Турции», «Внутреннее состояние Турции во второй половине XIX в.», «Эксплуатация недр земли в Турции» и др.

⁸ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? стр. 504.

⁹ Н. А. Баскаков. Академик В. А. Гордлевский: филолог-историк. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 10.

¹⁰ Л. Алькаева. Вступительная статья к изданию «В. А. Гордлевский. Избранные сочинения». т. II. М., 1961, стр. 4—8.

Исторические сочинения В. А. Гордлевского «при марксистско-ленинском анализе и истолковании имеют большое научное значение, — отмечает один из его учеников Е. Лудшувейт. — Они важны для изучения истории Турции, поскольку в них содержатся многочисленные сведения, характеризующие ход исторического процесса, самые разнообразные стороны общественной жизни и их отражение в памяти народа, наконец, в них чувствуется и аромат эпохи. Они имеют большое значение для исламоведения и для изучения развития религиозных верований в Турции и других странах Ближнего Востока... и для изучения истории Византии»¹¹.

В. А. Гордлевский справедливо считал, что историко-филологические исследования невозможны без привлечения этнографических данных. Труды по этнографии тюркских народов, главным образом турок и татар, принадлежащие перу В. А. Гордлевского, также отличаются необычайно широким охватом проблематики. В них приводятся подробнейшие сведения о нравах и обычаях, описание различного рода суеверий, верований и представлений о земле и вселенной и т. д.

Огромный интерес представляет незавершенная автором работа историко-этнографического характера о Стамбуле XVI века. Процессы мусульманизации и превращения Константинополя в Стамбул, цеховая организация турецких ремесел, базар и его повседневная жизнь, религии и их положение, городская администрация и ее функции, быт султана, его двора и аристократии, эксплуатируемые классы и невольники, их быт и социальное положение — все эти вопросы нашли живое и интересное описание в этом оригинальном труде ученого. Данная работа может считаться одним из основных источников изучения реального быта Стамбула в XVI веке, города, сочетающего «в себе следы когда-то пышной византийской культуры и своеобразной культуры и быта султанской Турции — Высокой Порты, впитавшей в себя черты многих восточных цивилизаций»¹².

Нельзя завершить этот краткий обзор научной деятельности В. А. Гордлевского, не упомянув его блестящие по стилю очерки по истории востоковедения и краткие, но исполненные большой искренности и теплоты заметки, впечатления, воспоминания о таких крупнейших представителях русского и советского востоковедения, как В. В. Радлов, Ф. Е. Корш, Вс. Ф. Миллер, Н. Ф. Катанов, В. Д. Смирнов, И. Ю. Крачковский, Н. И. Ашмарин и др.

В. А. Гордлевский многое сделал для создания восточных фондов Всесоюзной Публичной библиотеки имени В. И. Ленина, проработав там шестнадцать лет в качестве заведующего восточным отделом.

Широко известен В. А. Гордлевский как профессор турецкого языка, подготовивший многочисленные востоковедные кадры как практических работников, которые и поныне трудятся на дипломатическом, педагогическом, переводческом поприще, так и исследователей языков, фольклора, литературы, истории и этнографии тюркоязычных народов. Его учениками были такие крупные ученые-лингвисты, как член-корреспондент АН СССР Н. К. Дмитриев, профессора А. П. Поцелуевский и В. М. Насилов. Много его учеников плодотворно трудятся и в настоящее время, среди них немало профессоров и академиков республиканских академий наук.

Многолетний педагогический стаж в Московском институте востоковедения, Военной Академии и в Московском государственном универ-

¹¹ Е. Лудшувейт. Вступительная статья к книге «Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения», т. I. М., 1960, стр. 27—28.

¹² О работе В. А. Гордлевского «Стамбул в XVI веке». — В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968. От редакции. Стр. 13—14.

ситете им. М. В. Ломоносова, где В. А. Гордлевский читал курсы: «Тюркские древности», «История тюркских литератур», «Тюркский фольклор», «Этнография тюркских народов», «Грамматики турецкого языка», «Грамматики татарского языка» и его насыщенные теорией практические занятия по конкретным тюркским языкам в этих вузах были подытожены им в специальных методических статьях: «К постановке изучения восточных языков», «Чему учить и как учить» и др. В этих статьях ученым ставил перед востоковедными вузами задачу подготовки высококвалифицированных специалистов-филологов, которые наряду с овладением конкретным восточным языком усваивали бы в процессе учебы теоретические основы данного частного языкознания и имели бы широкую филологическую подготовку. Для этого В. А. Гордлевский предлагал ввести преподавание специальных филологических дисциплин, а в заключение академической подготовки для совершенствования полученных знаний — предоставлять длительные командировки в соответствующие страны зарубежного Востока и в национальные республики Советского Союза. «Образование испокон века завершалось путешествием: „Не тот знает, кто много жил, а тот, кто много путешествовал“ — говорит турецкая пословица. Китаец Чджан-Цянь, грек Геродот, араб Ибн-Батута, турок Эвлия Челеби — все они подтверждают мысль о пользе путешествий» — писал В. А. Гордлевский¹³.

Особо следует отметить большие заслуги В. А. Гордлевского в деле подготовки национальных кадров филологов в советских республиках. За вклад в подготовку кадров языковедов для Туркменской ССР ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки этой республики.

Многогранная и многолетняя неустанная деятельность В. А. Гордлевского в области тюркской филологии — яркий пример беззаветного служения отечественной науке.

¹³ В. А. Гордлевский. Чему учить и как учить. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 487.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. ДАУЛЕТОВ

О СТЕЧЕНИИ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о стечении согласных звуков в тюркских словах издавна привлекает внимание тюркологов. Большинство специалистов считает, что стечение двух (и более) согласных звуков в пределах одного слога не характерно для тюркских языков. Вместе с тем в некоторых тюркских языках (в современном узбекском языке и в его многочисленных диалектах и говорах) наблюдается широкое распространение стечения (удвоения) одинаковых согласных¹.

Ряд ученых отмечает, что удвоенные согласные (геминаты) не встречаются в древнетюркских письменных памятниках². Тем не менее тюркологи указывают на наличие этого явления, в одних языках в большей степени, в других — в меньшей. Отсюда следует, что появление удвоенных согласных в различных тюркских языках приходится, по-видимому, на период развития каждого из них в отдельный самостоятельный язык.

В стечении согласных звуков можно отметить еще одну особенность. Если в одних тюркских языках согласные звуки встречаются в виде геминат, то в других — в той же позиции выступает простой (одинарный) согласный. Сравним соответствующие слова в каракалпакском, узбекском, казахском и в некоторых других тюркских языках: 1) ккалп. — žylylly 'тепло', ullu 'великий', ɣaɣru 'старик', каз. — žyly, ulu, kări; 2) ккалп. jeki 'два', žeti 'семь', segiz 'восемь', toɣuz 'девять', votuz 'тридцать', узб. — ikki, jetti, sakkiz, toqqyz, ottyz; туркм. — iki, jedi, sekkiz, doqquz, otuz, уйг. — ottuz и т. д.

Дистрибуция стечения согласных звуков в различных позициях в слове (начало, середина, конец) не одинакова. Стечение согласных звуков в словах, состоящих из двух и более слогов, как правило, происходит на границах слогов. В конце слова стечение согласных наблюдается весьма редко. В основном сонорные на исходе слова сочетаются с глухими согласными, как, например, в словах типа: qant 'сахар', žent 'толокно с маслом', tars, gŭrp, gŭmp, žalt — подражательные слова и др. В начале же исконно тюркских слов стечения согласных звуков не наблюдается. Стечение двух или более согласных звуков в начале слов может возникнуть лишь в заимствованиях из русского или из других

¹ Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 127.

² Там же, стр. 126; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 103.

индоевропейских языков (обычно через русский). В этом случае такие согласные звуки в каракалпакской разговорной речи претерпевают фонетические изменения: перед сочетанием согласных или между ними появляется соответственно протетический или эпентетический узкий гласный звук. В результате компоненты сочетания согласных образуют разные самостоятельные слоги, то есть между сочетающимися согласными проходит граница слогов. Выбор вставляемых узких гласных (*y, i, u, ü*) диктуется законами сингармонизма: если гласный первого слога твердый, то вставочный узкий гласный также является твердым, если же гласный первого слога губной, то и вставочный узкий гласный также губной и т. д.

Для современного каракалпакского литературного языка стечение двух согласных звуков внутри одного слога — не характерно. Но внутри слова на границах слогов (в конце предшествующего и в начале последующего слога) стечение согласных не исключается; например: *aqsaq* 'хромой', *qalpaq* 'шляпа', *keste* 'вышивка', *toqta* 'стой', *usta* 'мастер', *taxta* 'доска', *soqpaq* 'тропа', *seksen* 'восемьдесят' и т. д. Если в словах подобного типа на границах первого и второго слогов сочетались разные согласные, то в словах типа: *qatty* 'твердый', *saqqyz* 'каучук', *jelli* 'пятьдесят', *yaǵǵy* 'старик', *hǵkke* 'сорока', *aǵǵy* 'горечь', *yssy* 'горячий', *ǵzzi* 'слабый', *pillǵ* 'шелковичный кокон', *appa* (название племени) и т. д., употребляются одинаковые (то есть удвоенные) согласные.

Приведенные выше каракалпакские слова не распадаются на корень и аффиксы, то есть морфологическая граница не проходит внутри сочетания, в том числе и между удвоенными согласными. Вместе с тем чаще всего стечение согласных звуков в каракалпакском языке встречается на стыке морфем, то есть между корнем и аффиксом или между двумя аффиксами, например: *basla* 'начинай', *balyqǵy* 'рыбак', *basqarǵa* 'правление', *aǵla* 'понимай', *ǵarqa* 'к каналу', *atlandy* 'отправился в путь' (разные согласные); или *soǵassa* 'если спросит', *boǵatty* 'освободил', *terekke* 'к дереву' (одинаковые согласные). Здесь сочетание согласных происходит на стыке морфем. При прибавлении к корню, оканчивающемуся на сочетание двух согласных, аффикса с начальным согласным образуется стечение трех согласных звуков; например: *artqa* 'назад', *tartqy* 'повязка', *ǵanǵqy* 'острога', *tǵrtki* 'толчок', *qantqa* 'к сахару' и т. д. Стечение трех согласных большей частью встречается на границе первого и второго слогов.

Появление стечения согласных звуков, в том числе и удвоенных, на границе морфем закономерно: начальный согласный последующей морфемы и последний согласный предыдущей морфемы, соседствуя, образуют стечение согласных звуков. Доказать же закономерность появления стечения согласных, в том числе и удвоенных, не на стыке, а внутри одной морфемы сложнее. Некоторые ученые, отмечая ограниченное употребление удвоенных согласных в тюркских языках, высказывают предположение, что удвоение согласных звуков является дополнительным средством, обеспечивающим качественную устойчивость согласных в интервокальном положении³. Так, например, удвоенные глухие согласные в интервокальном положении приобретают дополнительную устойчивость: они не чередуются со звонкими и не озвончаются, смычные же согласные не чередуются с щелевыми и не спирантизируются. В то же время одинарные глухие согласные в интервокальном положении чередуются со звонкими или озвончаются, смычные согласные чередуются с щелевыми или спирантизируются (в результате ослабления контактов

³ А. Мартине. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 181; А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 104.

между активным и пассивным органами речи образуются мгновенные полусмычные согласные). Другие ученые предполагают наличие удвоенных согласных в корне тюркских слов, что связывается со стремлением укрепить первый слог и с тенденцией к сохранению корневого вокализма⁴.

Помимо сказанного, следует учесть также и следующее обстоятельство. Слова в тюркских языках, как известно, первоначально состояли из односложных корней⁵. Следовательно, употребляемые в современном каракалпакском языке многокорневые слова, в которых встречаются стечения согласных звуков, на определенном этапе развития каракалпакского языка состояли из одного корня и аффикса или из двух (или нескольких) корней. Впоследствии, в процессе развития каракалпакского языка, эти двухморфемные или многоморфемные слова стали восприниматься как однокорневые слова. Например, слова *qatty*, *aššy*, *žylly*, *yssy* в современном каракалпакском литературном языке в значении прилагательных (*qatty* 'твердый', *aššy* 'горький', *žylly* 'теплый', *yssy* 'горячий') не разлагаются на морфемы. Исторически же можно предположить, что основами их являются *qat*, *aš*, *žyl*, *ys*. Это предположение подтверждается наличием таких глагольных форм, как: *qataj* 'затвердевай', *ašyt* 'заквашивай', *žylut* 'нагревай', *ysyt* 'перегревай', 'накаляй', ибо при образовании глаголов неизменными остаются лишь первоначальные основы.

В разговорной каракалпакской речи согласные в некоторых словах употребляются в одних случаях как одинарные, а в других — как двойные (геминированные); например: *haqy* — *haqqu* 'право, доля', *ävel* — *ävvel* 'с начала', *segiz* — *säkkiz* 'восемь', *toɣyz* — *toqquz* 'девять', *jeliv* — *jelli* 'пятьдесят'. Слова, образованные с участием двойных согласных *haqqu*, *ävvel*, помимо своих основных значений, выражают дополнительные экспрессивные значения.

При описании некоторых артикуляционных особенностей сочетаний согласных звуков каракалпакского языка мы исходим из общепринятых положений⁶.

Как известно, при сочетании двух смычных согласных звуков третья — взрывная фаза первого согласного не произносится, например: *soqraq* 'тропа', *kepter* 'голубь', *mekter* 'школа' и др. Если оба согласных одинаковы, то они произносятся как один долгий звук, например: *qatty* 'твердый', *saqqyz* 'каучук', *šarpat* 'ладонь' и т. д. Когда сочетается ротовой согласный звук с носовым, третья — взрывная фаза первого согласного произносится уже не как ротовой, а как носовой звук, например: *šarmaq* 'камень', *qatna* 'посещай' и т. д. Если же носовой согласный стоит впереди, то его третья фаза отдельно не произносится, а сливается с произношением следующего согласного, например: *qambat* 'мякина', *žaŋqa* 'стружка', *qandaɣ* 'какой' и др.

Если первый из сочетаемых согласных заднеязычный, а второй — переднеязычный или губной (типа *kt* или *kp*) или же первый согласный — переднеязычный, а последующий — губной (типа *tp*), то третья — взрывная фаза первого согласного, хотя и произносится, однако воздушная струя при этом не успевает вырываться наружу, так как сразу же начинается произнесение следующего согласного, и поэтому взрывная фаза предыдущего согласного должного акустического выражения не получает, что приводит к понижению его слышимости. Например, в

⁴ Ф. А. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 132.

⁵ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952, стр. 105.

⁶ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М., 1979, стр. 228—231; М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1959, стр. 103—108.

парах слов *häkte — häpte* 'в известии — неделя', *toqta — topta* 'стой — в группе', *atpa — aqpa* 'не бросай — не протекай' согласные *k* и *p*, *q* и *p*, *t* и *q* артикуляционно разные звуки. Однако при восприятии их на слух эта разница почти не улавливается.

Если сочетаются разные по месту образования смычные и щелевые согласные, то от их взаимовлияния артикуляционных изменений не происходит. Например, *topsa* 'петля', *jekse* 'если посадит (о растении)', *aqša* 'деньги' и др. Если сочетаются одинаковые по месту образования смычные и щелевые согласные (кроме бокового щелевого *l*), то они претерпевают незначительные изменения и произносятся как единый аффрикативный звук. Например, в словах *atsa* 'если бросит', *ratša* 'царь' сочетаемые согласные *ts*, *tš* произносятся как аффрикаты *c*, *č*. Что касается стечения смычного *t* с боковым щелевым согласным *l*, то при этом взрывная фаза предыдущего согласного *t* сливается с артикуляцией звука *l* и взрыв приобретает боковой характер; например: *atla* 'прыгай'.

При стечении щелевого и смычного, дрожащего и смычного, а также дрожащего и щелевого согласного — заметных изменений не наблюдается. И, наконец, если сочетаются два щелевых или два дрожащих, то они произносятся соответственно как единый долгий согласный.

Никаких сомнений относительно фонематической природы сочетания согласных, компоненты которых качественно не одинаковы, быть не может. Однако фонематическая значимость сочетания однородных (то есть удвоенных) согласных требует некоторого разъяснения, так как интерпретация удвоенных согласных в разных тюркских языках различна.

Как было указано выше, удвоенные согласные артикуляционно произносятся как один долгий согласный. Встречаются они не только на стыке морфем, но и в пределах одной морфемы. Вопрос о фонематической значимости удвоенных согласных каракалпакского языка до сих пор не ставился. Поэтому необходимо проанализировать их именно с этой точки зрения.

Каракалпакские фонетически долгие согласные рассматриваются как удвоенные фонемы, распадающиеся на две одинаковые самостоятельные единицы, на основании нижеследующих фонологических соображений.

Так называемые «долгие» согласные каракалпакского языка в большинстве случаев встречаются на стыке морфем, то есть морфологическая граница проходит между ними. Сопоставляя такие пары слов каракалпакского языка, как *jes:e* 'если дует' и *jese* 'кратность', *at:y* 'бросал' и *aty* 'его лошадь', *tek:e* 'напрасно' и *teke* 'козел', *qol:a* 'поддерживай' и *qola* 'бронза' и т. д., можно прийти к выводу, что в этих парах долгие согласные фонологически противопоставляются кратким согласным фонемам. Однако внутри так называемых «долгих» согласных проходит морфологическая граница. Поэтому указанные фонетически долгие согласные не могут рассматриваться как фонематически единые, ибо они распадаются на две одинаковые согласные фонемы. Этой точки зрения придерживаются Л. Р. Зиндер и некоторые другие фонетисты: «В языках, в которых долгий согласный встречается только на стыке морфем, так что морфологическая граница проходит внутри него, мы, очевидно, будем иметь, с фонематической точки зрения, два одинаковых согласных»⁷. Приведенные выше примеры фонематически интерпретируются как *jesse*, *atty*, *tekke*, *qolla*.

⁷ Л. Р. Зиндер. Указ. раб., стр. 126.

Существует еще один немаловажный момент: удвоенные согласные не всегда встречаются на стыке морфем. Как было указано выше, они могут наблюдаться и в пределах одной морфемы. Например, такие слова, как *ыссы* [yssy], *қатты* [qatty], *хәккә* [häkke], *елли* [jelli], в современном каракалпакском языке представляют собой корневые морфемы. Фонетически долгие согласные в этих случаях должны интерпретироваться так же как бифонемные сочетания, ибо на стыке морфем они, несомненно, являются таковыми.

В этой связи следует сослаться на известное положение Л. В. Щербы: «...Омонимия фонем невозможна, поскольку фонемы могут различаться только по звучанию. Различие звучания не означает различия фонем, но разные фонемы обязательно должны воплощаться в разных звуках. Следовательно, если долгий согласный, будучи разделенным границей морфем, представляет две фонемы, то и в других ситуациях он не может иметь иного фонологического смысла»⁸.

В дополнение к указанному морфологическому фактору, несомненно играющему основную роль при фонематической интерпретации звуков языка, можно добавить и некоторые фонетические данные. При слогоделении слоговая граница проходит внутри удвоенных согласных, независимо от того, находятся ли они в корневой морфеме (saq-qyz, šaq-qy, qat-ty) или на стыке морфем (at-ty, bel-li).

⁸ См.: Л. Р. Зиндер. Указ. раб., стр. 128.

И. А. ФИГУРОВСКИЙ

ПОЯВЛЕНИЕ ПРИДАТОЧНЫХ МЕСТА В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель предлагаемой статьи — проследить интересное явление, наблюдаемое в современном казахском языке, — появление сложноподчиненных предложений с придаточными места. В связи с этим уместно напомнить высказывания известных специалистов-тюркологов, относящиеся к интересующему нас предмету. Так, С. К. Кенесбаев отмечает, что «Любой язык, являясь средством общения людей, не может не выявлять общих с другими языками моментов, которые сказываются в непосредственной связи языка и мышления»¹. Э. В. Севортян пишет: «Развитие грамматического строя тюркских языков шло, как об этом свидетельствуют исторические факты, в некоторых пунктах параллельно с развитием индоевропейских и иных семей языков»². Н. Х. Демесинова указывает на факты взаимовлияния синтаксических конструкций контактирующих языков³. Ряд тюркологов и писателей отмечает влияние русской литературы на синтаксический строй национальных языков. Так, М. О. Ауэзов пишет: «Мы, писатели, должны учиться у русских классиков, у современных советских прозаиков. Система сложных предложений, безукоризненных в структурном отношении, новые сочетания слов должны все время обновляться и обогащаться путем учебы у передовых классиков»⁴.

Очерк С. К. Кенесбаева и Н. Б. Карашевой «Казахский язык»⁵ подтверждает, что официальная грамматика казахского языка пока еще не признает наличия придаточных места. В очерке приведены аналитические придаточные времени, уступки, условия, синтетические придаточные — определительные, дополнительные, образа действия, причины, цели, а о придаточных места не говорится ничего.

В «Сопоставительной грамматике русского и казахского языков» указывается, что русское «сложноподчиненное предложение с прида-

¹ С. К. Кенесбаев. О смысловой характеристике слов. — В сб.: «Вопросы казахского языкознания». Алма-Ата, 1959, стр. 7.

² Э. В. Севортян. О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. III. Синтаксис. М.—Л., 1961.

³ Н. Х. Демесинова. Развитие структуры простого предложения в казахском языке. — В сб.: «Прогрессивное влияние русского языка на казахский язык». Алма-Ата, 1965, стр. 158.

⁴ М. О. Ауэзов. Уақыт жөне едебиет. Алматы, 1952, стр. 336.

⁵ С. К. Кенесбаев и Н. Б. Карашева. Казахский язык. — В сб.: «Языки народов СССР. Тюркские языки», т. 2. М., 1966, стр. 320—339.

точным места в казахском языке обычно передается простым предложением с развернутым обстоятельством места, то есть использованием аффиксов, послелогов, вспомогательных слов *жерде* и др.⁶

О том, что в казахском языке различаются обстоятельственные значения места, свидетельствуют вопросительные слова *қайда* (*қай жаққа*) 'куда', *қай жерде*, *кәне* 'где', *қайдан*, *қай жерден* 'откуда'. Эти слова являются принадлежностью придаточных предложений места. В главном предложении могут быть соотносительные слова *бұл жерде*, *мұнда*, *сол жерде*, *осында*, *осы жерде*, *сонда* и т. п. При этом, в отличие от русского языка, должно различать направление действия и местонахождение. Ср.: *Сізді қай жерден күтейдін?* 'Где, откуда ждать вас?' и *Біз қай жерде кездесеміз?* 'Где мы встретимся?' Или: *Мен қай жерден басқа трамвайға ауысып мінім керек?* 'Где, откуда я должен пересестись на другой трамвай?'

Сопоставляя придаточные места в некоторых произведениях русской литературы с переводами их на казахский язык, можно убедиться, что во многих случаях русским придаточным места в казахском тексте (как отмечается и в упомянутой «Сопоставительной грамматике») соответствуют обороты, аналогичные русским распространенным предложениям с обстоятельством места, например: «Потапов молчал, смотрел за окно, где бежали с чайниками пассажиры в ватниках, в валенках» (К. Паустовский «Снег») '*Потапов тіс жарып тіл қаптады, терезеден аяғына пима, ұстіне қаптал шапан киген, қолдарында құмандары бар жолаушыларға мұңая қарап тұра берді*'⁷.

Интересно, что в русском переводе романа С. Муканова «Ботагөз» адекватным такому обороту оказалось придаточное места: *Есіл өзенінің биік жартасын жарып ағатын «Шың бұлақтың» қайнап шығар басында, біреу іздеп таппаса, адам көрмейтін тастың қуысында отырып, 1919 жылдың августың юңбесі (күні, күн тұске тармаса Ботагөз Аскардың осы хатын оқыды* (С. Муканов «Ботагөз») 'Там, где в Ишим вливается бурный Шин-Булак, в незаметной для посторонних глаз каменной пещере, августовским полднем 1919 года Ботагөз в сотый, может быть, раз перечитывала письмо Аскара, полученное ею в конце мая'⁸.

Тем не менее в ряде переводов с русского на казахский обнаруживаются придаточные места. Они имеются, например, в переводе «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого: «„Рихтгофен“! Опытные летчики хорошо знали название дивизии, находившейся под особым покровительством Германа Геринга. Немцы совали ее всюду, где им приходилось туго» (Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке») '*«Рихтгофен»! Тәжірибелі ұшқыштар бұл эскадрильяныңатын білетін. Бұл эскадрилья Герман Герингтің ерекше қарауында болатын. Оны немістер қай жерде жұмысы қиынға айналса, сол жерде айдайтын*'⁹. Грамматические средства связи здесь присутствуют и в придаточном предложении (*қай жерде*), и в главном (*сол жерге*).

Придаточные места встречаются и в переводе романа В. Анчишкина «Арктический роман», например: «Человек должен вернуться, человек не может не прийти туда, где он жил, где оставил верного друга, где его ждут — человек умеет побеждать жестокую Арктику, человек сильный и добрый» (В. Анчишкин «Арктический роман») '*Адам қайтып келуге*

⁶ Д. Турсунов, Б. Хасанов, А. Ислямов, К. Бейсенбаева, К. Ишанов. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата.

⁷ Сб.: «Телегей таскын», перевод Жумабаева. Алматы, 1967, стр. 174.

⁸ С. Муканов. Ботагөз. Перевод С. Родова. Алма-Ата, 1977, стр. 301.

⁹ Б. Полевой. Нағыз адам туралы аңыз. Перевод Сатыбалдиева. Алматы, 1976, стр. 294.

*тиіс, өзі мекен жерге, өзінің сүйікті досы қалған жерге, өзі аңсап күтетін жан несі мақұлық бар жерге адамның қайтып оралмауы мүмкін емес, — адам мына мылқау Арктиканы жеңе алады, адам күшті, адам мейірімді*¹⁰.

Соответственно с наличием придаточных повторяется и средство связи придаточного с главным.

Можно привести примеры сложноподчиненных предложений с придаточными места и из переводов повести А. Фадеева «Разгром», ряда произведений К. Паустовского.

Таким образом, наличие в казахском языке сложноподчиненных предложений с придаточными места, подтверждаемое текстами переводов русских художественных произведений, является фактом.

Вряд ли будет правильно объяснять возникновение придаточных места «союзного» типа только влиянием структуры контактирующего языка. Очевидно, и в самом казахском языке должна была возникнуть потребность в уточненном выражении обстоятельственных отношений места, тем более что соответствующие грамматические средства — союзные и соотносительные слова со значением места — издавна в нем существовали. Можно полагать, что придаточные места, вне связи с переводами, в первую очередь должны были появиться в разговорном казахском языке. Интереснейшим свидетельством употребления придаточных места в живой разговорной речи является пример, приведенный в «Русско-казахском словаре» 1978 года (ч. 1): «Куда назначают, туда и поеду» *‘Қайда тағайындаса, сонда барамын’* (стр. 367). Это сложноподчиненное предложение с придаточным места приведено в словаре без ссылки на конкретное литературное произведение, то есть, следует полагать, взято из разговорной речи.

В казахскую разговорную речь придаточные места могли проникать как под влиянием русской речи, так и вследствие естественной потребности в точном выражении развернутого отношения места. Деепричастный оборот здесь оказался бы более громоздким и не столь ясно выражал бы мысль.

Из приведенных примеров видно, что средство связи придаточного с главным располагается в самых различных позициях: в начале, в середине и в конце предложения. Главным предложением в одних случаях такое отношение выражается, в других — нет. Своеобразна и пунктуация.

Конечно, встречаются и различные переходные явления, например, связь придаточного места с причастием или деепричастием: *Осында — өте жақсы, ал анда, менің скульпторлық тағдырым шешілетін жерде, әлгі Першин тұрып танауын тыңқ өткізеді, сонымен бәрі тәмам*¹¹ 'Здесь — превосходно, а там, где решается моя судьба как скульптора, там тот же Першин только неопределенно хмыкает — и готово' (К. Паустовский «Телеграмма»).

¹⁰ В. Анцишкин. Арктика аңыз. Перевод Ысмагулова. Алматы, 1975, стр. 174.

¹¹ К. Паустовский. Телегей тасқы. Перевод Хасенова. Алматы, 1967, стр. 162.

Т. БЕГЖАНОВ

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Расцвет социалистической экономики, науки и культуры национальных республик Советского Союза вызвал активизацию терминологической работы в нашей стране. В связи с этим необычайную актуальность приобрела проблема изучения отраслевой профессиональной терминологии.

Здесь уместно вспомнить слова знаменитого французского ученого А. Лавуазье о значении терминологии, высказанные им в «Основных рассуждениях о химии»: «Нельзя отделить ни науку от терминологии, ни терминологию от науки, потому что каждая естественная наука обязательно складывается из трех элементов: из ряда фактов, составляющих ее содержание, из представлений, ими вызываемых, и терминов, которыми эти представления выражаются»¹.

Обращаясь к рассмотрению проблем каракалпакской отраслевой профессиональной терминологии, необходимо четко определить само понятие «термин» и те особенности, которые отграничивают термины от обычных слов и словосочетаний в общенародном языке.

Наиболее характерной особенностью терминов А. А. Реформатский считает связь терминов с системой понятий данной науки².

Н. А. Баскаков, обобщив все высказывания, касающиеся определения термина, заключает: «Термин — точно соответствующее обозначаемому понятию устойчивое моносемичное, т. е. однозначное по своему значению и соотнесенное с другими терминами внутри данной отрасли терминологии слово или словосочетание, характеризующееся унифицированным употреблением его в данной отрасли терминологии»³.

В определении профессиональных терминов ученые, можно сказать, единодушны. Наиболее лаконичным, на наш взгляд, является следующее определение: «Профессиональные или специальные термины — это названия каких-либо вещей, явлений в специальной отрасли знания»⁴.

С. Ибрагимов вносит в понятие «профессиональные термины» уточнение: «Профессиональные термины — это не оторванные от словарного состава общенародного языка особые слова, но лишь составная часть

¹ См.: «Вопросы терминологии в союзных республиках». М., 1970. стр. 3.

² А. А. Реформатский. Что такое термин и терминология? — «Вопросы терминологии». М., 1961. стр. 47—48.

³ Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. — «Вопросы терминологии». М., 1961, стр. 55.

⁴ Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь. Современный русский язык. М., 1961, стр. 27.

лексики последнего и один из богатейших источников пополнения лексики литературного языка и научной терминологии»⁵.

Таким образом, профессиональные или специальные термины представляют собой слова, функционирующие как наименования каких-либо вещей, предметов, процессов, явлений и выражающие понятия, характерные для речи группы людей, занимающихся какой-то определенной профессией, специальностью. Этим объясняется узкая сфера употребления профессиональной терминологии, ограниченная сочетаемостью терминов с другими словами и отсутствием у них эмоциональной окраски.

Профессиональная терминологическая лексика каракалпакского языка до настоящего времени должным образом не изучалась. Лишь в последние годы у каракалпакских языковедов усилился интерес к этой проблеме⁶.

В настоящей статье мы попытаемся поделиться некоторыми наблюдениями и выводами, связанными с изучением отраслевой сельскохозяйственной терминологии, определить ее место и значение в лексической системе современного каракалпакского языка, а также выяснить на конкретных примерах пути упорядочения каракалпакской профессиональной сельскохозяйственной терминологии и повышения культуры речи специалистов.

Как отмечает Д. С. Насыров, изучение диалектов каракалпакского народно-разговорного языка обнаруживает в их составе различные лексические пласты, связанные с языками разных систем⁷. Данная особенность присуща и профессиональной сельскохозяйственной терминологии, составляющей один из древнейших пластов каракалпакской лексики.

подавляющее большинство терминов, терминологических сочетаний и названий, употреблявшихся в профессиональном языке каракалпак-земледельцев еще в дореволюционную эпоху, продолжает бытовать и в современном языке: *пахта* 'хлопок', *ғағаша* 'хлопчатник', *шигит* 'хлопковые семена', *гөрөк* 'курак-коробочка', *пахта мамығы* 'хлопковый пух', *хана* 'долька коробочки хлопчатника', *шаңғалақ* 'пустые коробочки хлопчатника', *салы* 'рис', *салыны түйеклей* 'молотьеб риса', *қызыллау* 'очищение обмолоченного риса от шелухи', *баслау* 'колошение', *жипек* 'шелк', *шайы атлас* 'сорта шелковой материи', *дийқан* 'дехканин', 'земледелец', *егин* 'посев', *салыкеш* 'рисовод', *пахтакеш* 'хлопкороб', *пиллекеш* 'шелковод', *зурзат* 'урожай', *суу* 'вода', *жап-салма* 'ороситель' и множество других. Некоторые из перечисленных слов, в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий, должны быть отнесены к архаизмам.

За годы Советской власти образование новых терминов в каракалпакском языке осуществлялось преимущественно за счет его собственных внутренних ресурсов и частично — заимствований из русского, а через его посредство — и из других языков. В этом процессе, помимо лексико-синтаксических и грамматических средств, значительную роль сыграли и такие способы образования новых названий, как переосмысление основных значений существующих слов и терминов литературного языка (так, например, значение старых слов *дийқан* 'дехканин', *пахта-*

⁵ С. Ибрагимов. Профессиональная лексика узбекского языка (на материале ферганских говоров). Ташкент, 1961, стр. 5.

⁶ См.: Е. Бердимуратов. О терминологии каракалпакского языка. — В сб.: «Тюркская лексикология и лексикография». М., 1974, стр. 208—217; Ш. Каримходжаев. Каракалпак тилинің диалектлерінде дийқаншылық терминлерінің қолланылуы өзгешеліктері. — «Вестник каракалпакского филмала АН Узбекской ССР», 1969, № 4; Т. Бегжанов. Каракалпак тили диалектологиясының мәселелерінен. Нөкис, 1971; У. Д. Доспанов. Каракалпак тили кубла диалектінің лексикасы. Нөкис, 1977.

⁷ Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нвкус.—Казань, 1976, стр. 340.

кеш 'хлопкороб', *уста* 'мастер' в советское время неизмеримо расширилось), а также метод калькирования («пятилетний план» — *бесжыллық план*, «трудодень» — *мийнет күн*, «социалистическое соревнование» — *социалисттик жарыс*, «хозяйственный расчет» — *хожалық есабы*, «сельскохозяйственные вредители» — *ауылхожалығының зиянлы жанликлери*, «шелкомотальная фабрика» — *жипек орау фабрикасы*).

Русский язык играет особую роль, являясь важнейшим источником обогащения и пополнения лексики каракалпакского языка новыми терминами, словами и названиями. Так, профессиональная сельскохозяйственная терминология каракалпакского языка значительно обогатилась за счет заимствований из русского языка, а через его посредство и из других языков. Сюда прежде всего относятся термины, связанные с механизацией процессов выращивания и обработки хлопчатника, риса, уборкой и переработкой урожая, изготовлением одежды, производством пищевых продуктов, разведением шелковичного червя и т. д. Некоторые из этих терминов, прочно укоренившись в профессиональной речи хлопкоробов, рисоводов и шелководов, употребляются в своей исконной форме и воспринимаются как каракалпакские слова. Примером могут служить такие термины, как *пункт*, *завод*, *сушилка*, *бригада*, *звено*, *сорт*, *трактор*, *ферма*, *план*, *председатель*, *колхоз*, *совхоз* и др.

Что же касается метода подбора эквивалентов к русским техническим терминам, то к нему обычно обращаются лишь в случаях создания терминов для тех отраслей производства, которые исторически сложились и развивались на данной территории. К ним в сельском хозяйстве Каракалпакки относятся хлопководство, рисоводство и шелководство. В языке специалистов этих профессий имеются эквиваленты таких русских терминов, как, например: «хлопководство» — *пахташылық*, «хлопковые семена» — *шигит*, «удобрение» — *төгін*, «тонковолокнистый хлопок» — *жиңишке талшықлы пахта*, «хлопковое масло» — *пахта майы* или *ақ май*, «боронование» — *тырмалау*, «прополка» — *отау*, «оросительная сеть» — *суығарыу тарауы*, «богатый урожай» — *мол зурәт*, «рисоводство» — *салыгершилик*, «обмолот» — *түйеклей*, «рейка-водомер» — *суу өлшеуиш рейка*, «водоросль» — *бақа тоақын*, — «шелководство» — *жипекшилик*, «шелковичные черви» — *жипек құрты*, «кокон» — *пилле*, «червоводня» — *құртхана*, «червовод» — *құртбағар* и т. д.

В профессиональной сельскохозяйственной терминологии каракалпакского языка термин *шигит* функционирует только в значении «семена хлопчатника». Семена всех остальных технических и зерновых культур называются *туқым*. Так, например, мы говорим и пишем: *Бийдай*, *жуғери*, *салы*, *арпа*, *қайын*, *ғарбыз туқымлары* 'Семена пшеницы, джугары, риса, ячменя, дыни, арбуза', однако вместо ожидаемого *ғайаша туқымы* во всех языках тюркской семьи употребляется сочетание *ғайаша шигит*, имеющее то же лексическое значение («семена хлопчатника»), хотя пишется и произносится оно в каждом из языков с соответствующими фонетическими изменениями. Упоминание о *шигит* 'семенах хлопчатника' мы встречаем и у Махмуда Кашгари, что указывает на то, что слово *шигит* существовало еще в XI веке в языке племени аргу, населявшего междуречье Сырдарьи и Амударьи, и также означало «семена хлопчатника»⁸. В. В. Радлов относит это слово к джагатайскому языку, считая его функционирующим с древних времен⁹.

На основе сравнительного исследования употребительных форм и лексического значения термина *шигит* в тюркских языках можно пред-

⁸ Махмуд Кашгари. Дивани луғат-ит түрк, стр. 296, 360, 464.

⁹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4, стр. 1131—2065.

положить, что данное слово восходит к глаголу *шығыу* 'всходить'. В пользу такого предположения говорит и то, что *шигит* означает «семена хлопчатника, давшие всходы после посева» или же «семена, отделившиеся от волокон при заводской переработке хлопка-сырца». Данный процесс выражается инфинитивной формой глагола — *шығыу* 'всходить, отделяться'. Слово имеет и второе, иносказательное значение: «что-либо мелкое, крошечное, мизерное»: *Қыздың шекесінде шигиттей сулың қалы бар* 'На щеке у девушки есть крошечная, величиной с шигит (хлопковое семя) родинка'.

Однозначность в употреблении терминов и терминологических сочетаний в сельскохозяйственной терминологии каракалпакского языка — одна из наиболее актуальных проблем, без решения которой невозможно упорядочить и унифицировать термины этой отрасли народного хозяйства. Для современного профессионального языка хлопкоробов характерно параллельное функционирование наиболее распространенных исконных хлопководческих терминологических сочетаний, таких, как *шигит егий* 'сев хлопковых семян', *шигит себий* 'посев хлопковых семян', *пахта егий* 'сев хлопка', *ғағаша егий* 'сев хлопчатника'. Подобная пестрота и произвольность в употреблении терминов засоряет язык, создает неизбежную путаницу в их понимании. Из массы дублетных вариантов необходимо отобрать те названия, которые больше других соответствуют нормам литературного языка и точнее выражают сущность обозначаемого предмета, процесса, явления. Если приведенные названия проанализировать с этой точки зрения, то обнаружится, что наиболее точен термин *шигит себиледи* 'посев семян хлопчатника'.

В профессиональной речи хлопкоробов и других специалистов и работников хлопководства широко употребительны термины *ғағаша* 'хлопчатник' и *пахта* 'хлопок'. Термин *ғағаша* означает вегетационный период хлопчатника. В связи с этим в дублетных вариантах употребляются терминологические сочетания *ғағаша тәрбиясы* 'обработка хлопчатника', *пахта тәрбиясы* 'обработка хлопка' и сочетания *ғағашаны суғғарыу* 'полив хлопчатника', *пахта суғғарыу* 'полив хлопка'. С точки зрения передачи сущности выражаемого понятия, второй вариант совершенно неприемлем, ибо он не отражает содержания трудового процесса (обрабатывается и поливается не хлопок, а хлопчатник, то есть хлопковое растение).

Обратимся к другому примеру — *пахта* 'хлопок'. Этот термин выражает несколько следующих значений: а) культура хлопчатника; б) продукция, получаемая после созревания коробочек хлопчатника, то есть сам урожай; в) созревающие, находящиеся внутри коробочек волокна хлопка (после уборки и первоначальной обработки урожая различают: *шигитли пахта* 'хлопок-сырец' и *шигитсиз пахта* 'хлопковое волокно'); г) бунты спрессованного хлопкового волокна (после окончательного отделения волокна от семян хлопок спрессовывается и укладывается в бунты весом примерно по 200 кг).

Многозначно и слово *тут*: «тутовое дерево»; «шелковица», «листья шелковицы, скармливаемые шелколичным червям», «тутовые ягоды»; «пень, оставшийся после срубленного тутового дерева» и т. д.

Явления полисемии, омонимии и антонимии, хотя и не характерны для профессиональной терминологии, однако, тем не менее могут в известной степени служить средством обогащения профессиональной лексики. При употреблении многозначных слов, омонимов и синонимов в профессиональной речи важно, во-первых, добиваться максимальной однозначности терминов и, во-вторых, исходить из профессионального содержания контекста или разговорной речи, в которые вводится тот или иной конкретный термин.

При переводе специальной сельскохозяйственной литературы с русского на каракалпакский язык очень часто заимствуются и терминологические сочетания, например: «плодовая ветвь», «вегетационная ветвь», «хлопковые семена». В повседневной речи хлопководов широко функционируют термины-кальки таких словосочетаний в русском языке, как «конная сеялка», «подвесной культиватор», «тракторная борона», «боронование зяби», «визер-показатель», «механик-водитель», «технические семена», «подкормочный культиватор», «куракоуборочный комбайн», «ворохоочиститель», «грузокорчеватель» и т. д. Что же касается рисоводческих терминов, то часть их, связанная с сельскохозяйственной техникой и минеральными удобрениями, также заимствована из русского, а через него и из других языков. Например: *азот, фосфор, калий, хлорлы калий* («хлористый калий»), *аммоний сульфаты* («сульфат аммония»), *аммиаклы газ* («аммиачный газ»), *бульдозер, скрепер, грейдер, айыр дискалы тырма* («борона с тяжелыми дисками»), *жатка, подборщик, комбайн, зигзаг тырма* («зигзагообразная борона»), удобрения: *РТТ-4, РТТ-2, РУМ-3, РНГ-4, ондром гербициди* («ондромный гербицид»), *пропанидлер группасы* («группа пропанидов»), *мыс купоросы* («медный купорос»).

В профессиональной терминологии шелководства много неологизмов, возникших в результате переосмысления основных значений слов литературного языка. Сюда относятся: а) названия, сложившиеся в связи с коллективизацией сельского хозяйства: *колхоз пиллекеши* «колхозный шелковод»; *колхоз туты* «колхозная шелковица»; *колхоздың пиллешилик планы* «план колхоза по производству коконов»; *пиллешилик бригадасы* «шелководческая бригада»; *тутшылык бригадасы* «тутоводческая бригада»; *жипекшилик экономикасы* «экономика шелководства»; б) названия промышленных предприятий, производственных, хозяйственных подразделений, должностей и званий шелководов и работников шелковой промышленности: *пиллешилик бригадасы* «шелководческая бригада», *грен заводы* «гренажный завод», *жипек орай комбинаты* «шелкомотальный комбинат», *бас мастер* «старший мастер» и другие; в) названия различных трудовых процессов шелководства: *прием жылы* «прием»; *сортировка жылы* «сортировка»; *журытыу, кептириу* «просушивание (влажных грен)»; *жалталау* «тарование (раскладка по мешкам просушенных грен)»; г) названия выведенных за последние годы сортов тутового дерева; *мадений сорт* «окультуренный сорт», *Победа, гибрид* и т. д.; д) калькированные названия: «пятилетка» — *бесжыллык*, «хозяйственный расчет» — *хожалык есабы*, «тутовое хозяйство» — *тутшылык хожалыгы*, «заработная плата» — *хызмет хақы*, «дезинфекция червоводни» — *қуртхананы дәрилей* и др.

Каракалпакским языковедам предстоит огромная работа, связанная с упорядочением и нормализацией сельскохозяйственной терминологии, употребляемой в периодической печати, профессиональной сельскохозяйственной литературе, деловых бумагах, в профессиональной речи хлопководов, шелководов и других специалистов. В настоящее время многие функционирующие термины профессиональной лексики, не будучи научно-классифицированными и систематизированными, имеют множество неоправданных сосуществующих дублетных вариантов-синонимов, например: *пахта культивациясы* «культивация хлопка», *гайаша культивациясы* «культивация хлопчатника»; *пахтаны отау* «прополка хлопка», *гайашаны отау* «прополка хлопчатника» и т. д. Здесь удачными следует признать вторые варианты.

Классифицируя профессиональную терминологию сельского хозяйства, следует выделить термины, общие для всех его отраслей. К последним относятся: *сорт, туқым* (семена сельскохозяйственных культур;

породы тутовых деревьев, коконов; грена шелковичных червей), *зураат* 'урожай' (*пахта зураэти* 'урожай хлопка', *салы зураэти* 'урожай риса', *пилле зураэти* 'урожай коконов'), *өним* 'продукция', *механизацияластырыу* 'механизация', *химизациялау* 'химизация', *төгин* 'удобрения', *сууғарыу тарауы* 'оросительная сеть', *кабыллау пункти* 'приемный пункт', *хожалықтың рентабельлиги* 'рентабельность хозяйства', *мийнет өнімдарлығы* 'производительность труда' и многие другие.

Ряд слов этого общего терминологического пласта (например, *сорт*) продолжает существовать в профессиональной сельскохозяйственной терминологии каракалпакского языка в своей исконной форме, другие — соответствующие интернациональной терминологии — имеют в языке свои исторически сложившиеся эквиваленты. Часть последних образована посредством присоединения к интернациональным словам аффиксов каракалпакского языка: «механизация» — *механизацияластырыу*, «химизация» — *химизациялау*. Можно также выделить группу терминов, представляющих собою смешанные терминологические словосочетания, одним из компонентов которых является каракалпакское слово, а другим — русское с присоединенным каракалпакским аффиксом («приемный пункт» — *қабыллау пункти*, «рентабельность хозяйства» — *хожалықтың рентабельлиги*). Отметим и термины, образованные путем калькирования («оросительная сеть» — *сууғарыу тарауы*, «производительность труда» — *мийнет өнімдарлығы*).

В заключение укажем, что профессиональная сельскохозяйственная терминология составляет важную часть терминологической лексики современного каракалпакского литературного языка.

Наряду с упорядочением и нормализацией сельскохозяйственной терминологии, перед каракалпакскими лингвистами стоит актуальная задача создания отраслевых словарей профессиональных терминов, в которых остро нуждаются все специалисты и работники сельского хозяйства республики.

В этой большой и ответственной работе, помимо ученых-лингвистов, должны принять активное участие и специалисты сельского хозяйства.

Ш. Ч. САТ

ТАБУ И ЭВФЕМИЗМЫ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Табу, то есть запрет, в данном случае на произношение названий каких-либо животных, явлений природы и т. п., возникло у разных народов на ранних ступенях их развития как следствие осознания людьми своей незащищенности перед стихийными силами природы, сильными хищными животными, суеверного страха перед ними.

Табуированию подвергались обычно названия хищных животных и птиц, опасных болезней, устрашающих явлений природы, биологических процессов, связанных с беременностью и родами, и т. п. Так, например, табуируются слова: *адыг* 'медведь', *бөрү* 'волк', *эзир* 'орел', *өкпе аарыы* 'туберкулез' (букв. 'болезнь легких'), *өлүр* 'умирать', *сааттыг* 'беременная', *төрүүр* 'рожать' и др. Запрет налагается также на некоторые слова, отражающие семейно-бытовые взаимоотношения. Табуированные названия заменяются эвфемизмами.

В словарях тувинского языка, особенно в «Тувинско-русском фразеологическом словаре» Я. Ш. Хертека (Кызыл, 1975), встречается множество эвфемизмов, хотя специально они еще не изучались.

Тувинцы, как и другие народы Центральной Азии, с незапамятных времен занимались охотой и скотоводством. В их языке выработалось немало табуированных слов и эвфемизмов, связанных с этим родом занятий.

Некогда страшными врагами людей, домашних и диких животных были волки, поэтому название *бөрү* 'волк' табуировалось. Другим опасным врагом, особенно мелкого скота и молодняка, был орел, и на его название *эзир* также налагалось табу.

Обычно гость тувинца или любой посетитель его жилища после обмена приветствиями спрашивал хозяина: *Мал-маганыңар ыт, куштан сол-дур бе?* 'Ваши домашние животные мирно пасутся?' (букв. 'Не нападают ли собаки и птицы на ваш скот?'). Чтобы избежать употребления названий *бөрү* 'волк', *эзир* 'орел', спрашивающий пользуется эвфемизмами: *ыт* 'собака', *куш* 'птица'. Для обозначения волка у тувинцев существуют следующие эвфемизмы: *кызыл-карак* 'красноглазый', *көк-хелиң* 'серый монах', *кокай* (в Каа-Хеме, Тере-Холе — *кокаай*) 'страшный', *кокай-ашак* 'страшный мужик', *узун-кудурук* 'длиннохвостый', *чер ыгды* 'земная собака', *алтайның ыгды* 'алтайская собака', *чер чүвези* 'что-то земное'¹.

¹ Последние три эвфемизма отмечены И. Лауде-Циртаутас в статье «О табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках». — «Советская тюркология», 1976, № 4, стр. 79.

В общенародном тувинском разговорном языке и его диалектах широко распространены эвфемизмы, обозначающие медведя. Его название *адыг* заменяется эвфемизмами *чер-кулактыг* 'земноухий', *мажаалай* 'нечто огромное', *ирей* 'старик', *хайыракан* 'господь' (монг. *хайрхан* 'милостивый'), *чоорганныг* 'с одеялом', *кара-чүве* 'нечто черное', *кырган-авай* 'бабушка', *кырган-ачай* 'дедушка', *тайга ээзи* 'хозяин тайги'. Относящиеся к медведю слова *өлүр* 'умирать', *өлүрер* 'убить' заменяются выражениями *даялаар* 'покончить жимолостью' (смысл: «убить стрелой, сделанной из жимолости»), *даяладыр* 'покончить с помощью жимолости'. Охоту на спящего в берлоге медведя называют *хайыракан аалдаар* 'гостить у медведя'. Некоторые тувинцы племени *тулуш* (< *төлес*) называли себя *адыг-тулуш*. Видимо, *адыг* 'медведь' является тотемом части тулушей, и это название табуировалось.

Немало вреда приносит человеку и животным змея. Ее название *чылан* табуируется и заменяется эвфемизмами: *чылбыраар* 'ползучий', *курт* 'червь', *узун-курт* 'длинный червь'. Название *чылан* в тюркских языках когда-то являлось эвфемизмом, лишь позднее оно стало наименованием змеи: *чыл* 'ползать' + *ан* (словообразующий аффикс) > *чылан* 'ползучий' > 'змея'.

Существует эвфемизм-загадка, посвященная змее: *Артап болбас алдын өргөн, дээп болбас демир эрген* 'Золотой кол, через который нельзя перешагнуть, железный кол, который нельзя трогать'.

Употребление эвфемизмов широко распространено у охотников. В их речи часто встречаются уважительные названия диких животных. *Сыын* 'марал' и *мыйгак* 'самка марала' объединяются общим названием *улуг аң* 'большой зверь'. Убитого зверя иносказательно называют *оран*, *таңды хайыразы* 'дар земли и горы'; вместо выражения *аңны өлүрдүм* 'убил зверя' говорят: *оран, таңды хайырлаан* 'подарили земля и гора'. Употребляется много вежливых и ласковых названий домашних животных. Вообще грубое обращение с животными осуждается и порицается тувинцами.

Большой популярностью в Туве пользуются глубокие мудрые пословицы, песни и загадки, посвященные домашним животным. Примеры:

*Инектиг кижиги тодуг,
Хойлуг кижиги каас* (Пословица)
'У кого корова, тот сыт,
У кого овцы, тот наряден'.

*Кара-доруг дерлиг турар,
Кандыг оран киргеш келген...* (Песня).
'Гнедой стоит потный,
В каких странах он побывал...'

Клички лошадей типа *Кара-Доруг*, *Доруг-Дай*, *Челер-Ой*, *Базар-Ой* по существу являются уважительными, величальными именами, подчеркивающими их достоинства.

*Каас оглум оттуу чок.
Кадын кызым хачызы чок* (Загадка)
'У моего нарядного сына нет огнива,
У моей дочери-царевны нет ножниц'.

(Отгадка: Конь, у него нет желчи,
Корова, у нее нет верхних передних зубов).

В этой загадке словами *кыс*, *оол* соответственно заменены *инек* 'корова', *аът* 'конь'.

Образ коня *хей аът* (букв. 'воздушный конь') олицетворяет духовный подъем человека, сочетание *хей аът кирер* (букв. 'появится его воз-

душный конь') означает «вдохновение». Фразеологизм *аъдынъ бажы чалданыр* 'умереть' также связан с образом коня (букв. 'голова его коня от испуга уклонилась'). В данном случае сочетание *аът бажы* означает «жизнь», *чалданыр* — «умереть».

Сочетание *дуоун бастырап* 'возродить утраченное животное' букв. 'восстановить копыто', 'заставить ступать на копыто'. Сочетание *мал сурер* 'гнать скот' иногда заменяется словом *чалаар*, имеющим более уважительный оттенок: 'приглашать', например: *Хойну дагже чалап кагдым* 'Я погнал овец на гору' (букв. 'Я пригласил овец на гору').

Выражение *өлүрүп чиир* 'зарезать для еды' (относится к мелкому рогатому скоту) часто заменяется эвфемизмом *дөггерер* 'прикончить' (*хой дөггерер* 'зарезать для еды'), *бооп чиир* 'задушить ремнем и есть' (*аный бооп чиир* 'зарезать козленка'). У тувинцев-охотников широко бытовала разновидность обрядового фольклора — *чалбарыг* 'моление, обращение-просьба' к «хозяевам гор и лесов» о благосклонном отношении и щедрости к охотникам, о наделении их пушниной. В таких молениях названия животных заменялись эвфемизмами.

*Олчалыг — омактыг
Дээр адам, Делегей ием!..
Эрээн алаң эрнинден,
Каас алаң хаайындан
Астырып-дистирип тур,
Алдын таңдым!*

«Тыва улустуң аас чогаалы». Кызыл, 1976, стр. 136—137.

*'Благодатные — благосклонные
Небо-отец, Земля-мать!..
Соблаговолите, чтобы (мы) вешали и нанизывали
Твоих разноцветных пестрых по губам,
Твоих нарядных пестрых по носам,
Золотая высокая гора моя!'*

Здесь словосочетания *эрээн алаң* 'твой разноцветные пестрые', *каас алаң* 'твой нарядные пестрые' — эвфемизмы, заменяющие названия белки — *дишң*, соболя — *киш*. (Шкурки белки и соболя сушат, нанизав их на шнурок, продетый сквозь их ротовое или носовое отверстие). В некоторых молениях *сыын* 'марал' называется *майыстыг* 'рогатый', *дишң* 'белка' — *сарыг диштиг* 'желтозубая'.

Табуирование распространялось и на семейно-бытовые отношения. Так, например, нельзя было произносить имен жены и мужа, или имен пожилых людей. Муж и жена называли друг друга иносказательно: *амдыы кижы*, *демги кижы* 'тот человек', *кымый* (< *кым-ый*) 'кто-то', *өөм ээзи* 'хозяин', *ачазы* 'папа', *авазы* 'мама'. Старых людей обычно называли по прозвищу. Молодые люди, желая скрыть имя своего жениха или невесты, называли их или *кымый* 'некто, кто-то', или *дембирек* (< *дембир-ек*) 'кто-то неизвестный', *ындабирек* 'кто-то там, один человек'.

Существуют эвфемизмы (в том числе фразеологические), обозначающие понятия, связанные с беременностью и родами. Слово *сааттыг* 'беременная' заменяется выражениями: *иштиг* ~ *ижинниг* 'с животом', *дакпырлыг* 'двукратная'; когда беременность подходит к концу, говорят: *адаа аартаан* 'отяжелела'; глагол *төрүпкен* 'родила' заменяют более уважительными словами или словосочетаниями: *божаан* 'разрешилась', *адаа чиигээн* 'стала легкой', *караа чыраан* 'глаза ее посветлели' и др.

Табуируются названия частей тела, а также некоторых биологических процессов, связанных с бытом человека, например, употребляются эвфемизмы: *үнүп алыр* 'сходить на улицу', *куду олуртур* 'страдать поносом'.

Создано немало эвфемизмов, связанных с понятием *өлүм* 'смерть': *мөчүүр* 'скончаться', *чок анаар* 'не стать', *калыр* 'остаться', *чорта бээр* 'уехать на коне', *аъдының бажы чалданыр* 'голова его коня от страха отклонилась', *кызыл-дустаар* 'поехать за красной солью', *бурган болур* 'стать богом', *чиде бээр* 'исчезнуть', *бирлир* 'превратиться (о маленьких детях)'.

Если человек утонул, то вместо *сугга дүжүн өлгөн* 'утонул в воде' принято говорить: *сугга эндээн* 'ошибся на воде'; если человек убит молнией (*чаңнык соккан*), говорят *чаңнык эндээн* 'молния допустила ошибку (по отношению к человеку)', *кудай ойнаан* 'небеса сыграли'.

Согласно древним представлениям и поверьям, небеса могут принести человеку большие неприятности: ниспослать молнию, ураганный ветер, засуху и др. Поэтому небо (*дээр*) уважительно называют *үстүү хайыракан* 'верхний господь; всевышний'. К названиям больших рек и гор иногда присоединяют слово *хайыракан*: *Улуг-Хем хайыракан* 'величавый Улуг-Хем', 'его величество Улуг-Хем' (тувинское название Енисея), *Танды-Уула хайыракан* 'его величество Танды-Уула' (название горного хребта), выражая таким образом почтительное отношение к окружающей природе. Это получило отражение и в народной песне:

*Эрги кара эжим-дир сен,
Эштип кежип келем, эжим.
Ээр Хемчик хайыракан
Үндүр чалгып каггай-ла ыңай.*

'Ты, мой милый друг,
Приплыви, мой милый.
Величавая Хемчик-река
Принесет на своих волнах'.

Часть эвфемизмов арханизировалась, вышла из употребления, однако большинство из них сохранилось в живой речи, придавая ей оттенок вежливости, почтительности и большей выразительности.

Эвфемизмам противопоставляются дисфемизмы — слова или словосочетания с пренебрежительным, грубым или ироническим оттенком значения. Так, в тувинском языке волка называют *улдурук*, *коккаарак* (презрительная кличка), медведя (*адыг*) шутливо — *майтак* 'косопалый', барсука (*морзук*) — *калчак-көк* 'лысый серый', росомаху (*чек-пе*) — *ыргак* 'кривая'. Когда беспрерывно идет назойливый дождь, о нем говорят *дежилген* 'продырявленное'. Собаку (*ыт*) ругают *аза-четкен* 'черт повел', корову — *хокулчак* 'костлявая', *бөрү-чээн* 'волк бы съел'.

Дальнейшие инвентаризация и обобщение табуированных слов, эвфемизмов и дисфемизмов в тувинском языке, несомненно, дадут богатый дополнительный материал для сравнительного изучения тюркских языков.

М. Ш. ТУРАБОВА

ПРИЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В УЗБЕКСКИХ ГОВОРАХ

Одну из основных особенностей синтаксиса диалектов составляет специфика построения предложения. В диалектах узбекского языка существуют конструкции и обороты, грамматически, семантически и интонационно отличающиеся от структуры предложений узбекского литературного языка.

Известно, что письменная речь прежде чем быть зафиксированной тщательно обдумывается, обрабатывается и при необходимости заново перерабатывается, в то время как разговорная речь характеризуется непосредственностью, импровизационностью, эмоциональностью и экспрессивностью.

Мы в данной статье остановимся лишь на конструкции, отражающей все специфические особенности синтаксиса говоров.

В ходе беседы говорящий часто неожиданно замечает, что он забыл сказать нечто важное и дополняет им уже сказанное, основное. Подобные конструкции, в которых дополнение следует после высказанной основной мысли, в языкознании определяются по-разному. В русском языкознании они именуются: «присоединительными конструкциями», «присоединительной связью», «конструкцией добавления», «парцелляцией»¹. Названные конструкции, характерные прежде всего для разговорной речи, в настоящее время стали внедряться и в письменную речь, индивидуализируя язык персонажей художественной литературы.

В узбекской советской литературе упомянутые конструкции встречались главным образом в переводах литературных произведений. В настоящее время границы их использования значительно расширились. В художественных произведениях, публицистических статьях присоединительные конструкции как особый способ непосредственной и живой передачи речи персонажей приобрели чрезвычайную распространенность. Это объясняется сближением литературного языка с разговорным, а также влиянием русского языка.

Следует отметить, что подобные конструкции рассматриваются в узбекском языкознании не как самостоятельное синтаксическое явление.

¹ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. — «Русская речь». Новая серия. Л., 1928, стр. 23; В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947; С. Е. Крючков. О присоединительных связях в современном русском языке. — В кн.: «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950; О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976; Ю. В. Винников. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). М., 1969; Н. И. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина, В. В. Ципукович. Современный русский язык. М., 1964.

ние, а в составе различных языковых категорий. Так А. Бабаева относит приложные конструкции к неполным предложениям². В некоторых учебниках для средних и высших школ приложные конструкции квалифицируются как обособления: *Bir q'iz tu'yildi. Hini* 'Родилась девочка, маленькая'; или как неполное предложение: *Katta kalxāz ba'yi bag. A'zajib ba'y* 'Есть большой колхозный сад. Хороший сад'³.

Значительный интерес представляют приложные конструкции в диалектах.

При исследовании связи сильно обособленных отрезков речи с контекстом выясняется, что во многих случаях они, как и слабо обособленные отрезки, употребляются не самостоятельно, а служат как бы дополнением к основным элементам, формально соответствующим стандартным предложениям и тесно связанным с ними.

Приложная конструкция обладает рядом специфических особенностей, которые определяются, с одной стороны, интонацией, с другой — позицией в высказывании.

Приложная конструкция всегда следует после основной мысли, отделяясь от нее паузой⁴. Если изменить здесь порядок следования, то грамматические функции приложной конструкции тоже изменятся.

Приложные конструкции выполняют следующие функции:

1) *Обособленного члена*: *Uriştan kejin Tāškenga keganmiz. Av'zi qijinc'ilij vāxtida* — *Uriştan kejin qijinc'ilij vāxtida. Tāškenga keganmiz* (ташк.)⁵. 'Приехали мы в Ташкент после войны. Как раз в самое трудное время. — Приехали мы в Ташкент в самое трудное время после войны'.

Приложная часть первого предложения, дополняя предшествующую мысль и конкретизируя ее, уточняет время совершения действия. Во втором предложении приложная конструкция выступает обособленным членом и способствует полной передаче смысла, выражаемого всей фразой. Если в первом примере главным является значение пояснения, то во втором — значение разделения. Конечно, не всегда приложные конструкции в предложении выполняют функцию обособленного члена. Это можно проиллюстрировать следующими примерами: *Bir kişi kulimsip turipti. Qōlida qayaz.* — *Bir Kizi qōlida qayaz kulimsip turipti* (ош.) 'Мужчина стоял, улыбаясь. В руках бумага. — Мужчины с бумагой в руках стоял, улыбаясь'; *Marjam rahmatliij žuda qiziq edi. Kināga āladigan.* — *Marjam rahmatliij žuda jiziq kināga āladigan edi* (ош.) 'Покойница Марьям была очень интересной. Ей бы в кино сниматься. — Покойница Марьям была очень интересной, чтобы сниматься в кино'. При этом приложная конструкция теряет свое значение и утрачивает выразительность.

2) *Однородного члена*: *Padāčini bir qizi varākān. Aqilli dana.* — *Padāčini bir āqilli, dana qizi varākān* (ташк.) 'У пастуха была дочь. Умная, мудрая. — Дочь пастуха была умная, мудрая'. Приложная часть предложения, поясняя сказанное в основном предложении, служит не только определением достоинств девушки, но и утверждением этих до-

² А. Бабаева, Тўлиқсиз гап. Тошкент, 1978.

³ А. Гуломов, М. Асқарова. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965, стр. 95.

⁴ Однако в диалектах обособленные члены в зависимости от актуальности могут употребляться в конце предложения, причем они отличаются интонационными особенностями.

⁵ В работе приняты следующие сокращения: *анд.* — андижанский говор, *ташк.* — ташкентский диалект, *ферг.* — ферганские говоры, *вк.* — верхне-кашкардарьинские говоры, *ош.* — ошский говор.

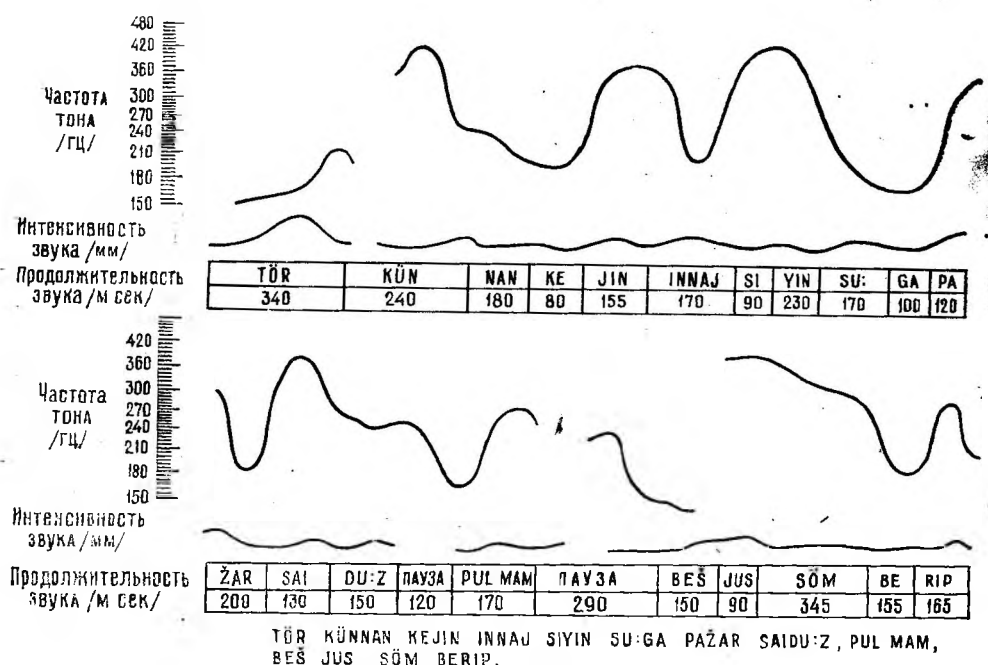
«стоинств говорящим. Во втором предложении с обычным порядком слов достоинства девушки просто названы. Мысль говорящего передана не совсем точно, упрощенно. Ср.: Biz munaqalani kopini kijgammiz. Turli xilini. — Biz munaqalani kopini, turli xilini kijgammiz (ташк.) 'Мы много таких одевали. Различных. — Мы много таких, различных, одевали'.

Из приведенных примеров видно, что приложная часть способствует выделению важной мысли, то есть приложная конструкция является одним из средств речевой актуализации. В таких случаях очевидным становится то, что приложная конструкция заранее обдумана и заключенная в ней мысль высказана с определенной целью. Для говорящего она даже главная. Поэтому было бы не совсем верно считать это явление «следствием спонтанности, неподготовленности разговорной речи»⁶, и нет никаких оснований полагать, что приложная конструкция возникает у говорящего внезапно.

Можно выделить следующие основные функциональные типы приложных конструкций: 1) эмоционально-экспрессивная, 2) логико-семантическая, 3) пояснительная.

Эти типы различаются своеобразной интонацией, что подтверждается экспериментальными исследованиями⁷. Например: Tör künpän kejin innajsiyin su:ga pažar saldu:z, pul mäm. Beš jus som berip (ташк.) 'Через четыре дня спустили в воду пожарников, за деньги. Заплатили им пятьсот рублей' (см. таблицу 1).

Таблица 1

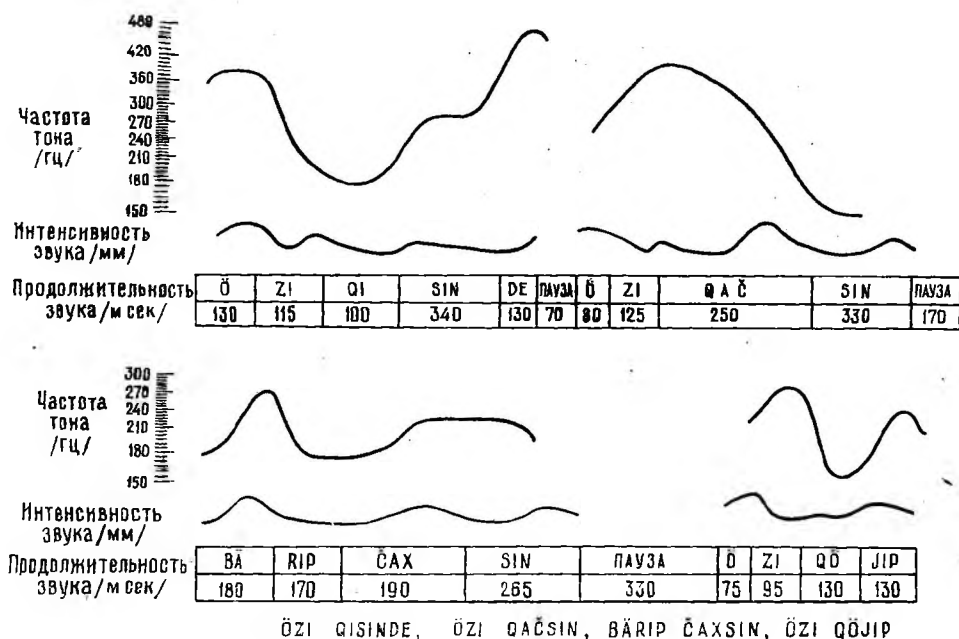
⁶ Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978, стр. 196.

⁷ Автором экспериментально проанализирован ряд предложений. Здесь приводятся только некоторые из них.

Данное предложение состоит из обособленного члена и приложной конструкции. Употребление обособленного члена после основного, почти законченного предложения свидетельствует о том, что эта часть предложения информативно второстепенная и только дополняет главную мысль. Приложная же конструкция уточняет общее значение обособленного члена и указывает, какими средствами совершается действие, о котором идет речь в предложении. Обособленный член не выражает главного содержания высказывания. Это ясно показывают пауза и интенсивность звуков. В основном предложении интенсивность звука измеряется 8—14 мм, в дополнительной части — не более чем 4 мм. Последующая приложная конструкция, с точки зрения интонации, тона, а также интенсивности звуков, отличается от обособленного члена. Самый высокий тон обособленного члена имеет частоту 270 гц, в приложной же конструкции — 380 гц, и это предложение выделяет и подчеркивает значение суммы («пятьсот», а не «четыреста» или не «триста»). Пауза между основным предложением и обособленным членом составляет 120 мсек, а приложной конструкцией — 290 мсек.

Приведем второй пример: *Özi qisinde, özi qačsin, bärir čaxsin. Özi qöjir* (ташк.) 'Сделав сам, сам удрал, да ябедничал. Сам поставил' (см. таблицу 2).

Таблица 2

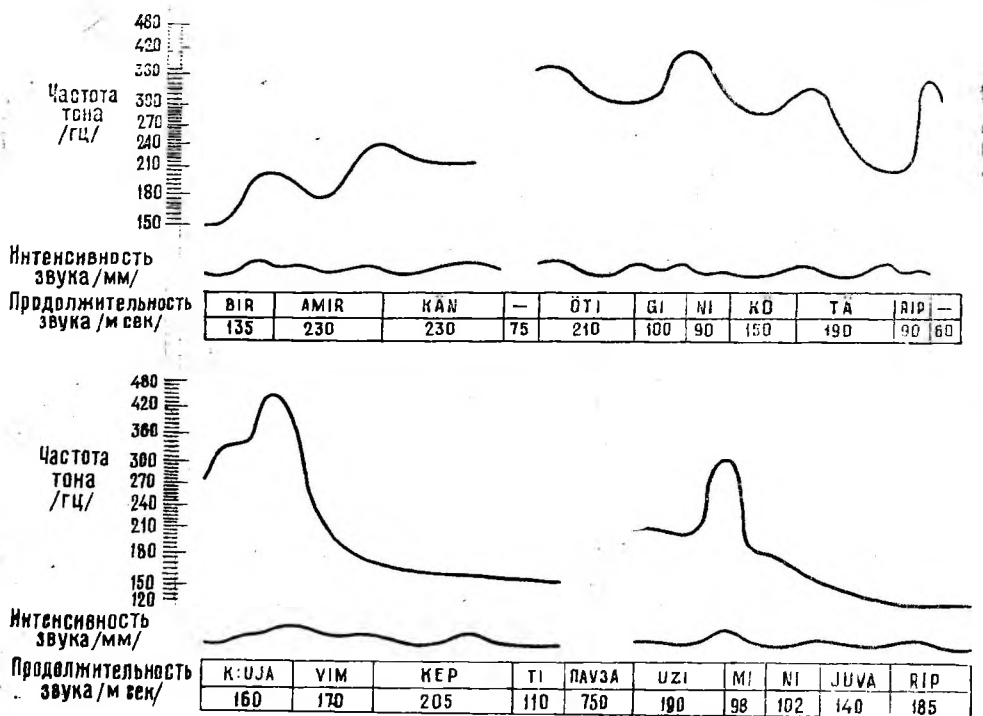

Приложная конструкция в данном предложении, дополняя и конкретизируя значение последнего, употребляется для передачи логической сущности и эмоциональности его содержания. Это достигается длительной паузой (330 мсек), которая возникает между первой и последующей частью, а также высоким тоном (230 гц), интенсивностью звуков, логическим ударением.

Одна из основных особенностей разговорной речи диалектов состоит в том, что говорящий сообщает все, что помнит по данному пово-

ду, не исправляя и не изменяя произнесенного. Сказанное проиллюстрируем на примере экспериментального анализа следующего предложения: *Bir amirkān ōtigini kōtarip kujavim kepti. Uzimini juvarip* (ташк.) 'Пришел зять, с собой у него были хромовые сапоги. Отправив виноград' (см. таблицу 3).

Таблица 3

BIR AMIRKĀN ŌTIGINI KŌTARIP KUJAVIM KEPTI, UZIMINI JUVARIP.

В этом предложении приложная конструкция употребляется с целью сообщения дополнительных фактов, которые пришли на память позже. В данном случае характерны следующие показатели: большая пауза между основным предложением и приложной конструкцией (750 мсек); высота тона приложной конструкции — 320 гц, интенсивность — 6—2 мм, высота тона основного предложения — 460 гц, интенсивность 9—6 мм.

Экспериментальный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) приложным конструкциям свойствен своеобразный ритмико-мелодический рисунок. Приложная конструкция, употребляемая для выражения эмоционально-экспрессивного оттенка и логической сущности сказанного в основном предложении, обладает самым высоким тоном и интенсивностью звука;

2) если приложная конструкция в предложении употребляется для конкретизации дополнительных сведений, которые вспоминаются говорящим в процессе беседы, то ее тон и интенсивность несколько ниже тона и интенсивности основного предложения.

Эмоционально-экспрессивные и логико-семантические значения выражаются, как мы уже видели, интонационно. Кроме того, эти зна-

чения передаются и лексико-грамматическим способом, путем повторения в приложной части члена, употребленного в основном предложении. Повторяющийся член предложения, входящий в высказывание как отдельная фраза, выполняет обычно функцию подчеркивания эмоционально-экспрессивного оттенка и логико-семантической сущности сказанного.

Эти функции могут выполнять все члены предложения. Чаще всего употребляются: подлежащее, сказуемое⁸, прямое дополнение, определение (особенно из причастий).

В экспрессивных вариантах смысл высказывания предстает более выразительно, нежели в нейтральных вариантах, ибо первые усиливают значения:

1) подтверждения с выделением основного значения, в целях привлечения к нему внимания: *Kampirlafi žudajam matalči boladi. Arslānbāpti kampirlari* (ош.) 'Их старухи хорошие сказительницы. Старухи Арсланбаба'; *Bittasi kalta kaltajdi āpti. Mōyambiri* (февр.) 'Один взял короткую палку. Хитрец'; *Bir kun ā:rip qāpti bitta qōj. Avži jetilgan qōj* (ташк.) 'Однажды заболела одна овца. Очень большая овца';

2) логико-семантическую сущность высказывания: *Qizda qigan parasini ōndan birini qilāmiydi endigi āta-ānala. Ōndan birini* (ташк.) 'Сейчас родители не смогут сделать даже одной десятой доли того, что делали для девушек на свадьбу. Одной десятой'; *Hič kimmi etmila. Hič kimmi* (ташк.) 'Никого не приглашает. Никого'; *Zaxirgi gapirgin ājimmi tiqqandan kōra. Zaxir qildi sani ajaū ariūi* (ташк.). 'Лучше говори о Захире, чем вmeshивать мать. Захир виноват, что у тебя болят ноги'⁹;

3) эмоционально-экспрессивного оттенка всего предложения. В этом случае сказуемое повторяется дважды, иногда трижды, или используются его синонимы. По сравнению с подлежащим сказуемое в этой функции употребляется чаще, по форме и структуре оно может быть разнообразным: *Endi tušij dijonki nārvandān tušamiymān. Qātip qāmma* (ташк.) 'Только хотел сойти по лестнице и не смог. Онемел'; *Avqati biram bemaza bōrti. Bamisali suv. Suv dejsip* (ташк.) 'Так обед у нее невкусный, как вода. Одна вода'.

При употреблении составного сказуемого в функции приложной конструкции ведущая часть сказуемого основного предложения может изменяться. В таких случаях усиливаются экспрессивные особенности предложения: *Muni avhalini kōrip kujip ketti. Zizyinagi čaqip ketti* (ташк.) 'Она исстрадалась, видя ее положение. Убилась горем'; *Narsaladi hammasi jamam bōr qapti. Sasip qānti* (февр.) 'Все вещи испортились. Пропахли'. Точно так же могут повторно употребляться деепричастия, тогда они усиливают эмоциональный оттенок всего предложения: *Uni terisini šilip qijhap, ōldirišti. Rahimsizlarča, jirtqičlarča* (февр.) 'Его убили замучив, содрав с него кожу. Безжалостно, по-зверски'; *U ketkannan beri*

⁸ В лингвистической литературе употребление главных членов предложения (особенно сказуемого) в функции приложной конструкции не признается (см.: Б. Уринбоев. Узбек тили сўзлашув нутки синтаксиси масалалари. Тошкент, 1974, стр. 75; М. З. Закиев. Хазерге татар эдоби теле. Казан, 1974, стр. 199). Ф. С. Сафиуллина высказывает мысль, что сказуемое тоже может присоединять синтагмы тогда, когда они являются уточняющими или однородными со сказуемым в базисном предложении (см.: Ф. С. Сафиуллина. Указ. раб., стр. 204).

⁹ В диалектах в функции приложных конструкций употребляются не только члены предложения, но и целые предложения.

ujimiz xuvullar qaldi. Huvullar (ташк.) 'После его ухода дом опустел. Совсем опустел'.

В основе использования приложных конструкций в функции пояснения и дополнения лежит способность устноразговорной речи дополнять первоначально высказанное отсутствующим в нем важным сообщением. Это добавление не оформляется в новую грамматическую схему, а непосредственно связывается с ранее сказанным. При пояснительных построениях могут добавляться самые разные части высказывания, вплоть до аналога предложения.

В говорах функцию добавления, пояснения выполняют обстоятельство, послеложенные дополнения и определения. Они могут состоять из одного слова или словосочетания, выполняя при этом следующие функции:

1. Конкретизировать, уточнять:

а) место: Jigirma ućinći jilda davur obćkada iřladim. Kamandır sosta-vida (анд.) 'До двадцать третьего года работал в обćка. В командном составе'; Uni tćmi řu tamanda. Suni roparasida (анд.) 'Его дом на этой стороне. Отсюда напротив';

б) время: Mani ćlib bćrip sekritnijnj ćaska xizmat qildirdi. Altı aj (ош.) 'Меня заставили служить в секретной части. Шесть месяцев'. Указывает время завершения действия. Подобные конструкции употребляют-ся со словами dovır и qadar, выражающими конкретное время: Uruř ta-tćm bogannaj ken ra:ni bollum. Mina tazalař vćxti (вкр.) 'После войны был ранен. При очистке мин'; Jigirmanći jildan kamandırlik sostaviga aldi. Jigirma ućunći jilga dovur (анд.) 'С двадцатого года взяли в командный состав. До двадцать третьего года';

в) цель, причину: Una kijin kećasi dev jetavi katta kaltaglar minan ćiqiřti. Haligini ćldurgani (ферг.) 'Потом ночью выходят с большими пал-ками семеро дивов. Чтобы убить его'; Kjin g'iz tortta usta ćag'irtirip pař-řanikiga juvćrdi. Pařřani kořkini koriřka (анд.) 'Потом девочка пригласи-ла четырех мастеров и отправила их к падишаху. Чтобы посмотреть дво-рец падишаха';

г) кому (чему) свойственно, для кого (чего) предназначено действие или состояние, о котором говорится в главном предложении. Эти значе-ния выражаются с послеложными дополнениями: Daraxt ćiriganakan. Paxlavćndi qućoyida ketti. řāx řabbasi minan (ферг.) 'Дерево, оказывае-тся, было гнилое и осталось в объятиях богатыря. Со всей кроной, листь-ями'; Bu erda hamma parga barakan. Zevarcćhradan tařqari (анд.) 'Здесь, оказывается, есть все. Кроме Зеварчехры'.

2. Дополнять, расширять значения: Jigit ham ćzini tanitipti. Pařřani oylıkanligini (ташк.) 'Парень тоже представил себя. Что сын падишаха'.

3. Сообщать дополнительные сведения, характеризовать кого-либо: Ėzi řu qıřlali Mahbuba ařani qizi. Kattasi (ташк.) 'Сама родом из этого кишлака. Дочь Махбубы-аны. Старшая'; Manam kristal aldim. Zuda ći-gajli, barqtnij (ташк.) 'Я тоже купила кристалл. Очень красивый, бархат-ный'.

4. Сообщать дополнительные сведения о состоянии и действии. В устной речи наблюдается много случаев употребления приложных син-тагм с подобным значением. При этом приложные конструкции, состоя-щие из наречий образа действия (особенно из деепричастного оборота -ip// -p) — довольно распространенное явление. Приложные обороты с двумя и более членами встречаются гораздо чаще: Jigirmanći jilda bas-maćila minan kurařta ajaym sindi. Attan jiqilip (ош.) 'В двадцатом году в борьбе с басмачами сломал ногу. Упав с коня'; Bir jerga bćrip, bir tćřti ıstiga ottiripti. Arqařidagi sandiqti qojip (вкр.) 'Он пошел и сел на ка-

мень. Поставив позади себя сундук'; Ketvabiza, paranžilani jāpinišip. Bir bālani qōlimda ālip, bir bālani aldimga sālip (ташк.) 'Идем, накрывшись паранджами. Один ребенок на руках, другой впереди'.

Подводя итоги рассмотрению приложных конструкций в узбекских говорах, отметим следующее:

1. Приложная конструкция — характернейшая черта диалектной речи.

2. Приложная конструкция является одним из средств речевой актуализации.

3. В приложной конструкции большая роль принадлежит порядку слов и своеобразию интонации.

4. Цель использования приложных конструкций — придать речи особые смысловые и экспрессивные оттенки, сообщить отдельным членам высказывания большую смысловую и эмоциональную нагрузку.

В. Г. ЧИКАИДЗЕ

О ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

При описании фонологической системы любого языка важное значение имеют наряду с установлением его фонемного инвентаря также соответствующие статистические показатели, особенности сочетания и дистрибутивно-комбинаторных возможностей фонем, находящихся как в непосредственном соседстве, так и на определенной дистанции, в пределах корня или отдельного слова.

Изучение вопросов фонематической структуры слов требует, в первую очередь, проведения статистического анализа фонем. В области фонологии статистика имеет двоякое значение. Она должна выявить, с одной стороны, частотность определенных фонологических элементов в данном языке, а с другой — степень функциональной загруженности этих элементов и определенных фонологических оппозиций. Для решения первой задачи статистическому обследованию должны подвергаться связные тексты, для решения второй — словарный состав¹. В последнем случае следует постоянно учитывать отношение фактического показателя к теоретически возможному². Частотность отдельных фонем мало зависит от стилевых особенностей текста. Фонемы языка в этом отношении «выполняют совершенно разную роль»³ и в каждом языке «различаются по своей частотности»⁴.

В последнее время в лингвистической теории частотность языковых элементов и функциональную загруженность фонем связывают с маркированностью языковых категорий. Отношение маркированности в современном понимании следует интерпретировать как «обычность», «естественность» определенной единицы системы, в противовес фонетически менее обычной и естественной и поэтому менее распространенной единице, характеризующейся в системе определенными ограничениями. Степень «обычности» и «естественности» рассматриваемых единиц системы и определяет иерархические отношения маркированности между ними. Термином «немаркированные» характеризуются фонетически более обычные, естественные и распространенные элементы системы (функционально сильные), в противовес «маркированным» элементам, являющимся менее обычными и менее распространенными (функцио-

¹ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 287.

² Там же, стр. 296—297.

³ Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 140.

⁴ Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 336.

нально слабыми) элементами в системе⁵. Установление функциональной загруженности фонем требует изучения лексического состава данного языка, так как «на этом анализе основываются точные утверждения о сочетаниях фонем с вероятностями 1 и 0 (ведь никакая последовательность фонем никогда не может встретиться в сообщении, если она не содержится в коде)»⁶. Однако функциональная нагрузка фонем в словаре явно недостаточно и односторонне характеризует систему. Поэтому необходимо результаты анализа материалов лексического кода дополнить данными о частоте фонем в связном сообщении, тем самым выяснить, насколько совпадает или не совпадает функциональная нагрузка элементов системы в языке и речи⁷. Такой анализ нужен также «для качественного анализа»⁸ и понимания дистрибуции фонем в лексическом коде данного языка⁹.

При исследовании дистрибуции и форм сочетаемости фонем необходимо установить, во-первых, какие фонемы вообще сочетаются между собой в данной позиции, а какие исключают друг друга, и, во-вторых, в какой последовательности эти фонемы следуют друг за другом в данной позиции. Наконец, следует указать число членов в тех сочетаниях, которые допускаются в данной позиции¹⁰. Известно, что сочетания фонем в любом языке подчиняются своим собственным законам или правилам, имеющим значение только для данного языка, и поэтому необходимо для каждого языка в отдельности установить правила ограничения употребления фонем в данной позиции¹¹.

Изучение фонетики тюркских языков, так же как грамматики, лексикологии и лексикографии, имеет давнюю историю¹². Такие ученые, как В. Богородицкий, В. Грэнбек, Л. Гржебичек, Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, М. Ряснен, Э. В. Севортян, А. М. Щербак, Г. Мельников и другие, внесли своими исследованиями значительный вклад в изучение фонетики турецкого языка. Однако некоторые вопросы статистики речи и фонетико-фонологической структуры слов этого языка еще изучены мало.

Настоящая статья посвящена проблеме фонетико-фонологической структуры фонем в односложных словах турецкого языка. Работа выполнена на основании лексического кода¹³ и связного текста¹⁴.

Анализ фонематической структуры односложных слов современного турецкого языка производился нами в основном методом Н. С. Трубецкого. Для определения контраста между двумя позициями фонем¹⁵ использовался метод корреляции рангов, причем теснота ранговой корреляции измерялась с помощью известной формулы Спирме-

⁵ См.: Т. В. Гамкрелидзе. О соотношении смычных и фрикативных в фонологической системе. М., 1974, стр. 117.

⁶ См.: Е. Черри, М. Халле, Р. Якобсон. К вопросу о логическом описании языков в их фонологическом аспекте. — «Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 298.

⁷ См.: Д. М. Сегал. Основы фонологической статистики. М., 1972, стр. 39—40.

⁸ H. Spang-Hanssen. Typological and Statistical Aspects of Distribution as a Criterion linguistic Analysis. Reports for the 8-th International Congress of Linguists. V. 1, August, 1967, стр. 164 (по Р. Мдивани).

⁹ См.: Е. Черри, М. Халле, Р. Якобсон. Указ. раб., стр. 297.

¹⁰ См.: Н. С. Трубецкой. Указ. раб., стр. 282.

¹¹ См.: там же, стр. 279.

¹² См.: А. Н. Кононов. Очерки истории изучения турецкого языка. Л., 1976.

¹³ Материал взят из: М. А. Ağakay. Türkçe sözlük. Ankara, 1969.

¹⁴ Материал взят из: Sait Faik. Bütün eserleri (1, 2). Ankara, 1969. Из общего массива 20 тысяч слов были отобраны только односложные слова.

¹⁵ См.: М. Дж. Кендал. Ранговые корреляции. М., 1960.

на¹⁶. Последовательность двух фонем, следующих непосредственно друг за другом, описана методом математической теории множеств, который позволяет дать «точную количественную оценку дистрибуции без относительности к месту фонемы в слове»¹⁷. Нами были учтены также все односложные заимствования, так как они настолько вжились и в разговорный, и в литературный язык современного турецкого общества, что выделять их отдельно мы считали нецелесообразным. Таким образом, анализируемый материал составляют 1044 слова (3302 фонемы) из лексического кода и 3309 слов (8525 фонем) из связного текста, то есть анализу подверглись 11827 фонем или 4353 слова. По нашим данным каждое односложное слово в лексическом коде в среднем состоит из $\approx 2,06$, а в связном тексте — из $\approx 1,5$ согласных фонем. Соотношение $N(v) : N(c)$ соответственно равно $\approx 0,46$ и $\approx 0,62$.

Известно, что в современном турецком языке 21 согласный и 8 гласных звуков¹⁸. Различают следующие группы согласных: **звонкие:** *b, c, d, g, ğ, j, l, m, n, r, v, z, y* и **глухие:** *p, t, k, ç; f, h, s, ş*, **смычные:** *p; b, d, t, g, k, c, ç; шелевые:* *v, f, s, z, j, ş, h; ğ; y* и **сонорные:** *r, l, m, n*. По артикулирующему органу согласные делятся на **губные:** *m, b, p*, **губно-зубные:** *v, f, z*, **зубные:** *d, t*, **переднеязычные:** *c, ç, t, d, s, ş, z, j, n, l; r*; **среднеязычный:** *y* и **заднеязычные:** *g, k, h, ğ*.

В зависимости от положения языка и положения губ турецкие гласные делятся на три группы:

1. Передние гласные: *e, i, ö, ü*.

Задние гласные: *a, ı, o, u*.

2. Широкие (низкого подъема) гласные: *a, e, o, ö*.

Узкие (высокого подъема) гласные: *i, ı, u, ü*.

3. Губные гласные: *o, ö, u, ü*.

Негубные гласные: *a, e, i, ı*.

Кроме указанных фонем, в классе гласных имеются также три так называемых долгих гласных: *â, î, û*, а в классе согласных — три мягких согласных фонем: *g', k', l'*.

Остановимся на некоторых вопросах фонологической структуры фонем в односложных словах турецкого языка.

1. **Статистический анализ.** В современном турецком литературном языке существуют односложные слова следующего типа: V, VC, CV, SVC, VCC, CCV, CVCC, CCVC и CCVCC¹⁹. Такие слова различны по длине. В языке возможно функционирование односложных слов, включающих от одной до пяти фонем. Примеры: *o* 'он, она, оно', *ok* 'стрела', *kan* 'кровь', *dört* 'четыре', *bronş* 'анат. бронх'. Односложные слова, содержащие один звук, представлены одним лексическим типом (V); двухзвучные слова представлены двумя лексическими типами (VC) и (CV); трехзвучные слова — тремя лексическими типами (CVC), (CCV) и (VCC); четырехзвучные слова — двумя типами (CVCC) и (CCVC), а пятизвучные слова представлены одним лексическим типом (CCVCC).

¹⁶ См.: *L. Hrebiček. The Phonological Structure of the Turkish Word.* — «Asian and African studies», III, 1967, стр. 52; см. также: *В. Г. Чикаидзе. О ранговой корреляции фонем в односложных словах турецкого языка.* — «Сообщения АН ГССР», 95, № 2, 1979, стр. 485—488.

¹⁷ См.: *Ф. Херари и Г. Пейпер. К построению общего исчисления распределения фонем.* — В сб.: «Математическая лингвистика». М., 1964; *Р. Мдивани. К исчислению дистрибуции фонем современного грузинского языка.* «Мацне» (серия языка и литературы). № 1, Тбилиси, 1966, стр. 178 (на груз. языке).

¹⁸ *А. Н. Кононов. Грамматика современного литературного турецкого языка.* М.—Л., 1956, стр. 21—22, 25.

¹⁹ Односложные слова типа (CCV), (CCVCC) в связном тексте, состоящем из 20 тысяч слов, нами не фиксировались.

Таблица 1

Частотность слов и вероятность выявления фонем в односложных словах турецкого языка

Тип	Количество слов		Количество гласных		Количество согласных		Всего		Итого
	Лексический код	Связный текст	Лексический код	Связный текст	Лексический код	Связный текст	Лексический код	Связный текст	
/V/	6	127	6	127	—	—	6	127	133
/VC/	77	168	77	168	77	168	154	336	490
/CV/	28	1135	28	1135	28	1135	56	2270	2326
/CCV/	3	—	3	—	6	—	9	—	9
/VCC/	25	21	25	21	50	42	75	63	138
/CVC/	628	1703	628	1703	1256	3406	1884	5109	6993
/CCVC/	48	14	48	14	144	42	192	56	248
/CVCC/	219	141	219	141	657	423	876	563	1439
/CCVCC/	10	—	10	—	40	—	50	—	50
Σ	1044	3309	1044	3309	2256	5218	3302	8525	11827

Приложение к таблице № 1

Частотность и вероятность выявления фонем в лексическом коде и в связном тексте турецкого языка.

а) Частотность и вероятность гласных фонем:

/a/ = 314 (347) * ≈ 29,9% (4,809%);	/o/ = 130 (295) ≈ 12,4% (3,46%);
/â/ = 11 (6) ≈ 1,05% (0,072%);	/ô/ = 49 (62) ≈ 4,702% (0,72%);
/e/ = 194 (1011) ≈ 18,6% (11,85%);	/u/ = 86 (345) ≈ 8,27% (4,46%);
/i/ = 128 (1059) ≈ 12,2% (12,3%);	/ü/ = 71 (105) ≈ 6,81% (1,24%);
/î/ = 61 (79) ≈ 5,85% (0,926%);	

б) Частотность и вероятность согласных фонем:

/b/ = 78 (1260) ≈ 3,45% (14,7%);	/m/ = 101 (186) ≈ 4,47% (2,18%);
/c/ = 32 (7) ≈ 1,41% (0,084%);	/n/ = 142 (444) ≈ 6,3% (5,27%);
/ç/ = 90 (177) ≈ 3,99% (2,7%);	/p/ = 117 (55) ≈ 5,19% (0,633%);
/d/ = 65 (294) ≈ 2,92% (3,45%);	/r/ = 247 (996) ≈ 10,9% (11,1%);
/f/ = 98 (24) ≈ 4,33% (0,283%);	/s/ = 167 (149) ≈ 7,2% (1,74%);
/g/ = 56 (93) ≈ 2,48% (1,093%);	/ş/ = 99 (195) ≈ 4,34% (2,28%);
/ğ/ = 25 (6) ≈ 1,109% (0,072%);	/t/ = 231 (156) ≈ 10,2% (1,88%);
/h/ = 103 (203) ≈ 4,56% (2,38%);	/v/ = 37 (286) ≈ 1,63% (3,53%);
/j/ = 8 ≈ 0,35%;	/y/ = 88 (189) ≈ 3,904% (2,21%);
/k/ = 225 (291) ≈ 9,98% (3,41%);	/z/ = 104 (100) ≈ 4,61% (1,17%);
/l/ = 145 (105) ≈ 6,43% (1,23%);	

* В скобках дана частотность и вероятность выявления фонем в связном тексте.

В результате проведенного нами статистического анализа фонем данных типов слов (см. табл. 1) выявлено нижеследующее:

а) Функциональная загруженность гласных фонем переднего и заднего рядов в лексическом коде и в связном тексте различны. Так, если в лексическом коде данного языка общая частотность (602) и вероятность выявления (57,65%) гласных заднего ряда (a, i, o, u) выше частотности (442) и вероятности выявления (42,3%) гласных фонем переднего ряда (e, î, ô, ö), то в связном сообщении, наоборот, общая частотность (2237) и вероятность выявления (67,6%) гласных переднего ряда вдвое (и более) превышает частотность (1072) и вероятность выявления (32,4%) гласных фонем заднего ряда.

б) Общая частотность встречаемости и вероятность выявления губных гласных фонем (o, ô, u, ü) в лексическом коде и в связном тексте турецкого языка низкие.

в) В классе губных гласных как в лексическом коде, так и в связном тексте частотность и вероятность выявления гласных переднего ряда или «компактных» гласных (ö, ü) низкие.

г) Функциональная загруженность звонких согласных в связном тексте высокая. Так, если степень звонкости в лексическом коде данного языка равна ≈ 49,9%, а глухости ≈ 50,04%, то в связном тексте они соответственно равны ≈ 76,03% и ≈ 23,9%.

д) В классе смычных согласных фонем признаки «лабиальность + звонкость» (в лексическом коде и в связном тексте), «дентальность + глухость» (в лексическом коде) и «велярность + глухость» (в связном тексте) являются функционально активными элементами.

е) В классе щелевых согласных частотность и вероятность выявления так называемых свистящих фонем (s—z) в лексическом коде [271 (≈ 12,01%)] и в связном тексте [249 (≈ 4,77%)] выше частотности и вероятности выявления шипящих согласных (j—ş), будучи соответственно равны: [107 (≈ 4,7%)] и [195 (≈ 3,7%)].

ж) В классе сонорных и в лексическом коде [247 (≈ 10,9%)] и в связном тексте [996 (≈ 11,1%)] самой активной фонемой является вибрант r.

2. Комплексы согласных фонем в односложных словах турецкого языка. Как известно, консонантный коэффициент тюркских языков не-

высок и колеблется в них (в зависимости от языка) между 1,29 и 1,44²⁰. Данный факт объясняется тем, что в большинстве тюркских языков, в том числе и в турецком, не допускается стечения согласных в начале слога (или слова), а в конце слога (или слова) возможно соседство лишь определенного сочетания согласных²¹. Известно и то, что начальное стечение согласных чуждо также арабскому и персидскому языкам, и все слова с двумя начальными согласными в основном заимствованы ими из европейских языков. В случаях повторного заимствования таких слов турецким языком, согласно нормам турецкой фонетики: либо между согласными возникает разделительный узкий гласный, либо же согласные перемещаются в интервокальную позицию вследствие добавления такого же узкого гласного к началу слова или слога²².

Примеры:

русс. *step* → *istep* 'степь',
англ. *stok* → *istok* 'запас',
франц. *spor* → *sipor* 'спорт',
франц. *staj* → *sitaj* 'стаж',
франц. *bluz* → *bulüz* 'блузка',
франц. *tren* → *tiren* 'поезд',
франц. *klub* → *kulüb* 'клуб' и т. д.

В связи с вышесказанным мы не будем рассматривать здесь слова с начальными консонантными группами. Нами анализировались односложные слова лишь с конечными консонантными сочетаниями (-CC): -ft, -ht, -ks, -lç, -lf, -lh, -lk, -lp, -ls, -lt, -mk, -mp, -mt; -nç; -nf; -ng; -nh; -nk; -ns, -nş, -nt, -nz, -pt, -rç, -rf, -rg, -rh, -rk, -rm, -rn, -rp; -rs; -rş; -rt; -rz; -sk; -st, -şk, -şt, -tr, -vç, -vk, -vt, -yç, -yh, -yk, -yp, -yr, -yt; -yz; -zk; -zp; -zt. Из теоретически возможных конечных сочетаний фонем (-CC) в лексическом коде данного языка [441 (21×21)] фактически засвидетельствовано всего 53, то есть ≈ 12,01%, а в связном тексте — 19 (≈ 0,43%) типов консонантных групп.

Эта разница объясняется не только случайными пробелами. Дело в том, что значительная часть ограничений определяется следующими фонетическими закономерностями:

а) Первым членом в конечных консонантных комплексах могут быть только 14 согласных фонем системы: *f, h, k, l, m, n, p, r, s, ş, t, v, y, z*, а в качестве второго элемента — 13 фонем: *ç, f, g, h, k, m, n, p, r, s, ş, t, z*. Среди первых членов в указанных комплексах согласных фонем наибольшей активностью вступать в сочетания с последующими согласными отличаются сонорные фонемы: *r, l, m, n*, а наиболее пассивны глухие смычные: *p, t, k*. Среди вторых членов в указанных консонантных группах, наоборот, большой функциональной нагруженностью выделяются глухие смычные фонемы: *p, t, k*, а самыми пассивными являются сонорные фонемы: *r, m, n*.

б) Если первым членом в конечных консонантных группах выступают сонорные фонемы *l, m, n*, то вторым элементом комплекса уже не может быть тот же сонорный или любая сонорная фонема того же ряда. Вторым элементом становятся либо щелевые: *f, z, s, ş, h*, либо же смычные фонемы: *p, t, k, ç, g*. Исключается следующая последовательность сонорных фонем: -rr, -rl.

в) Если первый член комплекса представлен какой-либо щелевой фонемой (кроме среднеязычной фонемы *y*), то в качестве второго элемента уже не могут выступать ни щелевые, ни сонорные фонемы. Вторым элементом обязательно должны быть смычные фонемы.

²⁰ См.: В. В. Шеворошкин. Звуковые цепи в языках мира. М., 1969, стр. 115.

²¹ См.: Э. В. Севорган. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 113

²² Там же, стр. 114.

Кроме указанных ограничений в ауслауте, в исконно турецких словах полностью отсутствуют также следующие последовательности фонем: «смычный + сонорный», «смычный + щелевой» и «смычный + смычный».

Фонемы, образующие в системе указанные упорядоченные пары, можно описать с помощью следующих характеристик: симметричность, несимметричность, рефлексивность, иррефлексивность, полнота и транзитивность. В итоге фонемы, таким образом, получают определенные числовые характеристики. Примененный здесь нами метод математической теории множеств, как уже отмечалось выше, дает точную количественную оценку дистрибуции по разным критериям, без относительно-сти к месту фонемы в слове²³.

Известно, что фонема x называется симметричной по отношению к фонеме y в тех случаях, когда встречаются обе последовательности xy и yx . Степень симметричности фонемы x определяется отношением числа фонем, с которыми x симметрична, к общему числу фонем, то есть формулой:

$$S_x = \frac{n(ax \cap \beta x)}{nP}$$

Степень симметричности фонем в системе определяется формулой: $S(R) = 1 - S'(R)$, где $S'(R)$ является показателем несимметричности системы и определяется по формуле:

$$S'(R) = \frac{\frac{1}{2} \sum_{x \in P} n(ax \cap \beta x)}{nR}$$

Степень транзитивности системы определяется формулой:

$$T(R) = \frac{xy \sum_{x \in R} T_{xy}}{nR}$$

а полнота системы $K(R)$ формулой:

$$K(R) = \frac{n(R)}{nP^2 - 1}$$

Фонема x может быть названа рефлексивной фонемой, если существует последовательность xx , то есть удвоение согласных. Если же данной последовательности в языке не существует, то фонема должна быть признана иррефлексивной. В результате анализа было выявлено, что фонемы в односложных словах современного турецкого языка являются иррефлексивными²⁴. В целом же для согласных фонем получены следующие результаты:

Степень симметричности $S(R) \approx 0,3$;

Степень несимметричности $S'(R) \approx 0,7$;

Степень транзитивности $T(R) \approx 0,18$;

Степень полноты $K(R) \approx 0,12$.

3. Сочетания и распределение фонем в односложных словах турецкого языка. В таблице 2 показаны сочетаемость и распределение фо-

²³ См.: И. Н. Топорова. Типология фонологической системы Бамбара. — В сб. «Очерки по фонологии восточных языков». М., 1975, стр. 287.

²⁴ Подробнее об этом см.: В. Г. Чикаидзе. Дистрибутивное исчисление фонем консонантных комплексов в односложных словах турецкого языка. — «Сообщения АН СССР», 95, № 3, 1979, стр. 741—744 (на груз. языке).

нем в односложных словах современного турецкого языка. Вертикальный ряд таблицы занимают фонемы, которые могут находиться в абсолютной начальной позиции слова (C_1), а горизонтальный — все последующие согласные фонемы (C_2).

Таблица 2

Сочетаемость согласных фонем в односложных словах турецкого языка

	b	c	ç	d	f	g	ğ	h	j	k	l	m	n	p	r	s	ş	t	v	y	z	
b			+		+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	17
c					+		+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	13
ç				+	+		+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	15
d			+		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	17
f	+		+			+	+			+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	15
g			+		+	+		+		+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	14
h		+	+	+	+		+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	18
j											+		+			+		+				4
k			+		+		+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	15
l			+		+		+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	16
m			+			+	+	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	15
n					+			+			+	+	+		+	+		+		+	+	10
p			+		+			+	+	+	+	+	+		+	+	+	+		+	+	14
r	+				+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	+	15
s			+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	17
ş			+	+	+		+			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	16
t			+		+		+	+		+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	16
v			+		+		+			+		+		+	+	+		+		+	+	10
y				+	+		+	+		+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	15
z			+		+		+	+		+	+	+	+	+	+			+	+			12
	2	1	15	4	17	5	12	17	4	17	20	18	20	13	18	18	13	20	15	17	18	

В результате проведенного нами анализа выявлено, что:

а) Односложные слова турецкого языка могут начинаться любой согласной фонемой системы языка, кроме заднеязычной фонемы $ğ$, и заканчиваться любой согласной фонемой.

При последовательности фонем $C_1 \rightarrow C_2$ самой высокой активностью вступления в сочетания с последующими согласными выделяются глухие спиранты h (18 сочетаний), s (17 сочетаний) и звонкие смычные b , d (по 17 сочетаний). Самой пассивной фонемой является звонкий щелевой j (4 сочетания). При обратной последовательности фонем $C_2 \rightarrow C_1$ самыми активными фонемами являются глухие смычные k , t и сонорная фонема n (по 20 сочетаний); самой пассивной — звонкий, смычный c (1 сочетание).

б) Если в абсолютной начальной позиции односложных слов имеют я смычные фонемы b , p , t , k , c , $ç$, то в последующих позициях не могут находиться смычные b , c , d , g ; после смычных d , t , g , k , c , $ç$ — звонкий щелевой j , а после p , g , k — не встречаются глухие щелевые фонемы. Кроме указанных ограничений, при последовательности фонем $C_1 \rightarrow C_2$ не встречаются следующие комбинации согласных фонем:

$p \rightarrow p, v$,

$g \rightarrow s, ş$,

$c \rightarrow ç, s, y$,

$ç \rightarrow h$.

При обратной последовательности фонем $C_2 \rightarrow C_1$ имеются следующие ограничения:

$b \rightarrow b, c, \zeta, d, f, g, j, k, l, m, n, p, r; s, \dot{s}, t, v, y, z,$

$p \rightarrow f, j, m, n, p, v, y,$

$d \rightarrow b, c, \zeta, d, f, g, j, k, l, m, n, p, r, t, y, z,$

$g \rightarrow b, c, \zeta, h, j, k, l, n, p, s, \dot{s}, t, v, y, z,$

$k \rightarrow j, n, v,$

$\zeta \rightarrow b, c, \zeta, d, g, h, j, k, l, m, n, p, s, \dot{s}, t, v, y, z;$

$c \rightarrow c, j, n, r, y.$

в) Если при последовательности фонем $C_1 \rightarrow C_2$, C_1 означает любую сонорную фонему (r, l, m, n), то в последующих позициях не может быть звонких смычных фонем c, d , а если в позиции C_1 выступают сонорные фонемы: l, m, n , то не используются фонемы: j, b . Кроме указанных ограничений, не может быть следующих комбинаций:

$l \rightarrow g,$

$r \rightarrow \zeta, \dot{g}, r, v,$

$n \rightarrow \zeta, g, p, \dot{s}, v, \dot{g},$

$m \rightarrow p, f.$

При обратной последовательности фонем $C_2 \rightarrow C_1$ наблюдаются следующие ограничения:

$r \rightarrow j, r,$

$m \rightarrow j, v.$

г) Если в абсолютной начальной позиции односложных слов имеется какая-либо щелевая фонема ($v, f, z, s, j, \dot{s}, h, y$), то в последующей позиции не могут стоять следующие комбинации фонем:

$v \rightarrow b, c, d, g, k, p, \dot{g}, j, \dot{s}, v, m,$

$f \rightarrow c, d, p, f, h, j,$

$z \rightarrow b, c, d, g, p, j,$

$s \rightarrow b, c, g, \dot{s},$

$\dot{s} \rightarrow b, c, g, \dot{g}, j,$

$j \rightarrow b, c, \zeta, d, g, k, p, f, \dot{g}, h, j, \dot{s}, v, y, z; m, r,$

$h \rightarrow b, g, j,$

$y \rightarrow b, c, d, g, p, j.$

При обратной последовательности фонем $C_2 \rightarrow C_1$ не встречаются следующие последовательности фонем:

$v \rightarrow j, n, p, r, v,$

$f \rightarrow f, j, m,$

$z \rightarrow j, z,$

$s \rightarrow g, z,$

$\dot{s} \rightarrow c, g, j, n, s, v, z,$

$j \rightarrow c, \zeta, d, f, g, h, j, k, l, m, n, \dot{s}, t, v, y, z,$

$h \rightarrow \zeta, f, j,$

$\dot{g} \rightarrow g, j, k, n, p, r, \dot{s}, v,$

$y \rightarrow c, j, z.$

Б. П. САДЫХОВ

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ АФФИКСОВ В АЙРУМСКОМ ГОВОРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

В диалектах и говорах азербайджанского языка сохранились некоторые древние формы, отсутствующие во многих современных тюркских языках. В этом отношении особенно характерен айрумский говор, в котором в большей мере, нежели в других диалектах и говорах, представлены лексические, фонетические и грамматические реликты, характерные для древнего состояния азербайджанского языка.

С этой точки зрения, одной из интересных форм, наблюдаемых в айрумском говоре, являются аффиксы второго лица единственного числа *-syŋ//syn*, *-siŋ//sin*, *-suŋ//sun*, *-süŋ//sün*.

Этот показатель, отмечавшийся в ряде тюркологических исследований¹, зафиксирован и в «Книге моего Деда Коркута» (см. дрезденское фотофаксимиле), и в некоторых современных тюркских языках — турецком², гагаузском³, татарском⁴, туркменском⁵, якутском⁶, ойротском⁷, алтайском⁸, башкирском⁹. Встречается он и в таком литературном источнике, как «Мухаббат-наме»¹⁰.

Существующая в айрумском говоре форма *-syk*, *-sik*, *-suk*, *-sük* ни в одном из изученных диалектов и говоров азербайджанского языка не зарегистрирована. Указанные аффиксы в айрумском говоре встречаются в следующих случаях:

1. В категории сказуемости; например: *dajysyk*, вместо литературного *dajysan* 'ты — дядя', *adamsyk//adamsyŋ*, вместо литературного *adamsan* 'ты — человек', *gözälsik//gözälsiŋ*, вместо литературного *gözälsän* 'ты — красавица'.

2. В прошедшем повествовательном времени; например: *gälifsik//gälifiŋ*, вместо литературного *gälibsän* 'ты пришел', *baxyfsyk//baxyfsyŋ*, вместо литературного *baxybsan* 'ты смотрел'.

3. В настоящем времени; например: *tikejsik*, вместо литературного *tikirsän* 'ты шьешь' и т. д.

4. В будущем времени: а) категорическом, например: *alaççaxsyk//alaççaxsyŋ* 'ты будешь покупать', *joxla: çaxsyk//joxlaiçaxsyŋ*, вместо литературного *joxlajaçksan* 'ты будешь проверять' и т. д.; б) неопределенном, например: *gälärsik//gäläriŋ* вместо литературного *gälärsän* 'ты придешь' и т. д.

В лингвистических исследованиях, посвященных древнетюркскому периоду, в ряде племенных языков, особенно в огузском, кыпчакском, а также частично в суварском, отмечается грамматическая форма

-duγ(k)¹¹, функционировавшая как единая для всех лиц глагола (в единственном и во множественном числе). В результате членения велярного звука -η возникли две самостоятельные формы *η* и *γ*. По нашему мнению, эта особенность ныне сохранилась в своем первоначальном виде во втором лице единственного числа [вместо *γ(k)*].

Развитие данного аффикса отмечается в двух вариантах: 1) *ng//пγ > η > п* и 2) *ng//пγ > qγ*¹².

Вторая форма сохраняется, очевидно, в своем первоначальном виде в айрумском говоре, ибо эти аффиксы зафиксированы во многих древних тюркских письменных памятниках и средневековых литературных источниках в функции личного окончания второго лица единственного числа¹³.

Аффиксы: 1) *-saηyz//sāηiz*; 2) *-saγyz//sāγiz* являются личными окончаниями второго лица множественного числа. Оба аффикса функционально друг от друга не отличаются, так как семантически идентичны. Первый из них широко употребителен в айрумском говоре и отсутствует лишь в категорическом прошедшем времени, личные окончания в котором имеют форму *-ηyz//γyz*, вместо литературного *-nyz*; например: *aldyγyz//aldyηyz*, вместо литературного *aldynyz* 'вы купили, вы получили', *dediγiz//dediηiz*, вместо литературного *dediniz* 'вы сказали'.

Эту же форму можно встретить и в джебранильском говоре¹⁴. В связи с данным окончанием Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева отмечают: «Личное окончание 2 л. мн. ч. второй категории имеет в тюркских языках довольно большое количество вариантов, большинство из которых является результатом фонетических изменений первичного окончания *-gыз, -гиз*»¹⁵.

Однако аффиксы *-saηyz, -saγyz* выступают и в следующих случаях:

1. В категории сказуемости; например: *atasaγyz//atasaηyz* 'вы — отцы', *äsgärsāηiz//äsgärsāγiz* 'вы — солдаты', *böjsāηiz//böjsāγiz* 'вы — старшие' и т. д.

2. В прошедшем повествовательном времени; например: *atyfsyγyz//atyfsaηyz*, вместо литературного *atmyšsynyz//atybsynyz* 'вы бросили'; *ölcüfsyγyz//ölcüfsāγiz//ölcüfsāηiz*, вместо литературного *ölcü-müšsünüz* 'вы мерили' и т. д.

3. В настоящем времени, например: *jörsāηiz//jörsāγiz//jösāγiz*, вместо литературного *jujursunuz* 'вы можете' и т. д.

4. В будущем времени: а) категорическом, например: *tikäčäxsāγiz//tikäčäxsāηiz* 'вы будете шить', *icäčäxsāγiz//icäčäxsāηiz* 'вы будете пить' и т. д.; б) неопределенном, например: *gurarsyγyz//gurarsaηyz*, вместо литературного *gurarsynyz* 'вы построите'; *gälärsāηiz//gälärsāγiz*, вместо литературного *gälärsiniz* 'вы придете' и т. д.

На основании материалов древнетюркских письменных памятников, а также других фактов тюркских языков можно предположить, что употребляемые в айрумском говоре аффиксы *-saηyz, -saγyz* представляют собой сочетание двух элементов: а) *-saη//saγ* и б) *-uz//-üz*. Первый элемент — это упомянутая выше форма, а второй *-üz, -uz* — является древним аффиксом множественного числа 1-го и 2-го лица. Азербайджанскими диалектологами высказано мнение, что этот аффикс и ныне является показателем множественного числа. В бакинском диалекте употребляется форма *gedäγüz*, вместо литературного *gedäk* 'мы пойдем'. Первое лицо множественного числа обращается ко второму лицу множественного числа следующим образом: *gälin gedäγüz*, вместо литературного *gälin gedäk* 'придите, пойдем!'¹⁶.

Отмеченные факты получили отражение в специальной литературе на азербайджанском языке¹⁷.

Данную форму можно встретить и в «Книге моего Деда Коркута», и в произведениях азербайджанских классиков¹⁸.

В качестве признака множественного числа данный аффикс зафиксирован во многих древнеписьменных памятниках и средневековых литературных источниках, а также в ряде современных тюркских языков, их диалектов и говоров в следующих фонетических вариантах: *-z*, *-yz*, *-iz*, *-uz*, *-üz*, *-mъs*, *-ys*, *-is*, *-us*, *-üs*, *-byz*, *-biz*, *-buz*, *-büz* и т. д.¹⁹.

В настоящее время данный аффикс выступает во втором лице множественного числа: *-synyz*, *-siniz*, *-sunuz*, *-sünüz*.

¹ См.: М. Ш. Ширәлиев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1962, стр. 214; Б. П. Садыгов. Азербайжан дилинин Кәдәбәј шивәләри. (Канд. дисс.). Баку, 1963, стр. 135—136; Б. П. Садыгов. Азербайжан дилинин тарихи грамматикасында хусуси курс. Баку, 1977, стр. 40—49.

² А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, стр. 142, 145.

³ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, стр. 180—183, 197.

⁴ Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глагола татарского языка. Казань, 1963, стр. 89, 143, 164.

⁵ «Грамматика туркменского языка». Часть I. Ашхабад, 1970, стр. 276, 290, 293.

⁶ Л. И. Харитонова. Формы глагольного наклонения в якутском языке. М.—Л., 1960, стр. 44, 55, 107.

⁷ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 174.

⁸ Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка, диалекты черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М., 1960, стр. 26—41.

⁹ А. А. Юлдашев. Сложные предложения с придаточными условными в башкирском языке. — «Исследование по синтаксису тюркских языков». М., 1962, стр. 24, 31.

¹⁰ Хорезми «Мухаббат-наме». Издание текста, транскрипция, перевод и исследования Э. Н. Наджиба. М., 1961, стр. 36, 40.

¹¹ Mahmut Kaşgari. «Divanü Lugat-it türk» tercümesi, çevireni Besim Atalay, III cilt, Ankara, 1941, стр. 272, 297.

¹² М. А. Сиралиев. Sur l'araigne de l'affixe Personnel dans les dialectes, de la langue azerbaidjanise. — «Acta Orientalia», Budapest, 1961, стр. 119, 121.

¹³ W. Radloff. Alttürkische Inschriften der Mongolei, SPb., 1895, стр. 416—417; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 48; A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, стр. 252; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М., 1961, стр. 155;

Г. И. Рамstedt. Введение в изучение языкознания. М., 1957; Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1958, стр. 46; его же. Тюркские языки. М., 1960; его же. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, стр. 276; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 198; П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 48, 50; Э. Каджарова. Прошедшее время изъявительного наклонения в письменных памятниках туркменского языка XVIII—XIX вв. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1964, стр. 6; В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 119, 121.

¹⁴ Т. И. Гачи́ев. Чәбрајыл району шивәләринин морфолокијасы. — «АДУ эсәрләри». Баку, 1961, стр. 75; Р. Э. Рустамов. Азербайжан дили диалект вә шивәләриндә фе'л. Баку, 1964, стр. 284, 292.

¹⁵ Б. А. Серебrennikov, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 155.

¹⁶ М. Ш. Ширәлиев. Баку диалекти. Баку, 1949, стр. 104—105; его же. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары, стр. 199.

¹⁷ «Азербайжан дилинин Муған групу шивәләри». Баку. 1955, стр. 107; Азәр һусејнов. Азербайжан диалектолокијасы. Баку, 1957, стр. 68—69.

¹⁸ «Книга моего Деда Коркута». Дрекенское фотофаксимиле; Э. Дәмирчизадә. «Китаби-Дәдә Горғуд» дастанларынын дили. Баку, 1959, стр. 102. Һ. Мирзәзадә. Азербайжан дилинин тарихи морфолокијасы. Баку, 1962, стр. 234; Мирзә Рәһимов. Азербайжан дилиндә фе'л шәкилләринин формалашмасы тарихи. Баку, 1965, стр. 17—19; Р. Рустамов. Азербайжан дили диалект вә шивәләриндә фе'л, стр. 261; М. Фүзули. Эсәрләри. II чилд. Баку, 1968, стр. 27, 214.

¹⁹ W. Radloff. Alttürkische Inschriften der Mongolei, SPb., 1895, стр. 417; «Jelitschka. Türkische Konversations Grammatik». Beidelberg, 1895, стр. 131—132, 149, 155; Н. П. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 37; С. Е. Малов. Памят-5 «Советская тюркология», № 5

ники древнетюркской письменности. М.—Л., 1950, стр. 29, 31; В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, стр. 130; А. К. Боровков. Лексика среднеазиатских тюркских языков. М., 1963, стр. 146; А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 156; А. Н. Кононов. Грамматика современного литературного узбекского языка. М.—Л., 1960, стр. 209, 211, 217, 229, 231; *его же*. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 227; В. В. Решетов. Монографическое изучение диалектов (на материале некоторых тюркских языков). — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Том II, Баку, 1960, стр. 73; Н. С. Фафурова. Узбек тилининг нийэзбоши шеvasи. — «Узбек диалектологиясидаги материаллар». Тошкент, 1961, стр. 73; Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 95—100; *его же*. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черновых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М., 1965, стр. 193—194; Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка, стр. 162, 164.

М. И. ИСЛАМОВ

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ СЛОВ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, в диалектах и говорах тюркских языков сохранились многие древние элементы, в определенной мере отражающие ту или иную историческую стадию в их развитии, причем некоторые из этих особенностей восходят к древнетюркской эпохе и зафиксированы в соответствующих письменных памятниках. Таким образом, в диалектах и говорах конкретного тюркского языка можно обнаружить следы различных лингвистических пластов, выявление и исследование которых имеет большое значение не только для изучения истории того или иного языка, но и для сравнительного изучения тюркских языков в целом.

Сопоставление диалектной лексики с языковыми материалами памятников древнетюркской письменности позволяет, с одной стороны, определить древний фонетический облик или структуру некоторых слов, а с другой — проследить их семантическое развитие. В частности, интересные факты обнаруживаются при сравнении азербайджанской диалектной лексики с лексикой древних письменных памятников.

В диалектах и говорах азербайджанского языка есть слова, совпадающие по своей фонетической структуре и по значению со словами, зафиксированными в памятниках древнетюркской письменности. К таким словам можно отнести јууу 'плач' и образованный с помощью аффикса *-la* глагол от того же корня — јуула 'плакать'¹, сохранившиеся в северной группе диалектов азербайджанского языка, характерные для тюркских языков кыпчакской группы (например, татарского, узбекского, тувинского, казахского, киргизского и др.). В других диалектах и говорах эти слова не встречаются.

К таким же древним словам, сохранившимся в диалектах, относится слово ауул 'загон для скота', 'скотный двор', зафиксированное в енисейских памятниках² и «Диване» Махмуда Кашгари (ДТС, 18) в той же форме и в том же значении.

В дербентском диалекте азербайджанского языка (на территории Дагестанской АССР) употребительно слово агап 'скотный двор, конюшня' — древняя лексическая единица, встречающаяся и в «Диване» Махмуда Кашгари в идентичной фонетической форме и в том же значении (ДТС, 51).

¹ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 265—266 (далее ДТС).

² И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 57.

Следует отметить в дербентском диалекте азербайджанского языка слово *jībāg* 'посылать', или *ibāg*. В других диалектах и говорах азербайджанского языка данное слово не встречается. Форма *jībāg* в том же значении зарегистрирована в памятниках древнетюркской письменности (ДТС, 260). В словаре В. В. Радлова это слово представлено вариантами *jābār* и *jībār*³.

Данная лексема сохранилась в различных фонетических вариантах в ряде современных тюркских языков, особенно в кыпчакских, функционируя как литературная норма. Так, в туркменском литературном языке встречается *и:бер*, а в туркменских диалектах — *йивер*, в узбекском — *ибер*, ногойском — *йибер*, башкирском — *йибәр*, татарском — *жибәр*, в казахском и каракалпакском языках — *жибер*, в киргизском — *джибер*⁴ и т. д.

Некоторые ученые считают *жибер*//*жибер* формами вторичного образования⁵.

По мнению В. В. Радлова, слово *йибер* этимологически образовалось как *ийе* + *бер*. Последующие исследователи согласились с этим мнением, внося некоторые уточнения: первый компонент подвергся действию метатезы, в результате которой произошли следующие фонетические изменения: *ийе бер* > *ий бер* > *йибер*⁶.

Существует и другая, этимологическая трактовка этого слова. Например, Г. Вамбери лексему *iber* связывает со словом *ilber* 'заставить (дать бегать) бежать'⁷.

Как известно, в ряде тюркских языков слово *ij* встречается в значении «посылать». На этом основании можно предположить, что слово *jībāg* развилось из корня *ij*⁸.

Тождественность фонетической структуры и семантики слов в диалектах и говорах азербайджанского языка и в тексте древнетюркских письменных памятников наблюдается и во многих других случаях. Зарегистрированные в диалектах и говорах азербайджанского языка слова *jeg'ān* 'племянник' и *ayugla-* 'оказывать милость, ценить, уважать, считать' фонетически и семантически идентичны тем же лексемам, зафиксированным в памятниках древнетюркской письменности (ДТС, 51, 252).

В дербентском диалекте азербайджанского языка встречается слово *jajay* 'пеший, пешком'. В том же фонетическом облике и значении это слово зафиксировано в древнетюркских письменных памятниках (ДТС, 226). Следует отметить, что в орхонских надписях, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни, «Диване» Махмуда Кашгари отмечена также форма *jadau* (ДТС, 222). Как известно, в тюркских языках (и в их древних письменных памятниках) широко употребительным было слово *aq* и *adaq* 'нога'. Нельзя не отметить семантическую и фонетическую близость слова *jajaq/jadaq* 'пеший, пешком' со словом *aq/adaq* 'нога'.

Ниже приведем слова, встречающиеся как в азербайджанских диалектах и говорах, так и в древнетюркских письменных памятниках.

Örtä- 'жечь', 'палить' (ДТС, 389) образовалось от *ört* 'огонь' с помощью аффикса *-ä*. Это слово в настоящее время в том же значении имеется и в шекинском диалекте.

Tuy 'знамя'. Широко распространено в восточных, западных и южных группах азербайджанских диалектов и говоров. В древнетюркских письменных памятниках имеет ту же форму и значение (ДТС, 584).

³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 1. СПб., 1905, стр. 531, 386.

⁴ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 322.

⁵ Там же, стр. 323.

⁶ Там же, стр. 324.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 333.

Sajry- 'петь' (о птицах). В памятниках *sajra* (ДТС, 481). Данное слово широко употребительно в классической литературе и в средневековых письменных памятниках азербайджанского языка. Сохранилось оно в основном в западной группе диалектов и говоров.

Gysyrgan- В памятниках древнетюркской письменности зафиксировано в значениях «скупиться», «жадничать» (ДТС, 448). В диалектах и говорах азербайджанского языка семантика этого слова претерпела определенную эволюцию: наряду со значением, зафиксированным в памятниках, это слово стало означать также: «стыдиться», «стесняться», «робеть», «гнушаться», «чувствовать смущение».

Gazyx 'кол'. Широко распространено в северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка. В памятниках древнетюркской письменности зафиксировано в форме *qazuq* и *qazıuq* в том же значении (ДТС, 439).

Многие слова, употребляющиеся ныне в диалектах и говорах азербайджанского языка, отличаются от слов, представленных в древнетюркских памятниках, только некоторыми изменениями фонетической структуры, совпадая при этом по значению. Например, слово *ejvān-/ej-tān-* в северных и западных диалектах и говорах азербайджанского языка употребляется в значениях: 1) «испугаться», «бояться»; 2) «робеть»; 3) «вздрогнуть»; 4) «брезгать». В памятниках древнетюркской письменности это слово отмечено в формах *ejtān* и *ajtān* в значениях: 1) «робеть», 2) «бояться», 3) «стыдиться» (ДТС, 30, 167). В разных фонетических вариантах это слово встречается и в других тюркских языках. Значение «брезгать», которое в памятниках не нашло своего выражения, встречается в чувашском языке и в диалектах турецкого. В древних тюркских языках существует словосочетание *gogx-ajtān*, состоящее из двух лексем *gogx* и *ajtān*, имеющих одно и то же значение «бояться» (ДТС, 458).

Oxran- В диалектах и говорах азербайджанского и некоторых других тюркских языков (например: туркменского, киргизского, каракалпакского, хакасского)⁹ этот глагол выражает значение «тихо (негромко) ржать». В памятниках он зафиксирован в форме *oqra-* (ДТС, 369) в значении «ржать». В азербайджанских диалектах и в ряде современных тюркских языков это слово, как мы видим, еще более конкретизировалось.

Id. В шекинском диалекте азербайджанского языка эта лексема выражает значение «толкнуть, толкать, отталкивать», в древнетюркских памятниках употреблялась в том же значении в оглушенной форме — *it* (ДТС, 215).

Täfzi. Употребляется в северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в значении «наметывать, шить крупными стежками», в памятниках это слово в том же значении употребляется в форме *tevči-* (ДТС, 557).

Ujuš- 'киснуть', 'закисать', 'скисать' (о молоке) употребляется почти во всех диалектах и говорах азербайджанского языка, а в памятниках — в форме *uđış-* 'сгущаться', 'створаживаться' (ДТС, 606) и др.

Некоторые слова диалектов и говоров азербайджанского языка, тождественные по фонетической структуре лексическим единицам, встречающимся в древнетюркских памятниках, отличаются от них по значению.

Как известно, в орхоно-енисейских памятниках слово *ini* зафиксировано как термин родства в значении «младший брат», «младший род-

⁹ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 442—443.

ственник»¹⁰. В северной же группе диалектов и говоров азербайджанского языка оно имеет значение «деверь».

В отдельных тюркских языках слово *ini* имеет различные значения и разный фонетический облик. В большинстве же тюркских языков, как и в памятниках, это слово означает «младший брат». В некоторых тюркских языках или их диалектах оно приобретает более общее значение «брат» (например, в турецком языке и в узбекских диалектах), в других языках — «племянник» (например, в туркменском), в третьих — «младшая сестра» (например, в турецких диалектах)¹¹ и т. д.

Весьма любопытно, что слово *ini* и в маньчжуро-тунгусских языках выражает значение «деверь»¹². Подобные факты требуют специального исследования.

Отметим в связи с этим, что в диалектах и говорах азербайджанского языка имеются и другие маньчжуро-тунгусские лексические параллели, выявление и сравнительное изучение которых должно представить большой научный интерес как для тюркологии, так и для алтаистики.

В диалектах и говорах азербайджанского языка есть и такие древние лексические единицы, которые на протяжении миновавших столетий подверглись изменениям и в настоящее время расходятся с соответствующими словами в памятниках древнетюркской письменности и в фонетическом отношении. Так, например, встречающемуся в памятниках древнетюркской письменности слову *otäci* в значении «лекарь» (ДТС, 373), безусловно, образовавшемуся от корня древнетюркского глагола *ota-* 'лечить' с помощью аффикса *-ci*, в северной группе диалектов и говоров азербайджанского языка соответствует слово *otužu* в значении «многознающий, всезнающий». Как мы видим, наряду с некоторыми изменениями в фонетической структуре, данное слово расширило свою семантику. Следует полагать, что слово *otužu* когда-то и в азербайджанских диалектах имело конкретное значение «лекарь», «врач», «лечащий все болезни» и т. д. Однако в дальнейшем оно постепенно отделилось от начальной семантики и стало выражать современное обобщенное значение.

В качестве схожего примера можно привести и слово *küdän*, имеющее в древнетюркских памятниках конкретное значение «толстая кишка» (ДТС, 324), а в диалектах и говорах азербайджанского языка употребляющееся в общем значении «живот».

Некоторые слова, означавшие в древних письменных памятниках конкретных домашних животных, в диалектах азербайджанского языка несколько расширили свою семантику и стали выражать также собирательное значение, понятие нерасчлененного множества домашних животных. В ряде диалектов азербайджанского языка, как и в древнетюркских памятниках, слово *suug* имеет значение «корова». В северной же группе диалектов и говоров азербайджанского языка *suug* употребляется в значении «стадо крупного рогатого скота». Отсюда произошло и слово *suugcu* 'пастух крупного рогатого скота'.

Такое расширение значения можно наблюдать и у слова *ilxu*. В енисейских памятниках это слово (в форме *ылкы*) зафиксировано в значении «лошадь»¹³. В азербайджанском языке и его диалектах *ilxu* употребляется лишь в собирательном значении «табун».

¹⁰ И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 53.

¹¹ См.: Э. В. Севорьян. Указ. раб., стр. 363.

¹² Там же.

¹³ И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 56.

Расширение семантики отмечается и в других классах лексики. Письменные источники указывают, что в древних тюркских языках слово *teräk* употреблялось в значении «тополь» (ДТС, 553). В дербентском диалекте азербайджанского языка эта лексема расширила свое значение и выражает значение «дерево». В кумыкском языке слово *терек* также употребляется в значении «дерево»¹⁴.

В диалектах и говорах азербайджанского языка происходит и обратный процесс — сужение значений. Известно, что в древнетюркском языке слово *jeñiř* имело значение «фрукт». Это его древнее значение до сих пор сохранилось в некоторых диалектах и говорах азербайджанского языка (в белоканском говоре и в азербайджанских говорах на территории Дагестанской АССР). Однако в других диалектах и говорах и в литературном азербайджанском языке слово *jeñiř* в настоящее время употребляется в значении «дыня». Интересно, что в дербентском диалекте азербайджанского языка значение «дыня» передается словом *бостан*, которое в других диалектах и говорах, как и в азербайджанском литературном языке, означает «огород».

В староузбекском языке, как и в памятниках древнетюркской письменности, слово *jeñiř* имело значение «фрукты»¹⁵. В ряде тюркских языков, особенно в языках кыпчакской группы, это слово сохранило свое древнее значение («фрукты») и считается нормой литературного языка. В разных тюркских языках эта лексема имеет различную фонетическую структуру, но сохранила свою древнюю семантику, например в татарском литературном языке: *жимеш*, а в его мишарском диалекте — *йе-меш/йимеш*¹⁶.

Приведенные выше и подобные им факты дают весьма богатый материал для сравнительного изучения тюркских языков.

В качестве одного из древних лексических элементов, зафиксированных в азербайджанских диалектах, можно указать слово *йк*, исторически являющееся отглагольным именем. Правда, глагольная основа этого слова в диалектах и говорах не встречается, однако в древнетюркских памятниках она отмечена в соответствующем значении. Например, в азербайджанских диалектах слово *йк* употребляется в значении «укладка постели», *йк jeñi* «место для укладки»; в памятниках древнетюркской письменности глагол *йк-* означает «собирать» (ДТС, 623). Нетрудно заметить несомненную семантическую близость этих двух слов.

Ряд древних лексических элементов сохранился в азербайджанских диалектах только в составе тех или иных устойчивых словосочетаний. В качестве примера можно привести сочетание *сау-сöкäl, bir ho:r* (/bir hovur/bir ovur). Второй компонент первого словосочетания *sökäl* в памятниках имеет значение «больной» (ДТС, 510); в диалектах и говорах же азербайджанского языка это слово сохранилось в составе приведенного сочетания *сау-сöкäl*, означающего «полубольной, полуждорный».

Слово *hovur/ho:r*, являющееся вторым компонентом сочетаний *bir ho:r/bir hovur*, в памятниках имеет форму *ovur* со значением «время» (ДТС, 364). В диалектах и говорах азербайджанского языка и вообще в разговорном языке это сочетание употребляется во временном значении: «мало (немного) времени».

В диалектах и говорах азербайджанского языка сохранились такие древние слова или словосочетания, которые либо проливают свет на

¹⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, М.—Л., 1940, стр. 6.

¹⁵ Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмские памятники XIV века. Том I. Ташкент, 1966, стр. 516.

¹⁶ Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978, стр. 50.

этимологию тех или иных лексем, употребляемых в современных языках, либо уточняют семантику некоторых слов, зафиксированных в древнетюркских памятниках. Приведем пример.

Как известно, во многих тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, употребляется слово **oĵmax** 'наперсток'. Большинство исследователей утверждает, что это слово образовалось от глагола *oĵ-* путем прибавления аффикса *-tax*, выражающего значение «проделывать отверстие», «продырявливать», «выдалбливать». Однако все указанные значения слова *oĵ* непосредственно не связаны с понятием «шитья». Справедливо заметил по этому поводу Э. В. Севортян: «Независимо от того, какое из указанных значений глагола *o:ï ~ ой* участвовало в образовании слова *o:ïмак ~ оймак*, они не могут сами по себе быть прямым непосредственным источником для значения „наперсток“, связанного с действием шитья»¹⁷. В древнетюркских памятниках и в современных тюркских языках глагол *oĵ-* в значении «шить, шитье» не встречается. Поэтому весьма интересными и ценными являются данные нахичеванской группы говоров азербайджанского языка, для которых характерно слово *oĵма* 'платье', восходящее к корню *oĵ-* 'шить', 'шитье'.

В диалектах и говорах азербайджанского языка немало фактов подобных приведенным выше. Выявление и изучение их имеет большое значение для исторической лексикологии тюркских языков.

¹⁷ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 434.

О. А. МИЗИН

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ «МАНТЫ» И «ЛАГМАН»

Манты и *лагман* — названия национальных блюд народов Средней Азии и Казахстана, прочно вошедшие в домашнее меню и многих русских и других семей, проживающих на данной территории. В брошюре «Таджикские и узбекские слова в русском языке»¹ *манты* и *лагман* упоминаются как популярные блюда таджикской и узбекской национальной кухни.

Войдя в местную русскую разговорную речь, приведенные слова часто появляются и на страницах республиканских изданий, а иногда — и центральной печати. Ср.: «В оживленных местах Октябрьского района Ташкента продают *манты*, самсу, хасыб, шашлык» («Правда Востока», 25 февраля 1961 года). «Национальные блюда, приготовленные руками тети Адиши, — бешбармак, казы, *манты*... неизменно пользуются успехом, входят в меню праздничных вечеров, семейных встреч, банкетов» (журн. «Работница», 1972, № 1, стр. 29). «Базарами и удивлял еще недавно Андижан своих заезжих гостей. Еще не забрезжит заря, а здесь уже можно купить все, чего душа не пожелает... Найдется *лагман* и суп маства» («Комсомольская правда», 8 апреля 1972 года). В повести К. Икрамова «Круглая печать» читаем: «Они сидели на террасе и ели *манты* — большие пельмени из тонкого теста с острым густо перченным мясом...» («Детская литература», М., 1977, стр. 334).

Оба названных слова имеются в уйгурском, казахском, киргизском, узбекском, каракалпакском, татарском, а также в таджикском и некоторых других языках народов СССР. Языковеды никогда не сомневались в их китайском происхождении. Н. А. Баскаков и В. М. Насилов впервые в лексикографической практике зафиксировали эти слова как входящие в словарный минимум уйгурского языка: «*манту* — „кит. паровые пельмени“», «*лагман* — „кит. лапша с мясом“», указав их происхождение и значение². В современном китайском языке *мань-тоу* означает не пельмени, а круглые хлебцы, приготовленные на пару, которые едят китайцы, проживающие к северу от бассейна реки Янцзы. На Дальнем Востоке русские их называют «пампушками»³. «Хлеб китайцы пекут пресный (*мань-тоу*)», — писал известный ученый и путешественник

¹ Э. Н. Кушлина. Таджикские и узбекские слова в русском языке. Душанбе, 1968.

² Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939.

³ И. М. Ошанин. Китайско-русский словарь. М., 1952.

В. К. Арсеньев⁴. Современный этнограф В. С. Стариков свидетельствует: «*Маньтоу*. В русской литературе они известны под названием пампушки, паровые хлебцы, китайский хлеб»⁵. Т. Р. Рахимов приводит просторечный уйгурский синоним этого названия — *мома*⁶. Слова *лагман* (*лягмань*, *лянмян*) в современном китайском языке нет. Обратимся к истории приведенных названий.

В известном толково-энциклопедическом словаре «Источник слов» (Шанхай, 1947) в словарной статье, посвященной слову *маньтоу*, приводится следующий исторический эпизод. В период Троецарствия (220—280 гг. н. э.) легендарный полководец Чжугэ Лян, отправившийся в поход на юг, подошел с войсками к реке Лушуй. По обычаям местного племени *мань*, для успеха переправы следовало принести человеческие жертвы. Просвещенный Чжугэ не мог согласиться на сожжение людей и поэтому приказал для жертвоприношения взять бараньи и свиные туши и с помощью теста придать им подобие человеческих фигур с большими головами, а затем торжественно предать огню на передовых позициях. Воины, по-видимому, съели это запеченное в тесте мясо. Так, возникло новое кушанье. Отсюда и пошло название *маньтоу*, что буквально значило «маньские головы».

Интересно, что по названию упомянутого племени *мань-цзы* (-цзы — суффикс с предметным значением) на Дальнем Востоке именовали всех китайцев. Об уссурийских *манзах*, пришедших с юга, писал еще в 1871 году выдающийся русский синолог П. И. Кафаров (Палладий). В пьесе Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69» ее герой Вершинин говорит: «Барс-от допрежь чему *манзу* жрать, лопотину с него сдерет». В редакционной сноске к этому месту текста пьесы говорится, что *манза* — это «китаец (обл.)». Это слово в данном значении встречается у В. К. Арсеньева и у А. Фадеева («Последний из удэге»).

Со временем в слове *маньтоу* иероглиф, обозначающий племя, был заменен аналогично читающимся специальным иероглифом, означавшим пищу. А слово *-тоу* 'голова' сейчас выступает в роли суффикса, входящего в наименования круглых и цилиндрических предметов. Тот факт, что первоначально основной составной частью блюда *маньтоу* было мясо, а не хлеб (тесто), как ныне, бесспорно свидетельствует о древности этого заимствования. Среднеазиатские манты это не пельмени, а род своеобразного относительно крупного пирожка круглой формы, с мясной начинкой, не имеющего точного соответствия в русской кухне.

Паровые пирожки в современном китайском языке называются не *маньтоу* 'паровые хлебцы', а *баоцзы* 'сверток' + именной суффикс. Именно это название паровых пирожков — *бозы* или *позы* — получило распространение на Дальнем Востоке и в Сибири, однако гораздо позже, чем *манты*. Приведем пример из корреспонденции Х. Каржаубаева: «Колхозные кулины готовят ароматные паровые пельмени — *позы*, ормык — бурятскую лапшу, бараньи потроха и другие национальные блюда» («Правда», 15 июня 1971 года).

Близкая к оригиналу форма *манту* при освоении ее тюрками испытала следующие изменения: отвердел конечный зубной носовой сонант первого слога, а дифтонг второго двугласного слога подвергнулся стяжению: [тоу] → [ту], [ты]. В русском языке это слово стало функционировать в форме множественного числа *манты*, ибо плюративы в наи-

⁴ В. К. Арсеньев. Китайцы в Уссурийском крае. — «Записки Приамурского отделения Русского географического общества». Т. X, вып. 1. Хабаровск, 1914, стр. 81.

⁵ В. С. Стариков. Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М., 1967, стр. 113.

⁶ Т. Р. Рахимов. Китайские элементы в уйгурском языке. М., 1970, стр. 256.

меновании кушаний обычны для русского языка (ср. «пельмени», «голубцы», «котлеты» и т. д.). Далее, в соответствии с наличием системной категории числа, в русском языке возникла немыслимая для языка-оригинала и языка-посредника форма единственного числа женского рода *манта*. Образование в русском языке формы множественного числа *манты* вполне соответствовало практике: в старых среднеазиатских харчевнях *манты* заказывали по счету и повара вслух их отсчитывали. Повидимому, данное название прежде всего было воспринято восточными тюрками, предками нынешних уйгуров, в лексике которых оно издавна бытует.

Слово зафиксировано Сравнительным словарем Л. Будагова (II, 200, 201) в виде: *مانتى* и *مانتى* *манти*, а также в знаменитом «Опыте словаря» В. В. Радлова (IV, 2021, 2022): *мант*, *манты*, *манту* (i).

Данное слово дало ряд производных: *мантовница*, *мантница*, *мантоварка* — специальная кастрюля, грохот для выпечки мант; *мантная* (по образцу «блинная», «пельменная» и других субстантиватов), *мантышник* (повар).

Примерно такой же путь фонетического и морфологического освоения прошло и сибирское слово *бозы* (*позы*).

Что касается слова *лагман*, то состав его при учете закономерных фонетических изменений достаточно прозрачен. По мнению известного уйгурского общественно-политического и культурного деятеля Бурхана Шахиди, автора трехязычного словаря⁷, это слово восходит к современному китайскому словосочетанию *ламянь* 'тянутая лапша', что вполне согласуется со способом ее приготовления: лапшу тянут из кусочков теста и в отваренном виде гарнируют особо приготовленной острой овоще-мясной приправой. Это блюдо заимствовано, по всей вероятности, у проживающих в Киргизии и Казахстане китаеязычных дунган, которые, будучи мусульманами, использовали в качестве фарша только баранину (*позы* фаршируют свиной). В Казахстане и Киргизии это кушанье называют также *дунганской лапшой*. Ш. Кибиров и Ю. Цунвазо в своем словаре правомерно приводят оба названия: «*лагман*, *дунганская лапша*»⁸.

Как это часто бывает при заимствовании кушаний, способ приготовления этих блюд претерпел значительные изменения, они лишь отдаленно напоминают китайский оригинал.

В целом обмен названиями блюд вообще весьма характерен для межкультурных связей. Эта неперенная группа иноязычных слов функционирует практически в каждом языке мира. Достаточно привести такие слова в китайском языке, известном своей малой проницаемостью, как *леба*, *квасы*, *сымидань*, *пива*, *субу* (*тан*), представляющие собой сильно измененные русские слова «хлеб», «квас», «сметана», «пиво», «суп».

⁷ Бурхан Шахиди. Уйгурско-русско-китайский словарь. Пекин, 1953, стр. 677.

⁸ «Уйгурско-русский словарь». Алма-Ата, 1968, стр. 120.

В. Л. ГУКАСЯН

ОБ ОДНОЙ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Письменные источники раннего средневековья сообщают о существовании тюркской письменности, созданной в первой четверти VI века нашей эры аранским (то есть азербайджанским) епископом Кардостом для гуннов Северного Азербайджана и юго-восточного Дагестана. Хотя этот факт и упоминается в трудах ряда историков, однако должного внимания языковедов он до сих пор не привлек. Правда, этого сообщения коснулся А. М. Шербак¹ и в последующем А. Н. Кононов, который указывает: «Захария Митиленский, или Захария Ритор, составитель сирийской хроники (середина VI в. н. э.), писал: „У гуннов лет двадцать тому назад или больше вышло писание на их языке“. Не исключено, что речь идет о тюркском письме или о письменности тюрков, входивших значительным компонентом в гуннский союз. Источником сведений составителя хроники были „сообщения лиц, побывавших в гуннских пределах“... Весьма вероятно, — писала Н. В. Пигулевская, — что и гуннское тюркское письмо ... было письмо согдо-манихейское или согдийское»².

По мнению Н. В. Пигулевской, «Хроника», относящаяся к 60-м годам VI века, была компилятивной: в ней повторялись сведения, изложенные в «Истории» Захария Ритора, охватывающие события 436—491 годов³. Причем утверждение автора хроники о том, что данная письменность была создана аранцем Кардостом, было, конечно, не случайно⁴, так как он XII книгу (гл. 7) начал с описания территории Закавказья и Дагестана. Захария сообщает, что в то время (в V—VI веках) Аран (то есть Кавказская Албания) был самостоятельной страной со своим собственным правителем (у автора — *малконом*, то есть меликом) и языком; на северной окраине Арана (то есть от Северного Ширвана до Дер-

¹ См.: А. М. Шербак. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 81. Автор пишет: «Наиболее ранние и более или менее достоверные сведения о тюркском письме или точнее о письме гуннов, среди которых несомненно были тюрки, относятся к VI в. Их приводит в своем сочинении Захарий Ритор».

² А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркоких рунических памятников VII—IX вв. М., 1980, стр. 7.

³ См.: Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 10—11.

⁴ Эту письменность автор хроники не называет скифской, как писала Н. В. Пигулевская.

бента) была расположена область «Базгун, земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских». За дербентскими (у автора — Каспийскими) воротами, на каспийском побережье Дагестана в то время проживали тюрки, а именно: *гунны, болгары, акхазары* (белые хазары), *савиры, оногуры, барсилы, хазары* и др. Исследователь истории хазаров М. И. Артамонов отмечает, что эти тюрки были не только ближайшими соседями закавказских народов, но и участвовали в этногенезе азербайджанского народа⁵.

Автор хроники сообщает, что аранский епископ Кардост составил для гуннов письменность и перевел «Евангелие» на их язык⁶. Хронист получил эти сведения от своих соотечественников Иохана и Томаса, участников византо-персидской войны 503 года, и плененных во время осады города Амида сасанидским шахиншахом Каватом I (488—531 гг.) Византийских пленников Кават отправил на Кавказ к гуннам, где Иохан и Томас и встретились с Кардостом и его помощниками, которые «говорили с пленными, многих окрестили и обучили некоторых из гуннов. Они (Кардост и его помощники. — В. Г.) оставались там семь лет и выпустили писание на гуннском языке»⁷. Через четырнадцать лет Кардост вернулся в Аран, а его заменял там «армянский епископ по имени Макар, [который] построил церковь из кирпичей»⁸.

Комментируя эти сведения хроники, Н. В. Пигулевская отметила, что в источнике «под каспийскими воротами подразумевается проход Дербента»⁹, поэтому «много оснований предполагать, что гунны, с которыми имели дело Кардост и Макар, были гунны-сабиры»¹⁰. Ее мнение подтверждается и сведениями Левонда, армянского историка VIII века, который писал, что в 70-х годах VIII века арабский наместник Армении Отман собрал воинов «в стране алванской, у ворот Каспийских, у города называемого Дарбантом (курсив наш. — В. Г.), крепости и оплота, выстроенного против гуннских и хазарских полчищ»¹¹. Наконец, Н. В. Пигулевская уточняет и дату составления Кардостом письменности: по ее мнению, это было в 544 году, ибо Кардост пришел к гуннам в 537 году, то есть через 34 года после пленения византийцев¹². Однако М. И. Артамонов указывает другую дату — «...Кардост прибыл в страну гуннов не раньше 515 г., а покинул ее в 529 г., „писание“ же выпущено было около 520 г. Цифру 34, надо понимать не как число годов, прожитых пленниками у гуннов до прихода Кардоста, а как общую продолжительность плена. В 537 году они получили свободу». И далее: «Сам Кардост был епископом Аррана, т. е. современного Советского Азербайджана, откуда и пришел к гуннам»¹³. Казалось бы, все ясно, но именно с этого момента Н. В. Пигулевская противоречит как самой себе, так и своему источнику. Она пишет: «Относительно языка перевода (перевода «Евангелия». — В. Г.) сомнений не возникает — это гуннский язык; что же касается письменности, знаков, которые были в употреблении, можно только высказать догадки». Догадки эти заключаются в следующем: «... Гунны пришли в своем поступательном движении в области, населенные согдами (в долине Зеравшана! — В. Г.), где они могли ознако-

⁵ См.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 17, 132.

⁶ См.: Н. В. Пигулевская. Указ. раб., стр. 84.

⁷ Там же, стр. 166.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 82.

¹⁰ Там же, стр. 87.

¹¹ «История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века». СПб., 1862, стр. 111.

¹² См.: Н. В. Пигулевская. Указ. раб., стр. 87.

¹³ М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 93.

миться с этим типом письма. С другой стороны, Кардост, пришедший из Арана, принадлежал к области, населенной арийцами и, возможно, говорившей на одном из иранских наречий, в таком случае знакомство его с согдийской письменностью не может быть удивительным»¹⁴.

Однако так ли это? Во-первых, если гунны, соседствовавшие с Араном в V—VI веках, были знакомы с согдийской письменностью, то вряд ли им понадобилась бы новая письменность, тем более созданная аранским епископом; во-вторых, в 30—40 годах VI века наблюдался расцвет албанской оригинальной фонетической письменности, созданной самими же албанцами (аранцами) в первой четверти V века. Н. В. Пигулевская наверняка была знакома с исследованиями по истории письменности кавказских албанцев (т. е. аранцев) известного кавказоведа академика А. Г. Шанидзе, по мнению которого: «Эпохой расцвета албанской письменности надо считать 5—7 вв., когда албанцы во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами»¹⁵. Комментируя сообщение хроники «Аран со своим языком» Н. В. Пигулевская также подчеркивает, что «наш автор хочет этим сказать, что в Аране был свой особый язык, не сходный с языком других народов, им названных»¹⁶. Следовательно, аранцы-албанцы не были арийцами, говорившими на одном из иранских языков. Исследование албанской письменности и дешифровка албанских надписей подтверждает, что государственным языком Арана не был какой-либо иранский язык. Это значит, что Кардост (епископ Арана!), вряд ли знавший о существовании согдийской письменности, по-видимому, составил для гуннов письменность сходную с закавказской, в особенности — албанской. Если учесть, что его в Гунии заменил армянский епископ Мака́р, на родине которого с 406 года функционировала оригинальная фонетическая письменность, то наше предположение может быть воспринято, как вполне правдоподобное.

Следует также помнить о том, что исследователи данного вопроса к тому же не учитывали нижеследующего.

1. **Этнокультурные контакты аранцев и гуннов** установились не позднее V века, а в дальнейшем стали регулярными, о чем свидетельствуют византийские, сирийские, армянские, грузинские источники, а также аранский — «История Алван», названный М. И. Артамоновым «первоклассным источником по истории Хазар»¹⁷. О тесных этнокультурных и этнолингвистических контактах аранцев и гуннов в «Истории Алван» имеется ряд ценных сведений, подтверждаемых и другими источниками. Так, автор первой книги «История Алван», охвативший историю Арана до конца VI века, сообщает, что о событии, изложенном им в XIX главе, рассказал ему архиепископ гуннов Иунан, «говоривший всегда справедливо, и бывший очевидцем этого происшествия»¹⁸; сказанное гуннским епископом как раз относилось к V веку; в главе XXIX той же книги автор, повествуя о нашествии гуннов в Албанию в 442/445 годах, пишет, что их царь «собрал всё войско гуннов, состоявшее из 11-ти армий, перешел реку Куру, захватил область Ути, и разбил свой лагерь близ города Халхал» (между современными Казахом и Акстафой); там он свою армию разделил на три части, назначил военачальников и приказал им

¹⁴ Н. В. Пигулевская. Указ. раб., стр. 87.

¹⁵ См.: А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. — «Известия Института истории, языка и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР», т. IV. Тбилиси, 1938, стр. 3.

¹⁶ См.: Н. В. Пигулевская. Указ. раб., стр. 8.

¹⁷ См.: М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 18.

¹⁸ См.: «История Алван Моисея Каганкатваци». СПб., 1861, стр. 42.

«нашествовать на Албанию, Армению и Иверию» (то есть Восточную Грузию)¹⁹; первый из них, которому и было поручено захватить Албанию, вместе с тридцатью воинами принял в области Ути христианство и сменил свое гуннское имя на греко-христианское, «ибо называли его с того времени „Теофилом“» (Боголюб).

Эти два сообщения автора «Истории Алван», относящиеся к V веку, говорят о многом: именно гуннский архиепископ Иунан рассказывает хронисту о событии, происходившем вблизи области чилбов (см. у Плиния старшего, погибшего в 79 году нашей эры — *silvi*), то есть на северо-западе нынешнего Закатальского района Азербайджанской ССР; в 40-х же годах V века гунны предприняли наступление по всему Закавказью, выбрав центром военных действий аранскую (албанскую) область Ути, где гуннский князь и его воины приняли христианство. Тогда же (в 447/448 годах) часть гуннов, а именно **оногуры** (то есть оногузы), по сообщению византийского историка V века Приска Панийского, совершили поход в Грузию и дошли до Колхиды; византийский историк VI века Агафий Миринский (532—582) пишет, что ойконом *Оногрис* в Колхиде в его время являлся этнотопонимом, ибо «местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, и это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами»²⁰. Этих же оногуров автор второй книги «История Алван» называет *хун(о)гурами*²¹. Он пишет, что «за 120 лет до армянского летосчисления и за 20 лет до воцарения злого Газкерта» (Иездегирда II — 438—457), то есть примерно в 20—30 годах V века, в область Сюник (совр. Зангезур — Сисиан Армянской ССР) к правителю сюникского княжества Бабику пришли из Гунии «два брата знатного происхождения Гор и Газан с большим войском» на постоянное жительство. «Бабику бросил жребий: старшему Гору досталось село Хут, а младшему Газану прекрасный Шагат»²². (Имя Газан, которое носил герой эпоса «Китаби деде Коркуд» встречается и через 600 лет!).

Как видно из сообщений «Истории Алван» и других закавказских и византийских источников, оседание тюрков, в особенности гуннов, в Закавказье началось с V века. В соседстве с гуннами-савирами и *оногурами/хунугурами* (а именно на территории Нахичевань — Армения) в тот же период жили гунны-кангары, с которыми, как пишет сирийский автор VI века Мар Аба I, в 542 году сражались персидские войска Хосрова Ануширвана (531—579). Н. В. Пигулевская отмечает, что сасанидские войска вели «войну с кангарами (*kangaraye*), одним из гуннских племен»²³. Чуть раньше, а именно в 484 году, по сообщению армянского историка V века Лазаря Парпского, в долине реки Куры, в «Области Кангаров, под горой Кангар дислоцировалась объединенная армия аранцев, армян и грузин»²⁴. Следовательно, во второй половине V века в За-

¹⁹ См.: «История Агван», стр. 73.

²⁰ См.: Агафий Миринский. О царстве Юстиниана. М., 1953, стр. 73; Г. В. Хауссиг. К вопросу о происхождении гуннов. — «Византийский временник». М., 1977, № 38, стр. 71.

²¹ «История Агван», стр. 82.

²² Там же, стр. 84. Оба эти поселения (Хут и Шагат) по сей день под теми же названиями существуют в Сисианском районе Армянской ССР.

²³ См.: Н. В. Пигулевская. Мар Аба I (К истории культуры VI в. н. э.). — «Советское востоковедение». V. М.—Л., 1948, стр. 77.

²⁴ Об этом см.: В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода. — «Советская тюркология», 1978, № 2, стр. 23.

кавказье образовались тюркские этнопонимы типа «Кангардаг», «Кангарли» и другие, существующие и по сей день на территории Гукасянского района Армянской ССР и Нахичеванской АССР.

Судя по данным первоисточников, в середине VI века количество тюрков в Аране заметно увеличилось, что очень беспокоило сасанидов, и в 562 году Хосров Ануширван начал войну в северном Аране с гуннами-савирами. Византийский историк VI века Менандр сообщает, что Ануширван с большим трудом одержал победу и десять тысяч савиров (видимо, семей) переселил на земли между Курой и Араксом²⁵; по его же сведениям, в 576 году «византийские войска, вступив в Албанию, встретили здесь савир и в обеспечение покорности взяли у них заложников»²⁶.

Можно допустить априори, что благодаря таким тесным и регулярным этнолингвистическим и этнокультурным контактам аранцев/албанов с тюрками-гуннами возникли благоприятные условия для того, чтобы именно аранцы распространяли среди гуннов христианство, создали для них письменность. Сказанное может быть аргументировано и конкретными фактами: а) с 626 года гунны совместно с хазарами и тюрками (последних О. Прицак и А. Н. Кононов считают огузами)²⁷ начали поход в Аран (Албанию). При этом командовал армией «наместник северного царя (то есть хазарского кагана. — В. Г.), **Джеб(ғ)ухакан**²⁸, второй в царстве его»²⁹ с «кровожадным орленком (то есть сыном. — В. Г.) своим Шадом»³⁰, «которого в честь его княжеской власти называли Шад'ом»³¹. Этот поход продолжался вплоть до 631 года. Чтобы спасти государство, аранский католикос (он же глава государства) Виро, «муж гениальный и мудрый»³² решил подкупить Шада, утверждавшего, что Аран является гуннским владением, ибо его отец получил «три эти страны — Алванию, Чула и Лбинию в вечное владение»³³. Виро подготовил дорогие дары и «распределил дары по названиям их, сделал на них надписи и запечатал»³⁴. По всей вероятности, эти надписи были сделаны известным гуннам алфавитом, чтобы те могли разобраться, какой подарок кому предназначен. Поэтому можно предположить, что Виро пользовался алфавитом, составленным для гуннов его соотечественником — епископом Кардостом; б) в 60-х годах VII века предводитель (элтебер) гуннов Алп (в «Истории Алван» — Алп Илетвер), который «совершил много отважных подвигов в Туркестане перед хазарским ханом»³⁵, предпринимает очередной поход в Аран. Его целью было заключение договора со знаменитым царем Арана — Джаванширом, с которым считались и арабский халиф, и император Византии. Автор «Истории Алван» пишет об этом следующее: «Царь туркестанский просил у него мира и любви и прислал ему в дар отборных коней, рабов и рабынь и шкуры пресмыкающихся»³⁶. Алп и Джаваншир заключили договор, «чтобы прекратить взаимные несогласия и водворить сердечную дружбу»³⁷. Таким образом, элтебер гуннов Алп укрепил свое суверенное

²⁵ См.: «Византийские историки...». СПб., 1860, стр. 411—412.

²⁶ Там же, стр. 411.

²⁷ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 37—40.

²⁸ Автору «Истории Алван» имена тюркских предводителей, по-видимому, были неизвестны, поэтому он называет их по титулу и чину.

²⁹ «История агван», стр. 110.

³⁰ Там же, стр. 119.

³¹ Там же, стр. 110.

³² Там же, стр. 117.

³³ Там же, стр. 127.

³⁴ Там же, стр. 125.

³⁵ Там же, стр. 199.

³⁶ Там же, стр. 149.

³⁷ Там же, стр. 154.

положение и, чтобы окончательно утвердиться в Аране, решил принять христианство. С этой целью в 682 году он направил двух знатных людей Авчи Тархана и Зертегина Хурсана (то есть принца земли Хурсана) с письмом в Аран и в Армению. Аранский католикосат решил отправить к гуннам известного им епископа Исраила. Интересно, что Исраил отправился к гуннам той же горной дорогой, по которой некогда прибыл и Кардост³⁸.

В «Истории Алван» приводятся копии письма Алпа³⁹, написанные, по-видимому, не на армянском и албанском, а на каком-то другом языке. Исраил читал гуннам проповеди из «божественных книг», причем слушателями его были все гунны, а не только их знать. Епископ вел многодневные диспуты с представителями дохристианских религий — чародеями, шаманами, колдунами и чопчиями-знахарями⁴⁰. Знание языка гуннов было для этого необходимо; а свои проповеди Исраил, видимо, читал из «Евангелия», переведенного для гуннов Кардостом.

Все приведенное выше позволяет заключить, что албано-аранские религиозные и культурные деятели раннего средневековья, стремясь распространить христианство среди тюрков-гуннов, создали для них письменность на одном из тюркских языков савиро-хазарского союза. Как справедливо отмечает А. Г. Периханян, «Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, не просто „буквотворчество“». Это большой и сложный процесс, включающий прежде всего выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка⁴¹. Распространение христианства среди тюрков Кавказа и создание письменности для них аранцами (азербайджанцами) в начале VI века имели не только историческое и лингвистическое, но и немалое политическое и культурное значение. Таким образом, между автохтонами Албании/Арана и тюркоязычным населением Закавказья и восточного Кавказа в тот период существовали не только военные, политические и экономические контакты, но и тесные этнолингвистические связи, получившие в последующем свое дальнейшее развитие. Видимо, поэтому аранский царь Вараз-Трдат, племянник и преемник Джаваншира, в своем обращении к жителям Арана в 682 году заявил, что *тюрки (гунны) хазары* являются уже частью населения страны: «с этих пор да не сочтем за позор родниться с ними»⁴². Кстати, судя по сведениям грузинского источника «Картлис цховреба» («Жизнь Картли»), после захвата Картли (Восточной Грузии) и Тифлиса хазарами в 628 году в Грузии начали говорить и на хазарском языке⁴³. Функционирование тюркского языка как средства общения между народностями в VI—IX веках в Закавказье и на Восточном Кавказе может быть подтверждено конкретными лингвистическими данными.

2. **Тюркизмы, имеющиеся в «Истории Алван»** и зафиксированные также в других закавказских письменных памятниках V—X веков, позволяют установить, что языки савиро-хазарского союза, представленные на северо-восточном Кавказе, включали в основном *j-, č-/ǰ-, d-, c-, ɟ-/z-*

³⁸ «История Агван», стр. 191—192.

³⁹ Там же, стр. 209.

⁴⁰ Там же, стр. 201—205.

⁴¹ А. Г. Периханян. К вопросу о происхождении армянской письменности. — «Переднеазиатский сборник». II. М., 1966, стр. 126—127.

⁴² «История Алван», стр. 190.

⁴³ См.: «Картлис цховреба» (на груз. яз.), т. I. Тбилиси, 1955, стр. 16; В. Л. Гукасян. Об азербайджанско-грузинских языковых контактах. — «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 23—24.

диалекты. Ибо в «Истории Алван» (как и в других закавказских источниках VII—X веков) встречаются: žebū (вм. jābū) 'вицехаган', tidun 'высший офицерский чин у гуннов и хазар', zer (< žer) tegin (вм. jer tegin) 'принц — наместник области, края' и т. д. В этом же источнике имеются такие слова, как: avči 'охотник', čörči 'знахарь', čalaq 'роща, кустарник', gögjar 'молния' (букв. 'неборассекающий'), elteber 'вождь, глава', tegin 'принц', taɣhaп 'привилегированный вельможа', šad 'наместник', turkaп 'курьер, посланец', хап 'хан', хагап 'хакан', tangri/tangri-хап 'всевышний, небесный, бог', alp 'герой'; этнонимы — ājlāntürk (haj-lantürk — у Егише, армянского историка V века)⁴⁴, onogur/hunogur, bar-sil, bulgar, xazar, hun; антропонимы — Avči, Alp, Qazan, Qonaq, İtegin, Tangrixaп; топонимы — Tūrkestan (о Хазарии), Honastan (Гунния) и др.⁴⁵ Остановимся еще на двух фактах: а) тюркологи полагают, что спирант *ʋ* (наряду с *f* и *h*) в тюркских языках возник не ранее X века в связи с процессом спирантизации этимологических смычных⁴⁶. Однако в «Истории Алван» встречается тюркское слово avči 'охотник' со словообразовательным аффиксом -či, входящим и в слово čörči в том же источнике. Причем это не случайность, ибо в «Армянской географии», написанной в середине VII века, точно передается тюркский этноним «савир» — ԺՎԻՐՐ (savirk). (Речь здесь идет о Туркестане то есть Хазарии)⁴⁷; б) как уже говорилось выше, глава гуннов Алп в 682 году отправил с посланием в Армению принца Зертегина Хурсана. Следовательно, этот принц (tegin) был владельцем земли Хурсан. «Хурсан» упоминается еще в V веке у Егише⁴⁸. В. Ф. Минорский справедливо локализует его в стране Лакз-лезгин, вблизи с Маскутом (недалеко от Чула, на берегу Каспийского моря)⁴⁹. Для нас в данном случае главным является то, что этот безымянный принц носил титул «**зер** тегин/**зир** тегин», а не «**йер**/**йир** тегин» (владелец земли; края). Это значит, что автор «Истории Алван» отметил вариант *z*(*dz*?)-диалекта (*zer* ~ *jer* 'земля') языков савиро-хазарского союза наряду с тюркизмами *ž*-, *d*-диалектов (джабгу, тидун и т. д.). Кроме того, одно из печенежских племен, названное у ал-Масуди (X век) «баджнак»⁵⁰, в «Армянской географии» отмечено как «пацанк»⁵¹, то есть в варианте *ц*-диалекта.

Следы всех названных диалектов широко представлены в азербайджанском языке, что свидетельствует о тесных и регулярных этнолингвистических контактах азербайджанцев с савирами, кангарами, хазарами, гуннами и др. По этому поводу Н. З. Гаджиева и Б. А. Серебренников пишут: «Ассимилируясь местным населением и усваивая тюркский язык предков азербайджанцев, хазары могли привнести в язык этого населения и некоторые черты своего языка. Скрещение языков здесь могло быть особенно эффективным по той простой причине, что в данном случае контактировали родственные языки. Таким образом, некоторые азербайджанские диалекты и говоры могли воспринять отдельные особенности хазарского языка. И действительно, в ряде северных и

⁴⁴ См.: Егише. О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеармянского акад. И. А. Орбели. Ереван, 1971, стр. 31, 127.

⁴⁵ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в албанских источниках. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 30—41; его же. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода, стр. 20—33.

⁴⁶ См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 185.

⁴⁷ См.: С. Т. Еремян. Армения по «Ашхарацоцу». Ереван, 1963, стр. 102—103 (на армян. яз.).

⁴⁸ См.: Егише. Указ. раб., стр. 92.

⁴⁹ См.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента. М., 1963, стр. 114—115.

⁵⁰ См.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, стр. 164.

⁵¹ См.: С. Т. Еремян. Указ. раб., стр. 102—104.

восточных говоров азербайджанского языка отмечаются такие черты, которые никак не гармонируют с типичными особенностями языков огузской группы»⁵². Так, следы *с*-диалекта обнаруживаются в Шемахинском, Джебраильском, Нахичеванском, Ордубадском и Шахбузском диалектах: *ž*- и *dz*/*lz*-диалектов — в северных и западных группах диалектов и говоров азербайджанского языка⁵³; а в азербайджанском литературном языке встречается параллельное употребление лексем указанных диалектов (*jug* ~ *žug* 'рвать', *gijiš* ~ *giziš* 'зудеть', *junruх* ~ *dunruх* 'кулак', *gejim* ~ *gežim* 'одежда', *dojday* ~ *žajday* 'аист', *diš* ~ *čiš* 'зуб' и т. д.)⁵⁴. В азербайджанском дастане XI века «Китаби деде Коркуд» часто употребляется древнетюркское слово *saz*, широко представленное и в ряде кыпчакских языков в значении «поле, покрытое камышом; болото». Этого слова нет в современном азербайджанском языке (но оно имеется в удинском языке), однако сохранился вариант *j*-диалекта, а именно — *jaz* (см. топонимы: *Ayjazу*, *Qarajazу* и т. д.).

Исходя из фонетического соответствия *j* ~ *s/z*, Л. В. Дмитриева отмечает, что древнетюркский *йаз* соответствует гагаузскому и туркменскому *saz* и узбекскому *soz*⁵⁵ (ср. азерб. *jaz* ~ *saz* из соответствий *j* ~ *s/z*)⁵⁶.

Факты указанных диалектов широко представлены и в топонимии Кавказа. Самые высокие вершины Кавказских гор названы именами тюркского происхождения. Так, в грузинских источниках XI—XII веков эти вершины именуются «Иалбуз»⁵⁷, то есть «Йалбус/Йалбуз»⁵⁸ (от тюрк. *јал* 'грива' + *бус/буз* 'лед' = 'ледяная грива'; ср. в груз. *mхentavi* 'ледяная гора', от хеп 'лед, вода' + *tavi* 'гора') и *Казбек* (от тюрк. *Каз* + *бек* 'вершина, высота' = 'Вершина Каз')⁵⁹ (ср. *pišpek/pišbek* 'пять высот' — от *piš* 'пять' + *bek* 'высота, вершина; голова' — старое название города Фрунзе)⁶⁰. Наряду с *Иалбуз* на территории Азербайджанской ССР имеется гора *Salbuz dayу*, название которой относится к *š*-диалекту, причем здесь наблюдается закономерность; в Куткашенском районе есть ороним *Songar dayу* и гидроним *Songar bulayу* (см. поселок *Songar* и в Карадагском р-не). *Songar/šongur* является диалектным вариантом *songur* 'сокол'.

Следует отметить наличие многочисленных следов *j*-, *č*/*ž*-, *d*-, *c*-, *z*/*z*- диалектов гунно-азербайджанского ареала в неродственных язы-

⁵² См.: Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебрянников. Ареальная лингвистика и проблема восстановления некоторых черт исчезнувших языков. — «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 6—7.

⁵³ См.: М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке. — «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 6—11; М. И. Исламов. Об изучении азербайджанских диалектов и говоров методом лингвистической географии. — «Советская тюркология», 1979, № 3, стр. 65—70; С. М. Моллазаде. Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979, стр. 139—191.

⁵⁴ В. И. Асламов. Историческая лексикология азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 8.

⁵⁵ См.: Л. В. Дмитриева. Названия растений в тюркских языках. — «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972, стр. 222.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: В. Л. Гукасян. Древние тюркизмы в удинском языке. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1978, № 2, стр. 75—76.

⁵⁷ См.: «Картлис цховреба», т. I, стр. 4.

⁵⁸ В грузинском языке отсутствует спираント *й*, поэтому все заимствованные им слова с *й* произносятся с *и* (ср. *йал* > *иал* 'грива', *йара* > *иара* 'рана' и т. д.). (См.: В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода, стр. 19).

⁵⁹ В эпосе «Китаби деде Коркуд» она называется «Газлыг дагы». См.: «...Гышда — јазда гары, бузу эримејән Газлыг дагы...» («Китаби дедэ Горкуд». Баку, 1978, стр. 26).

⁶⁰ Об этом см.: Э. М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974, стр. 252.

ках, представленных в данном ареале с древнейших времен. Например, только лишь в удинском языке можно найти десятки подобных примеров, а именно: *джыгыт/чыгыт* 'джигит, храбрец', *джадаг* 'пеший', *к/ыд-жыл* 'короткий, маленький', *чалғу* 'глупый; глупец', *ч/ак/* 'мятый, помятый', *жук/* (< *джиг/*) 'веретено'; *дар/дардар* 'яр, овраг', *бедук* 'большой', *к/ыдыл* 'короткий, маленький', *қөшмән* (< *көјчәмән*) 'луг', *цап-* 'ко-силь', *цах* 'зеленая ветка', *цаъкъ* 'молния, гром', *кици(к)* 'маленький, меньший', *к/ок/оц/* (< *gögkuc/gögküş*) 'курица'; *пос-* 'разрушать(ся)', *каш-* 'копать' и т. д.⁶¹ Таким образом, элементы *ž-*, *d-*, *z-*, *s-* диалектов (*žabūn*, *tidun*, *zer*, *rasank*) встречаются в закавказских письменных источниках, в диалектах и говорах азербайджанского языка (*джар*, *джардам*, *джарат/джорат*; *цай*, *цәпәр* 'забор', *дук/йик* 'веретено'⁶², *адаг* 'нога', *дзалин* 'голый' и т. д.), в горских — кавказских языках (см. выше) и в топонимии данного ареала.

Как видно, гунно-азербайджанские этнолингвистические контакты имеют свою довольно древнюю историю. Поэтому сообщение Захария о составлении аранцем (то есть азербайджанцем) — Кардостом письменности для гуннов звучит достаточно убедительно. Тем более, что, как верно отметил М. И. Артамонов, «Поселение тюрков — савир, хазар, болгар и др. в Закавказье, в особенности в степной Албании, существовало, вероятно, со времен первых вторжений их в эту страну. В дальнейшем их число пополнили новые тюркские племена, что и определило современный этнический облик Азербайджана»⁶³.

⁶¹ Об этом: см.: В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 14—18.

⁶² Это слово обнаружено В. И. Аслановым в сочинениях Афзаладдина Хагани (XII в.).

⁶³ См.: М. И. Артамонов. Указ. раб., стр. 132.

РЕЦЕНЗИИ

Ф. А. ГАНИЕВ. ВОПРОСЫ МОРФОЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

КАЗАНЬ, ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗД-ВО, 1980, 81 стр.

Рецензируемая книга посвящена исследованию актуальных проблем морфологии современного татарского языка. Включенные в книгу статьи являются результатом многолетней работы автора в этой области.

Отметив, что не все вопросы татарской морфологии до конца изучены и решены, автор указывает на существование противоречивых мнений относительно морфологических категорий и выражает надежду, что предлагаемые в его работе интерпретации спорных положений и проводимое им сопоставление разных точек зрения «могут продвинуть решение этих вопросов, в отдельных случаях осветить известные проблемы с новых сторон, на которые прежде не обращалось внимания».

В статье «Проблема классификации частей речи в современном татарском литературном языке» излагаются существующие научные концепции в данной области (П. М. Мелиоранского, В. М. Жирмунского, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова и др.). По мнению Ф. А. Ганиева, существование противоречащих друг другу взглядов и оценок объясняется сложностью и трудностью проблемы и в известной мере связано с механическим перенесением схемы классификации частей речи в индоевропейских языках на тюркские. Автор подчеркивает, что при классификации частей речи в тюркских языках необходимо учитывать в равной мере все признаки слова, которое должно анализироваться в лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом аспектах. Ф. А. Ганиев утверждает, что в словосочетаниях типа *kömeş qaşyq* 'серебряная ложка', *tiñer taraq* 'железная расческа', *altun baldaq* 'золотое кольцо' первые компоненты с точки зрения семантики выражают не предмет, а признак предмета, поэтому они не могут рассматриваться как существительные в собственном смысле слова. По мнению автора, здесь имеет место конверсия, то есть переход существительных в прилагательные.

В статье о категории падежа автор указывает, что исследование категории падежа

в тюркских языках имеет многовековую историю. По мнению Ф. А. Ганиева, первые дошедшие до нас грамматики тюркских языков, в том числе и татарского языка, были написаны либо арабскими учеными, либо западноевропейскими миссионерами, которые, изучая системы падежей, естественно, исходили из схем близких им грамматик арабского или европейских языков. Во многих случаях те факты тюркских языков, которые соответствовали этим схемам, должным образом описывались, а не подходившие — вообще отбрасывались. Примерно такую картину можно наблюдать в грамматиках Ибн-Муханны, Ф. Менинского и др.

Ф. А. Ганиев считает, что в тюркских языках, в том числе и в татарском, количество падежей не исчерпывается шестью семью формами. Он полагает, что в татарском языке имеется до десяти синтетических падежей. Кроме традиционно приводимых шести падежных форм, автор указывает еще формы существительных на: *-daj/-däj*, *-le/-le*, *-söz/-sez*, *-daş/-däş*.

На основе научного анализа падежных форм татарского языка автор приходит к заключению, что указанные форманты, присоединяясь к конкретным именам, выражают не лексическое, а грамматическое значение. Небезынтересно отметить, что аналогичные типы аффиксов в финно-угроведении рассматриваются как падежные формы¹.

Как утверждает Ф. А. Ганиев, в тюркских языках, кроме синтетических падежных форм, оформленных суффиксами, имеются также аналитические падежи. По его мнению, тот факт, что до настоящего времени ни в одном из тюркских языков аналитические падежи не выделены, объясняется тем, что определение категории падежа, принятое и применимое к синтетическим

¹ К. Е. Майтинская. Грамматика венгерского языка. Ч. I. М., 1955, стр. 125—126; «Грамматика современного удмуртского языка». Ижевск, 1962, стр. 100.

языкам, механически перенесено на аналитические тюркские языки.

Как известно, в тюркских языках весьма широко развито употребление комбинаций существительных с нулевым аффиксом плюс послелог: *qalām belān, kōğāk belān* и т. д.

Ф. А. Ганиев считает, что в данном случае имеет место не сочетание именительного (основного) падежа с послелогом, а особый косвенный аналитический падеж. Автором книги в татарском языке устанавливаются следующие аналитические падежи: 1) социатив (орудийно-совместный), 2) дестинатив (причинно-целевой), 3) уподобительно-сравнительный, 4) изъяснительный, 5) местный, 6) исходный, 7) направительный, 8) причинный.

На наш взгляд, данное явление в тюркских языках представляет собой оригинальный языковой феномен, на который Ф. А. Ганиев одним из первых обратил внимание. Полагаем, что он должен стать объектом глубокого теоретического осмысления и всесторонней разработки в тюркологии, независимо от терминологических обозначений.

Ф. А. Ганиевым рассматривается также вопрос о соотношении грамматики и лексики на материале аффиксов татарского языка. На большом фактическом материале автор выделяет ряд словообразовательных аффиксов, имеющих наряду с лексическими также и грамматические значения (*-cıl/-ce, -lq/-lek, -lq/-le, -sez/-sez* и т. д.).

С другой стороны, отдельные так называемые грамматические аффиксы, например, залоговые, наряду с грамматическим имеют также и лексические значения. Ф. А. Ганиев именует их полифункциональными, имеющими и грамматические, и лексические функции. Исследование полифункциональных аффиксов имеет как теоретическое (для теории грамматических категорий), так и практическое значение (для лексикографии), что не может не привлечь внимания к рассматриваемой автором проблеме.

В статьях «Проблема глагольного вида и способы действия в современном татарском языке» и «Языковые основы передачи видовых значений русских глаголов в татарском языке» рассматривается видовая характеристика глаголов татарского языка во всех ее основных аспектах. В свое время, как известно, проблеме вида в тюркских языках было посвящено специальное совещание (1956), на котором обнаружили две диаметрально противоположные точки зрения: одни исследователи категорию совершенного и несовершенного вида считали характерной для тюркских языков, другие это отрицали. На основе научного анализа языкового материала с обоснованными теоретическими и общезыковедческими позициями автор утверждает, что в татарском языке отсутствует грамматическая категория совершенного и несовершенного вида. Согласно его точке зрения, видовая характеристика глаголов татарского языка связана с иным языковым явлением.

Как известно, А. Н. Кононов впервые в тюркологии видовую характеристику глаголов связал с категорией способов действия («характера протекания действия»), что, безусловно, правильно отражает действительную природу изучаемого явления. Ф. А. Ганиев, развивая эту идею, выделяет в татарском языке следующие основные значения лексико-грамматической категории вида: 1) начинательный, 2) направительный, 3) длительный, 4) многократный, 5) внезапный, 6) результативный, 7) завершённый, 8) частичный. Следует отметить, что в разработку теории способов действия в тюркских языках наряду с указанными исследователями значительный вклад внесли: Д. М. Насилов (алтайские языки), Н. О. Оралбаева (казахский язык), М. М. Текуев (карачаево-балкарский язык) и др.

Новым в тюркологии является установление автором книги в татарском языке предельных, непредельных и двойственных глаголов. Ф. А. Ганиев пишет: «То, что некоторые исследователи делают глаголы на совершенный и несовершенный виды, связано с тем, что татарские глаголы в зависимости от лексического характера можно разделить на предельные и непредельные».

Весьма оригинальным и новым является также тезис автора о том, что значения видов русского глагола переводятся не модифицирующими («вспомогательными») глаголами, а временными формами глаголов в зависимости от их предельности — непредельности. Этот вывод автора принципиально отличается от всех предыдущих положений о языковых основах видовых соответствий, принятых в методиках преподавания русского языка в татарской школе и сопоставительных грамматиках.

Ф. А. Ганиев приходит к заключению, что приемы сопоставления глаголов русского и татарского языков, как и соответствующие разделы методики и сопоставительной грамматики, должны быть пересмотрены и изменены. Отсутствие категории совершенного и несовершенного вида в татарском языке должно быть учтено и в лексикографической практике. Рекомендации автора интересны и, на наш взгляд, заслуживают большого внимания.

В двух последних статьях сборника Ф. А. Ганиев рассматривает вопрос о сложных словах. Известно, что многими специалистами сложные глаголы (дееспричастие + модифицирующий глагол) изучаются не как лексические единицы, а как формы глаголов.

Ф. А. Ганиев доказывает, что исследуемые глагольные комбинации являются сложными лексическими единицами и сравнивает их с такого же типа сочетаниями японского и хинди языков. Он выдвигает критерии различения сложных глаголов от сложных глагольных форм (модальных, временных и т. п.). По мнению автора, сложных глаголов типа *ıqır suı* 'прочитать, прочитывать' в отдельных тюркских языках насчитывается до 100 тысяч, и эти

лексические единицы должны занять свое законное место в словарях.

Ф. А. Ганиев пишет: «Насколько нам известно, ни в одном из современных тюркских словарей количество слов не превышает 50 тысяч. Из этого обстоятельства непосвященный человек может сделать вывод о бедности словарного состава тюркских языков. Дело, конечно, не в бедности лексической системы тюркских языков, а в теоретической неразработанности проблем лексикологии тюркских языков, вследствие чего в тюркские словари не включаются все структурные типы слов и, в частности, сложные глаголы». Далее автор приводит примерную разработку словарной статьи сложных глаголов.

Ф. А. Ганиев исследует не только теоретические вопросы сложных слов, но и их практические аспекты, например, их орфографию. Автор считает, что в основе правописания сложных слов должен лежать материальный языковой признак. Таких признаков у сложных слов он отмечает несколько: 1) лексико-грамматический характер компонентов, 2) взаимосвязь компонентов, 3) семантика. По мнению автора, материальным языковым и лингвистическим критерием правописания сложных слов может быть лишь характер взаимоотношения компонентов. Сложные слова с предикативным и атрибутивным отношением должны

писаться слитно, за исключением композитов, соотносительных со второй формой изафета. Сложные слова с сочинительным отношением компонентов должны писаться через дефис и т. д. Ф. А. Ганиев заключает: «Речь идет о принятии взаимоотношения компонентов как главного критерия правописания сложных слов. В пределах этого критерия возможны отдельные частные уточнения и исключения».

Это интересное положение, на наш взгляд, заслуживает самого пристального внимания и может быть принято как основное правило в правописании сложных слов.

В рецензируемой книге имеются отдельные недостатки и упущения. Так, в некоторых статьях автором упомянуты не все новые работы по исследуемой проблеме. Актуальным для татарского языкознания является различие и установление критериев лексических и прагматических значений у залоговых формантов, особенно это важно для лексикографии. Автору следовало бы посвятить отдельную статью и этому актуальному вопросу.

Книга Ф. А. Ганиева вносит определенный вклад в исследование указанных проблем и может дать материал для дальнейших разработок насущных вопросов морфологии как татарского, так и других тюркских языков.

Г. Ф. Саттаров

К. КОНКОБАЕВ. ТОПОНИМИЯ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

ИЗД-ВО «ИЛИМ», ФРУНЗЕ, 1980, 170 стр.

За последние три года появилось несколько новых топонимических словарей охватывающих названия в отдельных тюркоязычных регионах (Туркменская ССР, Башкирская АССР, Горно-Алтайская АО) и ряд монографических исследований, посвященных топонимии¹. К последним относится и рецензируемая книга К. Конкобаева «Топонимия Южной Киргизии», включающая введение, три главы, заключение, приложения, списки сокращений и литературы (223 источника).

Во введении автор предлагает вниманию читателей небольшой исторический экскурс, касающийся как изучения географических названий Киргизии, так и ее заселения. Специальный предмет исследования автора — топонимия Ошской области Киргизской ССР в сопоставлении с аналогичным материалом среднеазиатских республик и Южной Сибири.

Обратившись в первой главе к топонимической стратиграфии, К. Конкобаев указывает на существование иранского (согдийско-ягнобские, таджикские топонимы), тюркского (древнетюркские, киргизские, южносибирские, уйгурско-узбекские топонимы), арабского, монгольского и русского пластов в топонимиконе Южной Киргизии. При этом важнейшими условиями выделения страт следует признать: 1) отсут-

¹ С. М. Молла-заде. Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979; К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980; С. Атаниязов. Туркменистаның топонимиясы. Ашгабат, 1981.

ствие языка-передатчика, это означает, что объекты именовались непосредственно каким-то этносом, впоследствии ассимилировавшимся или покинувшим данную территорию. В этом случае исключается обозначение объектов словами иранского, арабского и т. д. происхождения, заимствованным киргизским языком (если бы такие факты имели место, то они должны были бы быть исключены из понятия «страта»); 2) ареальное вхождение, позволяющее говорить о наличии определенной страты в топонимии территории, в то время как единичные примеры могли оказаться либо случайными совпадениями, либо топонимами-эмигрантами; 3) надежность этимона, которая проверяется возможностью его участия в топонимических образованиях языка-источника.

Соблюдение указанных критериев надежности страт позволяет избежать сомнительных толкований. Поэтому автору можно пожелать в его дальнейшей работе максимально использовать картографирование. В связи с отсутствием карт нам показались правомерными и несколько иные сопоставления для таких, например, топонимов, как *Гарым* (стр. 12), который мог иметь связь с др.-тюрк. *qarūm/karīm* 'яма с водой, крепостной ров'; *Дароот-Коргон* (стр. 12), который, по-видимому, можно полностью связать с монг.-калм. *дарата/дарад+короган/хорһ/хорһа(н)*, *хорһа(н)* 'спрятанный, скрытый лагерь, военная крепость', не прибегая для этимологии к помощи иранских языков. Для топонима *Азван* (стр. 20), возводимого автором к иранскому слову, можно найти параллель на территории Горного Алтая, где существует населенный пункт *Азван*, в котором мы склонны видеть кетское *ас'бан < ес'баң* 'дикое, божье место'.

Картографирование для тюркской топонимии имеет особенно важное значение, так как в ней массовая письменная фиксация географических имен отсутствовала вплоть до XIX века. Изучение топонимов германцами и славистами, например, традиционно основывалось на сопоставлении с их ранними письменными фиксациями: «До тех пор, пока ранние написания топонима не будут в наличии, мы никогда не можем быть абсолютно уверены в его изначальном значении. Для большей части, однако, современное написание топонима или дает нам целиком ложное представление об его первоначальном значении, или же оно совершенно лишено смысла»². Чтобы заполнить этот вакуум в тюрко-монгольской топонимии, исследователи, на наш взгляд, чаще должны прибегать не только к картографированию, но и к генетическим и типологическим сопоставлениям. В этом плане показательным является интерпретация такого топонима, как *Сары-Тала* (стр. 40).

Во многих работах киргизских и казахских ономастов первый элемент топонимов

Сары-Булак, Сары-Чачма, Сары-Булуң, Сары-Жыгач, Сары-Токой связывается или с иранским (таджикским) словом *сар* 'головной, главный', или с тюркским *сара* 'ясный, ясноочерченный'. На основе анализа словарного материала ряда тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков мы пришли к заключению, что слово *сары*, являющееся абстрактным цветообозначением желтого цвета, обладает способностью к широкой сочетаемости и к переосмыслению основного значения. По всей вероятности, переосмысление и развитие нецветовых характеристик *сары* шло не от древнетюркского языка. Сами эти процессы регламентированы и поддаются наблюдению и установлению определенных закономерностей. Вполне допустимо, что в гидронимах развитие значения шло от всех оттенков желтого (совершенно желтый, желтоватый, рыжий, палевый, желто-бурый, бежевый, бледный, соловый, сероватый) к таким понятиям, как «весенний», «снеговой», «галый», «песочный», «мутный», а для неводных объектов — таким, как «степной», «сухой», «выгоревший». При этом явно чувствуется внесенность дополнительных оттенков нижеследующими существительными. К тому же, очень трудно допустить, чтобы в алтайских: *Сары-Бел, Сары-Булак, Сары-Агач, Сары-Кобы, Сары-Көл, Сары-Кыр, Сары-Суу, Сары-Таш*, в киргизских: *Сары-Булак, Сары-Жыгач, Сары-Коо, Сары-Көл, Сары-Кыр, Сары-Суу, Сары-Таш*, в казахских: *Сарыбел, Сарыбулак, Сарыжал, Сарыкамыс, Сарыбөк, Сарыбөз, Сарысу, Сарытау, Сарытөбе, Сарытөр*, в монгольских: *Sara ayula, Sara bulay, Sara yool, Sara nuur, Sara qada, Sara talayin süme, Sara to'loi, Sara usu*³ первый элемент истолковывался различно.

Удачным в рецензируемой работе следует признать раздел, посвященный монгольскому пласту в топонимии Южной Киргизии (стр. 62—72), особенно обширный по охвату материала и подкрепленный солидным фактическим материалом, что выгодно отличает его от предыдущих работ киргизских ономастов на эту тему.

Выводы, содержащиеся в разделе о тунгусо-маньчжурских топонимах, кажутся несколько поспешными, ибо большинство указанных названий зафиксировано и на других территориях. Известно, что *Ала-Бука* как личное имя существовало еще в древнетюркском языке; *Бир-Суу*, взятое вне региональной топонимической системы, может быть сопоставлено с рядом топонимов, в том числе с названием реки Бирюса. *Бор*, выводимое из тунгусо-маньчжурских языков, имеет параллели в монгольских и в некоторых тюркских языках. *Босого* как топоним отмечается и в алтайской, и в монгольской топонимии. Параллелей в географической терминологии у восточных тюрк-

² K. Cameron. English Place-Names. London and Beccles, 1961, стр. 17.

³ M. Hattod. Mongolische Ortsnamen aus mongolischen Manuscript-Karten. Wiesbaden, 1966, стр. 166—168.

ских языков с монгольскими, а также тунгусо-маньчжурскими языками немало. Пока не так значных оснований объяснять их материальным родством языков или заимствованием, как нет оснований и для того, чтобы говорить о тунгусо-маньчжурских наименованиях в Южной Киргизии.

Топонимы, часть культурного наследия народов, имеют такую же непреходящую значимость как и памятники материальной культуры. В этом плане представляет интерес вторая глава рецензируемой книги. Социальный аспект изучения лексико-семантических групп апеллятивов, составляющих тюркские имена, наиболее четко прослеживается с занятой автором позиции — выявления особенностей общественной жизни, быта, родственных и семейных отношений, получивших отражение в географических именах.

Третья глава посвящена образованию географических названий Южной Киргизии. В ней К. Конкобаев выделяет простые и сложные топонимы аффиксального и безаффиксального типов. Важнейшим в таком анализе является разграничение апеллятивного и топонимического уровней словообразования. Дело в том, что многие основы получили аффиксальное оформление будучи апеллятивами, другие стали аффиксальными дериватами в ранге топонимов, образуя здесь даже словопроизводные пары. Топонимия распространяет свои словообразовательные модели далеко не на все способы словообразования, имеющиеся в языке, а аффиксация, как известно, не стала ведущей в тюркском топонимовании. Вопрос о тюркских аффиксах как средстве топонимизации, вызывающий и сейчас острую дискуссию, может быть решен лишь для части их. Большинство ученых соглашается с тем, что в простых формах (преимущественно) аффиксы $-l^{\circ}(k)$ и его варианты, $-lar$ и его варианты, $-k^{\circ}$ и подобные ему лишь тогда являются средством топонимизации, когда занимают финальную позицию. Таким образом аффикс приобретает значение места (реки, лога, ручья, горы и т. п.), то есть фактически функционально заменяет географический номен. В сложных образованиях указанные морфемы, как правило, выступают в своем основном значении. При топонимизации, сопровождающейся часто субстантивацией всей аффиксальной словоформы, увеличивается функциональная нагрузка аффикса: он из словообразующего преобразуется в морфологическое средство субстантивации и топонимизации, функционально равное географическому номену сложных форм.

Видимо, в простых формах имен, благодаря начавшемуся процессу выветривания семантики, число ассоциативных и структурных связей по линии содержания уменьшается, а потому начинает выдвигаться на первый план формальная сторона словесного знака, приобретающая здесь различительное значение. В сложных формах сам способ образования и модель имени, особенно в случаях, когда дескриптивная часть

маркируется географическим номеном, служат средством ограничения сложного топонима от атрибутивного словосочетания. Кроме того, статус имени в сложных формах поддерживается единством категориально-прагматического значения синтагмы, а также сохранившейся в большинстве случаев языковой оболочкой.

По всей вероятности, для тюркских языков важным является решение вопроса о том, входит ли географический номен в топоним. Ряд ученых считает, что в европейских языках именем собственным на уровне актуализованного высказывания является лишь дескриптивная часть географического имени, а на уровне языковой системы топонимы всегда терминированы; отсутствие географических номенов в последнем случае, по-видимому, следует рассматривать как эллипсис. Основная модель тюркского географического имени — двусоставное образование, что выявляется как на уровне актуализованного высказывания, так и на уровне языковой системы в целом. Двухкомпонентность тюркского топонима создается как за счет развитой системы географических номенов, значительности прослойки качественных прилагательных, числительных, глагольных форм, так и за счет внутренней динамики самой топонимической системы, многочисленных переходов от двухкомпонентной формы с географическими номенами к однокомпонентной без них, а затем наращения к ней дескриптивной части. Эта двухкомпонентная модель тюркского географического имени, являясь ведущей, эллиптируется в однокомпонентную лишь при соответствующих условиях: наличии аффиксов, глагольных форм, определенной семантики исходной основы и т. п. (видимо, в силу действия языковой экономии). Однако в ситуациях, когда может возникнуть двусмысленность, эллиптированные формы восстанавливаются до полной модели, географический номен в большинстве тюркских топонимических образований является неотъемлемой частью имени, хотя можно полагать, что семиотическая загруженность компонентов неодинакова. Географический номен и дескриптивная часть являют собой разные степени референции: более и менее широкую. Но если полагать, что чем уже степень референции, тем более индивидуализировано соотношение денотата и сигнификата, а потому, видимо, выше степень знаковости имени собственного, то только при этих ограничениях можно считать, что роль собственного имени выполняет дескриптив.

Хотелось бы подчеркнуть еще один момент, касающийся эллиптирования и его распространения в тюркской топонимической системе. Можно ли утверждать, что часть одно- и двухкомпонентных форм была таковой с самого начала? Думается, что могли быть исконно однокомпонентными географические номены, указания на форму, цвет, звук, взятые за основу наименований различных объектов. Эллиптирование обнаруживает некоторую регулярность.

которая сводится, прежде всего, к тому, что процессу опущения части топонима способствует выветривание семантической структуры в элементе, остающемся после этого в названии. Двухкомпонентные нетерминированные формы различаются тем, что одна их часть образована от топонимов. В этом случае сам способ образования (топоним от топонима) и модель имени служат средством отграничения сложного наименования от атрибутивного словосочетания. В речевом высказывании географический топоним при таком имени может и быть, но может и отсутствовать. В двусловных формах, образованных путем топонимизации целой нетерминированной синтагмы, имеющей параллельные структуры в аппеллятивной лексике, происходят более сложные процессы. Тем не менее считать все их эллиптированными, думается, нет оснований, поскольку они представляют собой очень типичную для тюркской топонимии двусловную модель наименования. В речевых ситуациях эта модель часто употребляется без географического номена. Все изложенное подтверждается топонимией Киргизии.

Приложенный к книге краткий топонимический словарь содержит 145 статей, лингвистически интерпретирующих указанное количество названий. Здесь было бы желательно в каждом случае указывать на вид объекта, что для читателя часто служило бы ключом к пониманию предложенной семантики. Поясним это на примере. В топонимах *Казык*, *Чоң-Казык*, *Казык-чаты*, *Кара-Казык* (стр. 131) К. Конкобаев считает невозможной связь со словом *казык* 'кол, клин'. Если приведенные топонимы относятся к горам, то такая семантика вполне допустима. Например, в Горном Алтае есть название камня *Алтын-Кадасун*, в котором вторую часть хорошо раскрывает л.-монг. *γadasun* 'кол', монг. *γadas(ан)*, бур. *γадана(н)*, калм. *hасн* с тем же значением. В упоминавшейся выше книге М. Хальтода встречаются такие орокимы: *Altan γadasu*, *Altan γadasu ayula* (стр. 5). Их на территории МНР несколько. Далее,

кроме объяснения для *Пача-Ата* (стр. 136), данного в рецензируемой работе, можно, например, вспомнить, что, по материалам Г. Ф. Миллера и А. П. Дульзона, река Енисей у асанов называлась *Пача-ул* 'большая река'. Для названия *Тоготой* (стр. 139) книга М. Хальтода дает массу монгольских сопоставлений, типа *Toγotu bulay*, *Toγotu oboy-a*, *Toγotu ogoi*, *Toγotu-yin ayula* (стр. 182), где анализируемая форма может быть выведена из монг. *тогоо(н)* 'котел', *тогоотой* 'находящийся в котле, имеющий котел'.

Второе приложение является кратким словарем географических терминов и других слов, наиболее употребительных в топонимии Киргизии. В словаре зафиксировано 450 единиц с указанием значения каждой. Для топонимиста, занимающегося тюркоязычными регионами, такой словарь представляет большую ценность, так как возможные сопоставления с другими тюркскими, монгольскими языками здесь широки и многообразны, выходят далеко за пределы ономастики и в будущем, несомненно, помогут расширить рамки общелингвистических наблюдений с использованием материалов Киргизии, Южной Сибири, Монголии. Расширенный за счет сопоставлений и этимологических экскурсов, данный краткий словарь в дальнейшем может приобрести самостоятельное значение.

В целом монография киргизского топонимиста К. Конкобаева — серьезное исследование. Публикация крупных ономастических исследований делает очевидной их многоаспектную значимость и возможной постановку и решение целого ряда лингвистических, исторических и других проблем. Безусловно, такая многоаспектность требует основательной лингвистической (в том числе топонимической) подготовки исследователя, широкой эрудиции, умения глубоко разбираться в проблемах, имеющих отношение к природе и истории изучаемой территории. Книга К. Конкобаева отвечает всем этим требованиям.

О. Т. Молчанова

ILSE LAUDE-CIRTAUTAS. CHRESTOMATHY OF MODERN LITERARY UZBEK.

OTTO HARRASSOWITZ, WIESBADEN, 1980, 249 стр.

В последние годы зарубежные тюркологи проявляют повышенный интерес к узбекскому языку и литературе. В США, например, узбекский язык раньше изучался лишь в военных учебных заведениях, ныне же

курс лекций по узбекскому языку и литературе читается в ряде университетов страны.

За последние два десятилетия зарубежными лингвистами опубликовано множество учебных пособий по изучению узбекского

языка, в том числе «Начальный курс узбекского языка» Ало Рауна, «Учебник узбекской грамматики» Андра Шоберга, «Хрестоматия узбекского языка» Николаса Поппе, «Узбекские сказки» Карла Райхля и др.

К этому циклу публикаций можно отнести и вышедшую в 1980 году в ФРГ рецензируемую «Хрестоматию по современному литературному узбекскому языку», составленную известным тюркологом, профессором Ильзе Лауде-Циртаутас.

Хрестоматия содержит отрывки из произведений современных узбекских писателей, фольклорные тексты, комментарии к ним и достаточно полный словарь.

И. Лауде-Циртаутас около тридцати лет изучает и преподаёт литературу, язык, фольклор и историю тюркских народов, в том числе и узбекского. Она неоднократно приезжала в СССР, бывала в Узбекистане, где встречалась с узбекскими учеными, представителями других профессий и специальностей. Многолетний опыт исследователя, подкреплённый живыми контактами с людьми и преподавательской работой в университетах Сизта (США), Гамбурга и Бонна (ФРГ), позволил И. Лауде-Циртаутас с большим знанием и тактом отобрать включённые ею в «Хрестоматию по современному литературному узбекскому языку» отрывки из произведений современных узбекских писателей. Это первый опыт подобного издания на английском языке.

В то время как многие зарубежные исследователи в своих публикациях игнорируют достижения современной узбекской литературы и основное внимание уделяют её прошлому, нередко противопоставляя его настоящему, И. Лауде-Циртаутас включила в свою «Хрестоматию» лучшие произведения современных узбекских писателей, что свидетельствует о научной объективности учёной и должно быть расценено как положительный факт.

Книга начинается с раздела «Страна и население», в котором приводятся необходимые сведения о народах Средней Азии, об их расселении и языках, древних и новых городах, экономических центрах, сельском хозяйстве и т. д. Автор коротко останавливается на фактах и цифрах, свидетельствующих о достижениях социалистического Узбекистана, подчёркивает, что Узбекистан — республика многонациональная, в ней проживают представители 121 народа; в республике 82 города, из которых 46 возникли за последние 10 лет. Здесь же приводятся много других сведений, характеризующих достижения и культурный рост Советского Узбекистана. Для зарубежного читателя все эти сведения представляют большой и несомненный интерес. Автор отмечает, что в Узбекистане издается 256 газет, из них 168 на узбекском языке, а также 80 наименований журналов общим тиражом более 100 миллионов экземпляров. В 1940 году в Узбекистане насчитывалось 3 тысячи научных работников. В настоящее время в республике занято научными исследованиями более 31 тысячи человек, в

том числе около 745 докторов и 10505 кандидатов наук.

Тексты «Хрестоматии», подобранные автором, отражают многообразие лексического богатства узбекского языка, исконно узбекскую лексику, фразеологизмы и идиомы. Так, например, в небольшом удачно подобранном тексте «Тутное дерево» широко и многосторонне представлена лексика узбекского литературного языка.

В целях ознакомления читателей с географическими и климатическими условиями Средней Азии в «Хрестоматию» включены рассказы «Лето» и «Поездка на Иссык-куль» П. Кадырова.

Особого внимания заслуживает раздел «Узбекские писатели о своем детстве», в котором приводятся автобиографии современных узбекских писателей: Айбека «На службе народа», Абдуллы Каххара «Немного о себе», Уйгуна «Вспоминая прошлое», Хамида Гуляма «Волшебство стиха», Гафура Гуляма «О моем прошлом», Тимура Фаттах «О себе», Саиды Зунуновой «Написала ваша дочь», Шукрулло «От автора». Текст автобиографии каждого из этих писателей сопровождается обстоятельными комментариями на английском языке, в которых даются сведения об их жизни и творчестве. В жанре автобиографии особенно наглядно проявляются язык и стиль, свойственные каждому писателю. В книге достаточно подробно характеризуются наиболее известные произведения названных авторов. С этой целью И. Лауде-Циртаутас широко использует публикации журнала «Советский Узбекистан».

В разделе «Устное народное творчество» представлены образцы популярных в народе узбекских сказок («Два брата», «Муравей», «Дровосек и лев»), анекдотов о Насреддине Афанди, отрывки из дастана «Алпамыш» и т. д. После каждой сказки, анекдота или отрывка из дастана следуют комментарии автора.

В разделе «Короткий узбекский рассказ» приведены рассказы Саида Ахмада («Я восхищен», «Заупокойная молитва», «Тыква»), Ульмаса Умарбекова («Часы», «Мать», «Запах мяты»), Акилджана Хусанова («Признательность», «Беседа в редакции») и рассказы для детей и о детях Карима Рахима («Непослушный ребенок», «Обидчивый», «Бабочка»).

В «Хрестоматии» представлены рассказы, насыщенные диалогами, передающими колорит узбекского разговорного языка, народный юмор, язык детей. В комментариях к этому разделу кратко характеризуются жизнь и творчество писателей — авторов рассказов. К каждому тексту прилагаются лексико-грамматические комментарии, связанные с этимологией отдельных слов, их фонетическим составом и грамматической структурой, а также с фразеологизмами и идиомами.

Вторую часть книги составляет узбекско-английский словарь. Слова располагаются в алфавитном порядке по корневой системе. Толкование на английском языке дается

лаконичное и четкое. Грамматические формы слова объединяются в одной словарной статье. Сложные слова, составные глаголы, глаголы с аффиксами залогов, слова, образованные при помощи именных аффиксов, следуют за корневым словом. Там же приводятся устойчивые словосочетания, фразеологические единицы и идиомы. Заимствованные слова снабжены пометами, указывающими на источник их происхождения. Словарь составлен с глубоким знанием лексики и грамматики узбекского языка.

Рецензируемая книга И. Лауде-Циртаутас — важный вклад в изучение узбекской литературы, фольклора и языка зарубежными тюркологами; она заметно отличается от других изданий подобного рода богатством фактического материала, научной основательностью и точностью характеристик языковых явлений.

В то же время хочется высказать автору некоторые замечания и пожелания.

В книге, к сожалению, не представлены образцы таких жанров, как драматургия и в особенности поэзия, имеющая многовековую традицию и целый ряд блестящих представителей в современной узбекской литературе. В «Хрестоматию» не включены также произведения некоторых ведущих современных узбекских писателей.

Этимологические пометы к словам (*араб., перс., монг., рус., перс.-тюрк., араб.-перс. и*

др.), на наш взгляд, следовало бы опустить, так как не все они точны и не во всех случаях даны последовательно. Например, к словам *мақтамоқ, чиройли, чимчимоқ, чин, чидамоқ, чарчамоқ, чақа, бола-чақа, қудуқ* дана помета «монгольское», тогда как эти слова общеалтайского ареала. Слово *димоғ* не персидского, а арабского происхождения; *дукон* в арабском имеет форму *дүккон*, а в персидском — *дүкон*, то есть оно заимствовано узбекским из персидского языка через таджикское посредство. Слова *девкомат* и *сарлавҳа* не персидские, а персидско-арабские; слово *серқуёш* не персидское, а персидско-узбекское; *пўстлоқ, хоҳламоқ* не персидские, а узбекские слова; *костюбон* — не русское, а русско-узбекское. Отсутствуют пометы к арабским словам: *талаб, Саодат, таҳрир, Абдурахмон, Аброр* и т. д., а также к персидским словам: *чунки, теша, тез, фишжак, ҳамён, пайт* и др.

Встречаются опечатки в узбекских словах (см. стр. 3, 20, 131, 191 и др.).

Все эти упущения не снижают большой научной ценности работы ученого. Книга Ильзе Лауде-Циртаутас представляет собой квалифицированный, глубоко продуманный труд по современному литературному узбекскому языку, изданный к тому же на высоком полиграфическом уровне.

М. К. Нурмухамедов, Э. И. Фазылов

«ТҮРКМЕН ХАЛК ЭРТЕКИЛЕРИ»

3 ТОМЛУҚ, «ЫЛЫМ» НЕШРИЯТЫ, АШГАБАТ, 1978—1980

Рецензируемый трехтомник «Туркменские народные сказки» отличается от предшествующих изданий туркменских сказок своей полнотой и научной основательностью. Изучение устного народного творчества началось в Туркменистане, как и во многих других братских республиках, после Великой Октябрьской революции. В 20—30-е годы производился интенсивный сбор туркменских народных сказок. Активное участие в этом деле принимали такие видные писатели и ученые, как Б. Кербабаев, А. Каушут, Н. Сарыханов, Молламурт, Ата Салих, Дурды Клыч, Ата Копек-мерген, Б. А. Каррыев, М. Косаев, А. Ахундов, Т. Таимов и другие, а также народные певцы-бахши, импровизаторы-сказители Палван бахши, Махтумкули Кариев, Мухы Аман оглы, Огульгерек эдже Каушутова и многие другие. Богатейший фольклорный материал, собранный в эти годы, хранится в ру-

копном фонде Института языка и литературы имени Махтумкули Академии наук Туркменской ССР. Именно этот материал и послужил главной основой при составлении трехтомника туркменских сказок. Составителями были также широко использованы и ранее изданные сказки, и последние полные записи сказочных материалов. При этом учитывался опыт известных русских и туркменских ученых: А. Н. Самойловича, М. А. Сакали, А. Каушутова, И. Стеблевой, Н. Ф. Лебедева, Б. Каррыева и других.

Трехтомник подготовлен по жанровому принципу. Учтены специфика образных систем, идейно-тематическая направленность и стиль повествования. В первый том вошли сказки о животных, во второй — сказки волшебного-фантастического характера, в третий — социально-бытовые сказки. Каждому тому предпослано предисловие, написанное Ш. Халмухаммедовым и Н. Ат-

даевым, где подробно анализируется специфика сказок, составляющих данный том.

На наш взгляд, большой интерес представляют предисловия к первому и ко второму томам. Авторы останавливаются на реальных истоках многочисленных сказочных образов и приходят к убедительным выводам. Особо хотелось бы в этом плане отметить анализ таких сказок, как «Сорокаголовая змея», «Кочкаркули и его конь» и некоторых других.

В самом деле, каким образом могли возникнуть представления о фантастических существах — сорокаголовых змеях, конях, обитающих в воде, и т. д.? Отвечая на эти вопросы, авторы апеллируют к историко-этнографическим сведениям, к жизненным реалиям, тотемизму.

Наряду с этим авторы указывают на факторы типологического сходства сказочных сюжетов, возникшие в связи с торговыми, военными, культурными и другими отношениями Туркменистана с различными странами мира, особенно Востока. В доказательство авторы ссылаются на популярные произведения индийского («Калила и Димна», «Рассказы попугая», «Хитопатеша») и арабского («Тысяча и одна ночь») фольклора и др. Таким образом, становятся понятными причины проникновения в мир туркменских сказок отдельных персонажей, характерных для тропических стран: попугая, обезьяны, слона, носорога и т. д.

В предисловии ко второму тому основное внимание авторами уделяется идейно-тематическому своеобразие, специфике образных систем и художественно-изобразительным средствам, соотношению народной фантастики с реальностью повседневной жизни и быта (хамушек, зеркальце, шанка-невидимка, гребень, скатерть-самобранка, ковер-самолет и др.). Авторы говорят о функциональной значимости и специфике реалистических образов, их взаимоотношениях с фантастическими существами (дэв, дракон, фея и др.).

Предисловие к третьему тому вводит читателей в мир бытовых сказок, где основное внимание заостряется на социальных сторонах жизни общества.

В общей сложности в прехотмник включено более двухсот сказок. Эти сказки отличаются вдохновенным полетом фантазии, глубиной народной мудрости, множеством ярких образов, сочным и выразительным языком, стройностью композиции и многими другими самобытными достоинствами. Они свидетельствуют о неисчерпаемости духовного богатства народа, созвучны с современностью, гуманистичны и поучительны.

К фольклору постоянно обращались и обращаются виднейшие туркменские писатели: Б. Кербабаев, А. Каушуттов, Ата Салих, А. Кекилов, Б. Сейтаков, К. Курбан-непесов и многие другие. На базе народных сказок сформировалась современная туркменская детская литература.

К сожалению, трехтомником туркменских сказок не охвачены все образцы туркменского сказочного фольклора, что, видимо, необходимо учесть на будущее. Думается также, что настало время подготовить и издать научно-критический свод туркменских народных сказок и других фольклорных жанров.

В первом томе нарушен алфавитный порядок расположения сказок по названиям. Возникает вопрос, оправдан ли вообще в данном случае алфавитный принцип? Ведь очень часто сказки одного содержания именуются по-разному и поэтому необходимо учитывать вариантность названий сказок и отбирать наиболее популярные.

В заключение хотелось бы подчеркнуть большую полезность рецензируемого издания, адресованного читателям самого различного профиля, подготовленности и возраста.

К. Атаев

KAKUK ZSUZSA. MAI TÖRÖK NYELVEK. SZÖVEGEK

BUDAPEST: TANKÖNYVKIADÓ, 1980, 292, стр.

Последние успехи тюркологической науки в филологическом описании письменных памятников¹ позволяют все активнее привле-

кать разнообразные тексты для учебных целей. Особый научный интерес при этом представляет опыт составления многоязычных хрестоматий, к числу которых и относится новая книга известного венгерского тюрколога профессора Жужи Какук «Современные тюркские языки. Тексты». Эта

¹ А. Н. Кононов. Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968, стр. 17—20.

хрестоматия охватывает записи 120 текстов (80 литературных и 40 диалектных) на пятидесяти тюркских языках, диалектах и говорах.

В систематизации текстов по каждому из тюркских языков автор хрестоматии придерживается следующей последовательности: вначале приводятся несложные по содержанию фольклорные и литературные образцы текстов, для которых показательным является насыщенность фактами разговорно-обиходной речи (это — сказки, короткие рассказы или их фрагменты); затем следуют образцы диалектных текстов.

Материалы хрестоматии показывают, что автор стремилась по возможности полнее отразить разножанровые тексты. Поэтому, кроме сказок и коротких литературных рассказов, в хрестоматию включены загадки, песни, стихи современных поэтов, сказания, легенды, отрывки из эпических произведений. Так, в книге приводятся отрывки из башкирского народного эпоса «Урал Батыр», киргизского «Манас», эпоса народов Ближнего Востока и Средней Азии «Кёр-оглы» (на кыпчакском диалекте узбекского языка), алтайского эпоса «Маадай-Кара» и др.

В хрестоматии соотносятся новые и старые (или более ранние по времени) тексты. Например, в туркменских текстах подается, наряду с отрывком из повести «Ай-салтан» Берды Кербабая, и фрагмент дастана «Зохране и Тахир» Молланенеса Кадырберды оглы (середина XIX века).

Ж. Какук стремится также показать в своей хрестоматии образцы тюркского письма в латинице и кириллице, например, при подаче материалов по азербайджанскому (8 текстов в кириллице и 6 в латинице), караимскому (5 текстов в латинице и 1 в кириллице) и другим языкам.

Все тексты хрестоматии публикуются с учетом действующих орфографических норм в соответствующем тюркском языке. Поэтому диалектные тексты, записанные в разное время, сопровождаются комментариями, в которых их фонетические особенности, отдельные начертания букв соотносятся с нормами современного литературного письма. Например, к диалектному тексту турецкой сказки «Намас кушу» («Храбрая птица») (стр. 30—32), записанному в Варненском округе Болгарии, дается пояснение следующих буквенных замен в тексте-источнике: *i-i, y-i, c-j, ç-ç, ş-ş* (стр. 30), где первой указана буква, принятая в хрестоматии, второй — наличествовавшая в тексте первоначально.

Источники, использованные автором при составлении хрестоматии, весьма разнообразны. Отметим основные из них.

1. Произведения писателей. Это, например, Гафур Гулям (узбекский язык), Ю. Алимханов (кумыкский язык), Д. Карачобан (гагаузский язык), Чингиз Айтматов и Д. Сулайманов (киргизский язык), Джамбул и Шерхан Муртазаев (казахский язык), Сейтджан Сетишев (уйгурский язык) и др.

2. Тексты, опубликованные в разных изданиях по отдельным тюркским языкам².

3. Антологии, хрестоматии, сборники сказок, рассказов³ и т. п.

4. Отдельные теоретические работы по тюркским диалектам⁴.

5. Тюркские словари и в первую очередь тюркско-русские.

6. Школьные учебники по языку и литературе, и др.

Вместе с тем для широкой тюркологической общественности, особенно для студентов и начинающих исследователей, полезными представляются подборки многих труднодоступных образцов тюркской письменности. Это прежде всего записи зарубежных тюркологов (Ю. Немец, Ж. Какук, В. Мунхаш, И. Мандоки, Балинт Габор, М. Рясенц, К. Г. Менгес, Х. Эрен, Т. Ковалевский, Г. Ярринг, Я. Экманн, О. Слис и др.). В хрестоматии в полной мере учитываются и записи текстов русских тюркологов (В. В. Радлов, С. Е. Малов, О. Бетлингк и др.).

Для получения наиболее полного представления о хрестоматии Ж. Какук целесообразно провести краткий обзор текстов по некоторым из отраженных в ней языкам в отдельности.

Турецкие тексты (их 10) состоят из 4 литературных и 6 диалектных произведений (стр. 11—39). К литературным относятся: сказка «Müneccim Başı» («Главный астролог») и рассказы «Rüşvet» («Взятка») Омара Сейфидина, «Boz Eşek» («Серый ишак») Рефика Халифа и «Duvak» («Стена») Сабахатдина Али. Диалектные тексты, включенные в хрестоматию, подобраны так, чтобы они могли проиллюстрировать особенности турецкого языка в самых различных регионах его распространения. При этом учитываются турецкие диалекты и говоры регионов: Видинского и Варненского округов Болгарии (2 сказки), района города Охрида в Югославии (Македония) (сказка «Üç gelin» — «Три снохи»), Центральной Анатолии (сказка «Satılmış oğlan» — «Проданный мальчик»), юго-восточного района Турции (сказка «Kaloğlan» — «Хитрец» — из фольклорных записей А. Джафероглу), острова Кипр (21 загадка).

² Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940; *его же*. Каракалпакский язык. Т. М., 1951; *его же*. Алтайский язык. М., 1958; Э. Р. Тенишев. Саларские тексты. М., 1964.

³ Например, азербайджанские источники: «Азәрбајҹан фолклору энтолоҹијасы». Баку, 1968; «Азәрбајҹан һекајәләри». Баку, 1958.

⁴ Например, по азербайджанским диалектам: М. Исламов. Азәрбајҹан дилинин Нуха диалекти. Баку, 1968; «Азәрбајҹан дилинин гәрб групү диалект вә шивәләри». Баку, 1967; «Азәрбајҹан дилинин Нахчыван групү диалект вә шивәләри». Баку, 1962.

Азербайджанские тексты (их 12) содержат прежде всего образцы диалектов и говоров (стр. 40—57). Кроме двух литературных текстов (сказка «Ач гурд» — «Голодный волк» и рассказ Абдуллы Шанга «Мәктуб јетишмәди» — «Письмо не дошло»), приводятся следующие образцы диалектной речи: 1) сказки «Падшаһын гызы» («Царевна») и «Ики гардаш» («Два брата»), записанные М. Исламовым в 1955 году на нухинском диалекте; 2) западные диалекты и говоры представлены сказкой «Дәли Алы» («Дурной Али»); 3) нахичеванская группа диалектов и говоров представлена сказками «Гаплан мәсәләси» — «Вопрос о леопарде» (записана в селе Хюс-хюс Ордубадского района), «Оғлымы нечә охытдым» — «Как я обучил своего сына» (записана в селе Котам Ордубадского района) и рассказом «Мәним бригадам» — «Моя бригада» (записан в селе Чешмабазар Нахичеванского района). Азербайджанские диалекты Ирана представлены в хрестоматии следующими текстами: «Сказка о шахе Аббасе», записанная в Иранском Азербайджане в районе города Марага; песни в объеме 14 четверостиший, распространенные на северо-западе Ирана в районе города Тебриз; сказка «Царь Искандер» и четыре поэтических отрывка в виде отдельных четверостиший — из Южного Ирана.

Широко охвачены в хрестоматии татарские материалы. Так, в нее вошли: крымско-татарские тексты — сказки «Авджы яш» — «Молодой охотник» (стр. 85—91) и «Тумалай Ару» — «Тумалай Ару» (последняя приводится по записи В. В. Радлова); четыре песни из записей Н. К. Дмитриева; тексты татар Добруджи — сказки «Cora Batır» — «Чора Батыр», «Soban, eždera jılanı man tülki» — «Пастух, дракон и лиса», песни в объеме 19 двустиший: казанско-татарские тексты — сказка «Алтын балдак» — «Золотые серьги» и три сказания; по записям В. В. Радлова приводятся тексты татар: тобольских — сказки «Цыцкан» — «Мышь» и «Уц іпташ» — «Три товарща», тюменских — три отрывка в количестве 10 четверостиший, барабинских —

сказка «Алтын цабак» — «Золотая тарелка».

Для многих текстов хрестоматии имеется указание на территорию, на которой они были записаны. Так, кроме уже отмеченных случаев, можно сослаться еще и на следующие: при подаче каракалпакских текстов сообщается, что сказка «Акь суйёк» — («Белая кость») записана в Тахтакупырском, а «Старая песня» («Ески джюк-лав») — в Кунградском районах Каракалпакской АССР; при подаче узбекских диалектных текстов автор уточняет, что «Шейх и Шафи» записан в городе Хиве, а «Насреддин афанди», «Той» и песня — в городе Фергане.

Языковые особенности современных текстов не вызывают каких-либо затруднений при их изучении. Так, фразеология рассказа «Парень» Гафура Гуляма представлена неидиоматическими оборотами, то есть семантически «прозрачными», не осложненными переносом значения фразеологизмами. Это устойчивые разговорные формулы типа *афв этасиз!* ('простите, извините!'), устойчивые аналитические конструкции типа *эхтиёт бўлмоқ* ('соблюдать осторожность'), *музокара қилмоқ* ('обсуждать'). Вместе с тем, учитывая учебное назначение рассматриваемого собрания текстов, можно было бы при повторном издании прокомментировать отдельные языковые явления, указав на более современные их варианты. Например, следующие два предложения из упомянутого рассказа Г. Гуляма допускают такие уточнения: *Ким кўрганга кўз қисиб юрасиз-да...* ('Каждому, кого увидите...') — стр. 208) → *Ҳар кўринганга...*; *Агар мумкин бўлар экан зардани қўйсангиз* ('Если можно не рассердиться...') — стр. 209) → *Агар мумкин бўлса зардани қўйсангиз*.

Комплекс предлагаемых в хрестоматии Ж. Какук «Современные тюркские языки» текстов вполне достаточен для изучения тюркской письменной традиции в ее системной взаимообусловленности.

А. М. Бушуй

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ВЗАИМОВЛИЯНИЕ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР»

30—31 октября 1981 года в Казани состоялась вторая научная конференция «Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР (по материалам автономных республик Поволжья и Приуралья)». Конференция была созвана научным советом «История социалистического и коммунистического строительства в СССР», Институтом истории СССР Академии наук СССР, Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР, Казанским государственным университетом им. В. И. Ульянова-Ленина и Казанским педагогическим институтом. В работе конференции приняли участие лингвисты, литературоведы, искусствоведы, философы, историки, этнографы из Москвы, Уфы, Казани, Бирска, Ижевска, Йошкар-Олы, Чебоксар, Саранска, Елабуги, Фрунзе.

Работа конференции проходила на двух пленарных и четырех секционных заседаниях: истории, языка, литературы, искусства. Секционные заседания были посвящены следующим проблемам:

- 1) развитие и дальнейшее углубление процесса интернационализации духовной жизни народов СССР;
- 2) взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР;
- 3) социологические и эстетические аспекты литературно-фольклорных взаимосвязей;

- 4) взаимосвязь и взаимодействие национального и интернационального в искусстве.

В задачи конференции входил обмен мнениями между представителями различных наук по актуальным проблемам взаимодействия и развития языков и культур народов Советского Союза в процессе формирования новой исторической общности людей — советского народа.

Открывая первое пленарное заседание, директор Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР М. К. Мухарямов подчеркнул большое теоретическое и практическое значение изучения вопросов взаимовлияния и взаимообо-

гащения культур народов СССР в условиях развитого социализма.

На первом пленарном заседании участники конференции заслушали четыре доклада: С. А. Федюкина (Москва) «XXVI съезд КПСС и задачи изучения истории и современного состояния советской культуры», К. Т. Гиззатова (Казань) «Методологические проблемы процесса сближения национальных литератур и искусств народов СССР», Р. И. Нафигова (Казань) «Укрепление дружбы народов и пролетарского интернационализма как важнейший фактор развития культуры» и М. З. Закиева (Казань) «Образование общего лексического фонда языков различных народов как отражение взаимообогащения и сближения их культур»¹.

М. З. Закиев в своем докладе отметил, что изучение словарного состава, особенно процесса и результатов образования общего лексического фонда, имеет большое значение и для прослеживания истории культур различных народов. По мнению докладчика, общий лексический фонд делится на две основные группы: генетическую и контактную. Контактная группа общего лексического фонда в языках образуется в результате уже достаточно изученного процесса заимствования слов. Однако целенаправленное исследование этого процесса с точки зрения формирования общего лексического фонда, хотя бы в языках народов Поволжья и Приуралья, пока еще не началось. Докладчик подчеркнул, что при изучении истории возникновения, формирования и расцвета культуры той или иной нации наряду с другими источниками в полном объеме следует привлекать и лингвистические данные, как наиболее древние, достоверные и объективные. М. З. Закиев предложил включить исследование таких проблем в комплексный план академиче-

¹ В данной информации освещаются только доклады и сообщения филологического профиля.

ских учреждений и вузовских кафедр автономных республик Поволжья и Приуралья.

Секцией языка было проведено четыре заседания. Проблемы, освещенные в докладах и выступлениях, могут быть сгруппированы по пяти основным направлениям.

Первое из них — это влияние русского языка на языки народов Поволжья и Приуралья, обогащение этих языков за счет русских заимствований на различных уровнях. Так, *Э. М. Ахунзянов* (Казань) в своем докладе «О разграничении понятий „сфера употребления“ и „функция языка“ при билингвизме» подчеркнул необходимость различения этих понятий при двуязычии. В докладе *Л. К. Байрамовой* (Казань) «Переводы произведений В. И. Ленина на тюркские языки и образование общего фразеологического фонда в русском и тюркских языках» говорилось о том, что образование и обогащение русско-тюркского фразеологического фонда происходит главным образом за счет калькирования. *Р. А. Юсупов* (Казань) в сообщении «Взаимодействие русского и татарского языков и развитие в них общих элементов» подчеркнул, что в результате интенсивных контактов русского и татарского языков в них развиваются родственные явления, наблюдаемые на всех уровнях. В сообщении *М. Б. Хайруллина* (Казань) были затронуты вопросы образования интернационального лексического фонда в русском и татарском языках, отмечалось, что этот процесс является результатом контактирования и взаимообогащения неблизкородственных языков. В сообщении *Р. Р. Шамсутдиновой* (Казань) «Роль русского языка в формировании научно-технической терминологии татарского языка» была прослежена история формирования татарской астрономической терминологии и влияние русского языка на эту терминосистему. О влиянии русского языка на уровне грамматики и стилистики говорили в своих сообщениях *С. М. Ибрагимов* (Казань) и *Ф. С. Сафиуллина* (Казань).

Второе из упомянутых направлений составляли доклады и сообщения, посвященные особенностям функционирования языков в условиях билингвизма. *З. Г. Ураксин* (Уфа) в докладе «Функциональное соотношение и взаимодействие языков народов, населяющих Башкирию» раскрыл динамику функционального развития башкирского литературного языка, особенности его соотношения и взаимодействия с русским, татарским и другими языками, распространенными в Башкирии. *К. З. Закирьянов* (Уфа), выступивший с докладом «Функционирование родного и русского языков в условиях национально-русского двуязычия», отметил, что развитие национально-русского двуязычия представляет собой прогрессивное социальное явление. Проблемы функционирования языков были рассмотрены в сообщении *З. А. Валеевой* (Казань) «Некоторые вопросы социолингвистического исследования культуры русской речи рабочих-

татар в условиях татарско-русского двуязычия».

Третье направление составили доклады и сообщения, посвященные тюркизмам в русском языке и в его диалектах. *Л. П. Смолякова* (Казань) в своем сообщении «Некоторые тюркские заимствования в лексике пищи в русских говорах западных районов Татарии» подчеркнула, что наличие специфически местных слов в области лексики пищи в говорах исследуемых районов свидетельствует о длительных контактах русского и татарского населения.

Четвертое направление охватывало вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков народов Поволжья и Приуралья. *Н. И. Исанбаев* (Йошкар-Ола) выступил с докладом «Тюрко-марийские языковые связи и вопросы общего лексического фонда в языках Урало-Поволжья». *Р. Ш. Насибуллин* (Ижевск) в докладе «Займствования как источник обогащения синонимических рядов» показал параллельное влияние русского и тюркских языков на пермские языки и образование на этой почве новых синонимических рядов. В сообщении *Л. Н. Долгановой* (Ижевск) «Интернациональные элементы лексики и сюжетов произведений удмуртского детского фольклора как результат культурных контактов народов Поволжья и Приуралья» было прослежено влияние тюркского, русского и некоторых финно-угорских языков на сюжет и лексику произведений удмуртского детского фольклора (на примере нескольких жанров). *Э. Ф. Ишбердин* (Уфа) в своем выступлении высказал предположение, что звуки *ç* и *с* в говорах северо-западной Башкирии были присущи этим говорам еще в период их формирования, а не являются результатом позднего влияния татарского языка. В выступлении *Р. Ф. Нуретдинова* (Уфа) рассматривался вопрос функционирования татарских диалектов в условиях смешанного заселения ареала и указывалось, что население говорит на языке, близком к татарскому литературному языку. *Д. Б. Рамазанова* (Казань) на основе языковых, архивных и исторических данных высказала мнение, что говоры татар Западной Башкирии входят в диалектную систему татарского языка.

Татары Западной Башкирии были известны под различными названиями, что было обусловлено прежде всего способами общественного устройства их на новых землях. Одним из этих способов устройства был переход татар, мишарей, иногда марийцев, удмуртов, чувашей и даже русских в XVII—XVIII вв., а также в начале XIX в. в «башкирское имя». С этим связано то, что термин «башкиры» в определенный исторический период служил обозначением не только этнонима народа, но и социального сословия.

Т. Х. Хайрутдинова (Казань) охарактеризовала говор татар северо-восточных районов Башкирии, носители которого прожи-

вают в окружении башкир, русских и других народов.

Данные вопросы в историческом аспекте освещались в докладах *Р. Г. Ахметьянова* (Казань) «Древний центр взаимодействия языков и культур народов Среднего Поволжья» и *А. Г. Шайхулова* (Уфа) «Значение системного исследования исторической лексики как ценного источника при выявлении взаимовлияния и взаимообогащения языков и культур близкородственных языков (на материале тюркских и финно-угорских языков Приуралья и Поволжья)».

Пятое направление включило в себя проблемы взаимовлияния языков. *В. К. Кельмаков* (Ижевск) посвятил свое сообщение исследованию взаимовлияния удмуртских и соседствующих с ними языков в трудах зарубежных ученых. *Н. Н. Курашова*, *Н. М. Прусс* (Казань) в совместном сообщении «Ученые Казанской лингвистической школы о языковых контактах народов как об одном из путей взаимообогащения культур» отметили, что ученые этой школы способствовали своей педагогической и общественной деятельностью процессу взаимообогащения культур народов СССР.

Р. Х. Ахунзянов (Казань) остановился на взаимодействии языков и проблемах составления двуязычных словарей. *К. Р. Га-*

лиуллин в сообщении «Тюркские заимствования в современных работах по русскому языку» показал, что разбор тюркских лексических элементов не всегда производится на должном научном уровне.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны доклады: *Х. А. Якупова* (Казань) «Взаимообогащение художественных традиций», *М. Б. Садыкова* (Казань) «Коммуникационный аспект развития советской многонациональной культуры», *С. С. Айдарова* «Национальное своеобразие архитектуры автономных республик Среднего Поволжья».

Выступавшие говорили о положительной роли конференций, посвященных взаимовлиянию и взаимообогащению культур народов СССР в решении соответствующих научных и практических задач культурного строительства в нашей стране.

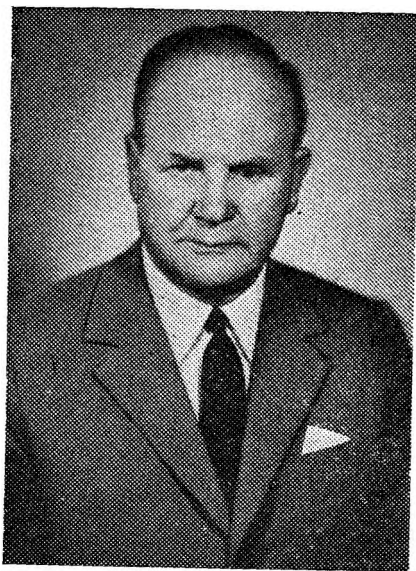
В принятом конференцией решении было указано: 1) работу конференции считать успешной; 2) материалы конференции издать отдельным сборником; 3) разработку проблем взаимовлияния и взаимообогащения культур продолжить, усилив координацию работы ученых различных республик в этой области; 4) провести очередную конференцию в одной из автономных республик Поволжья и Приуралья.

Р. Р. Шамсутдинова

PERSONALIA

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КОНОНОВ

(К семидесятипятилетию со дня рождения)

27 октября 1981 года исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения и пятьдесят лет научной и педагогической деятельности крупнейшего советского тюрколога академика Андрея Николаевича Кононова*.

Юбилей застал Андрея Николаевича за неизменно присущей ему напряженной и целеустремленной работой: недавно вышла в свет «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» (1980), готовится к печати второе, существенно доработанное, издание «Истории изучения

тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (первое издание — Л., 1972), активно работает А. Н. Кононов как председатель Советского комитета тюркологов. В этом перечне в концентрированном виде отражены основные направления деятельности юбиляра, в своем сочетании и создающие его особый творческий облик как ученого: грамматические интересы тюрколога-языковеда дополняются у А. Н. Кононова постоянным вниманием к истории тюркологии и научно-организационной деятельностью, органически связанной у него с глубоким пониманием целей и задач тюркологии как науки.

Последняя по времени языковедческая работа А. Н. Кононова «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» явилась закономерным результатом предшествующей деятельности ее автора как тюрколога-лингвиста. Внимательное чтение грамматических исследований автора, опубликованных им почти за пятьдесят лет (1934—1981), убеждает, что юбиляр не мог не прийти к обобщающему труду по грамматике наиболее древних из доступных науке тюркских текстов. Ученики Андрея Николаевича, слушавшие его курсы по тюркской рунике, по грамматике турецкого, узбекского, староузбекского и чагатайского языков, воспринимают «Грамматику языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» как важнейшую веху в обобщении и новом понимании древнейшего этапа развития тюркского грамматического строя. Оправданием для такого восприятия нового исследования А. Н. Кононова является тот факт, что все основные грамматические работы юбиляра, начиная с «Грамматики турецкого языка» (1941) и до настоящего времени, посвященные синхронному описанию тюркских языков («Грамматика узбекского языка» — 1948 г., «Грамматика современного турецкого литературного языка» — 1956 г., «Грамматика современного узбекского литературного языка» — 1960 г.

* Основные факты научной биографии А. Н. Кононова см. в нашей работе: «Андрей Николаевич Кононов». Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. Вып. 13. М., 1980, 64 стр.

и многочисленные статьи), пронизаны живейшим ощущением историзма в развитии отдельных грамматических форм и преемственности в развитии синтаксических конструкций.

Давний интерес А. Н. Кононова к этимологии отдельных формальных показателей и — в связи с этим — к основным характеристикам агглютинации закономерно трансформировался с течением времени в пристальное внимание к общей характеристике самой природы аффиксальных морфем тюркских языков и их состава в разрезе всей достигаемой истории тюркских языков и процессов, сопутствовавших преобразованиям и переосмыслениям аффиксов (особое место принадлежит здесь фузионным процессам).

Такой подход к изучению грамматического строя тюркских языков является, можно сказать, подчеркнуто морфологическим, что соответствует и самой природе агглютинативных языков с их разветвленной морфологической структурой. А. Н. Кононов обычно избегает формулирования каких-либо общих постулатов, но если искать в его научном творчестве связей указанных свойств историзма грамматического мышления юбиляра с некоторыми другими его взглядами, то несомненной представляется глубокая и закономерная связь морфологической направленности историко-грамматических разысканий юбиляра с той интерпретацией структурно-морфологической определенности именных частей речи, которая отстаивается им уже в течение долгого времени: избегая по складу своего научного мышления полемических издержек в изложении своих научных принципов, А. Н. Кононов тем не менее все свое понимание различий именных частей речи строит как скрыто-полемически направленное против традиционного (и при детальном рассмотрении — неверного) тезиса о слабой дифференцированности именных образований на разряды.

Указанную особенность «морфологичности» в подходе А. Н. Кононова к изучению грамматического строя тюркских языков неверно было бы понимать как преимущественное внимание к морфологии в узком смысле слова. «Морфологичность» для Андрея Николаевича — ключ к пониманию всего строя тюркских языков, в том числе и их синтаксической структуры: многочисленные исследования природы тюркских зависимых конструкций в составе пространственного предложения у него строятся также, как углубленная характеристика их формальных, прежде всего морфологических, примет.

А. Н. Кононов — историк русского и советского востоковедения и в особенности — тюркологии, ближайший наследник аналогичных интересов и устремлений В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. Вопрос о том, как и когда юбиляр стал историком тюркологии, решается просто, если внимательно всмотреться в перечень его научных

трудов: еще его кандидатская диссертация (1939) была посвящена истории разработки грамматики турецкого языка турецкими авторами. С тех пор, уже в течение более сорока лет труды по истории отечественного и зарубежного востоковедения занимают видное место в научной деятельности юбиляра.

Для А. Н. Кононова история тюркологии — это не «склад» имен и фактов, хотя и те, и другие учитываются им scrupulose, самым образом (особо хочется отметить дар юбиляра находить бесчисленные факты на далекой, казалось бы, периферии востоковедения — в невостоковедческой литературе). История науки для ученого — это изучение исторически обусловленных процессов развития интереса к тюркам и миру их языков и литератур. Именно так строится исследование и изложение материала в книге «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период».

Вот уже восемь лет — со дня основания — возглавляет А. Н. Кононов Советский комитет тюркологов. Избрание на этот пост вышло и официальным признанием его в качестве главы советской тюркологической науки. Для такого признания были весьма веские основания, причем не только в собственно научных заслугах юбиляра, которые бесспорны. Дело было еще и в том, что А. Н. Кононов с давних пор проявил себя не только как выдающийся исследователь-тюрколог, но и как ученый, глубоко заинтересованный относящийся к прошлому, настоящему и будущему той науки, в которой он работает. Здесь можно было бы привести множество фактов, подтверждающих данное обстоятельство, но ограничимся лишь одним. Еще за пятнадцать лет до создания Советского комитета тюркологов А. Н. Кононов обратился с «Письмом в редакцию» в «Вестник Академии наук СССР» — «О некоторых вопросах дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР» (1959, № 5), главные идеи которого легли в дальнейшем в основу деятельности Советского комитета тюркологов. В числе этих идей была и главнейшая — о самом создании координационного центра всей научной работы по тюркологии в нашей стране. За восемь лет своего существования Советский комитет тюркологов под руководством А. Н. Кононова проделал важную работу по улучшению исследовательской и научно-педагогической деятельности в области тюркологии. Общеизвестна и роль юбиляра в создании всесоюзного научно-теоретического журнала отечественных тюркологов «Советская тюркология», вот уже свыше десяти лет являющегося единственным периодическим органом советской тюркологической науки.

Говоря об А. Н. Кононове, нельзя не сказать о научной школе, созданной им. Характер этой тюркологической школы определяется основными научными и человеческими свойствами ее главы, который как учитель всегда старается воспитать в своих учениках не стремление к безусловному сле-

дованию только им самим отстаиваемым принципам, но, в первую очередь, безграничную преданность науке и исследовательскую целеустремленность в избранной ими сфере собственных тюркологических интересов. Именно это свойство и объединяет учеников А. Н. Кононова при всем различии их индивидуальностей: они плодотворно изучают специфику системы грамматического строя тюркских языков в целом в связи с методологическими вопросами

грамматики, живые (современные) и мертвые тюркские языки и диалекты, их грамматику и лексику и т. д. Не только тюркологи-лингвисты, но и многие тюркологисты по праву считают себя учениками А. Н. Кононова.

В день юбилея коллеги и ученики Андрея Николаевича желают ему еще долгих лет служения науке.

А. П. Векилов, С. Н. Иванов

ЭРВАНД ВЛАДИМИРОВИЧ СЕВОРТЯН

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Эрванд Владимирович Севортян принадлежит к тому поколению языковедов, творческая биография которых началась в наиболее сложный период становления советской тюркологической науки, значительно отличающейся своими целями и задачами как от дореволюционной русской, так и зарубежной тюркологии. На долю этого поколения выпало большое и трудное счастье быть первыми в разработке многих направлений тюркологии и основать новую советскую тюркологическую школу.

Э. В. Севортян родился в Ялте 22 октября 1901 года в семье рабочего. В 1931 году по направлению Крымнаркомпроса он поступает в аспирантуру Московского научно-исследовательского института языкознания (ныне Институт языкознания Акаде-

мии наук СССР). После блестящей защиты кандидатской диссертации под руководством Н. К. Дмитриева в 1935 году, Э. В. Севортян был оставлен в институте в качестве старшего научного сотрудника по специальности «тюркское языкознание», с которым до конца жизни были связаны его научные интересы.

Э. В. Севортян является продолжателем лучших традиций русской и советской лингвистической школы в тюркологии. Осуществляя свои исследования на основе строгих научных методов изучения тюркских языков, проявляя широту кругозора и глубину суждений в постановке научных проблем, он решал кардинальные вопросы современного тюркского языкознания. Э. В. Севортяном написано и опубликовано свыше девяноста работ общим объемом более трехсот печатных листов, представляющих большой вклад в изучение тюркских языков. Его книги и статьи широко цитируются как у нас в стране, так и в зарубежных специальных изданиях.

В трудах Э. В. Севортяна находит отражение обширный круг проблем¹, значительное место в его работах занимают вопросы грамматики тюркских языков. Огромны заслуги Э. В. Севортяна в области исследования проблем морфологии, им разрабатывались вопросы: падежной системы тюркских языков, морфологического строения слова, соотношения грамматики и лексики, частей речи, словообразования, категории сказуемости, категории принадлежности. Э. В. Севортян изучал соотношение грамматики и лексики в связи со словообразованием как особым разделом в грамматиках тюркских языков, теоретические проблемы разграничения таких частей речи, как существительное, прилагательное, на-

¹ Библиографию трудов Э. В. Севортяна см.: «Советская тюркология», 1976, № 5, стр. 102—104; 1978, № 2, стр. 109—110.

речие, вопросы морфологии тюркских падежей и грамматической категории склонения в их диалектическом единстве и т. д. Решение всех этих проблем имело не только теоретическое, но и важное практическое значение в связи с составлением учебных и академических грамматик и обучением учащихся в тюркоязычных республиках и областях.

К числу наиболее интересных идей, выдвинутых Э. В. Севортяном, относится положение о лексико-грамматической нерасчлененности глагольных и именных корней для наиболее ранних эпох, имеющее принципиальное значение для сравнительно-исторической грамматики и лексикологии тюркских языков.

Среди монографий Э. В. Севортяна выделяются своей капитальностью «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (М., 1962, за которую ему была присвоена ученая степень доктора наук) и «Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке» (М., 1966). Оба труда по глубине разработки проблем словообразования и значению сделанных теоретических выводов являются подлинным вкладом в тюркологию; они стали настольными книгами тюркологов.

Со временем научные интересы Э. В. Севортяна переключаются на вопросы исторической тюркологии. Его разработки в этой области завершаются созданием фундаментального «Этимологического словаря тюркских языков» (издано три тома, 1974, 1978, 1980 гг., М.) — главного труда его жизни.

К составлению «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Севортян приступил в 1958 году. Осуществление этого замысла потребовало огромной подготовительной работы: создания диалектной и исторической картотек, которые должны были хотя бы частично восполнить отсутствие соответствующих словарей, разработки и формулирования основных принципов построения общетюркского словаря и приемов этимологического анализа. Научные идеи Э. В. Севортяна и отчасти практический опыт его сотрудников, работавших над словарем, картотеками и библиографией этимологий, нашли отражение в серии выступлений и публикаций, посвященных различным сторонам и этапам этимологической работы. Первым в этой серии был доклад Э. В. Севортяна на заседании ученого совета Института языкознания Академии наук СССР в феврале 1961 года о принципах составления словаря, сделанный на основе «Проспекта Этимологического словаря тюркских языков». Наиболее полно авторское представление о задачах Словаря, о его специфике, об известных ограничениях этимологического анализа, обусловленных тогдашним состоянием сравнительно-исторической тюркологии, нашло свое отражение в предисловии к первому тому (1974). Умер Э. В. Севортян в период издательской подготовки к печати второго тома Словаря; к

этому времени им была завершена и сдана на перепечатку и рукопись третьего тома. Уже будучи серьезно больным, Э. В. Севортян настойчиво трудился над четвертым томом включающим буквы (ж—й). Им был не только собран большой материал из различных источников, но и написан ряд словарных статей на букву «ж» или подготовлена их часть. К большому сожалению, Э. В. Севортян не оставил плана всего издания в целом, хотя, возможно, его просто пока не удалось обнаружить в архиве. Ориентируясь на объемы уже изданных книг, составители словаря разделили весь оставшийся материал словника на три тома. Таким образом, помимо четвертого тома Словаря, начатого Э. В. Севортяном и завершенного его сотрудниками, должны увидеть свет еще три книги, объемом 30—40 а. л. каждая.

Работы Э. В. Севортяна дали творческий импульс многим исследованиям в области тюркской этимологии. Без учета теоретического и фактологического материала, заключенного в его последнем капитальном труде, едва ли возможно осуществить новые исследования в области тюркской исторической лексикологии.

Э. В. Севортян в своих исследованиях обращался к материалам всех тюркоких языков. Особенно интенсивно он занимался турецким, азербайджанским и крымско-татарским языками, прекрасным знатоком которых был и которым посвятил свои известные капитальные труды.

В работах, посвященных фонетике тюркских языков (среди них следует выделить крупную монографию «Фонетика турецкого литературного языка», М., 1955), как и в других своих работах, Э. В. Севортян, наряду с углубленным исследованием фонетических явлений, выдвигает сложные теоретические проблемы, решение которых должно продвинуть тюркологию на новую, более высокую ступень.

Научные интересы Э. В. Севортяна не ограничивались названными выше направлениями. Широта его научного кругозора позволяла ему выдвигать интересные теоретические положения и в области тюркской диалектологии, лексикографии, семасиологии и т. д.

Оперативно откликаясь на появляющиеся в печати значительные тюркологические исследования рецензиями, Э. В. Севортян попутно делился своими мыслями и идеями, возникавшими у него в процессе работы над различными проблемами тюркских языков.

Э. В. Севортян постоянно следил за развитием тюркологии как в нашей стране, так и за рубежом, особенно в Турции, и информировал тюркологическую общественность о ее состоянии.

Э. В. Севортян исключительно внимательно и чутко относился к своим учителям и коллегам. Он провел большую работу по редактированию и изданию трудов Н. К. Дмитриева и Т. И. Грунина. Статья Э. В. Севортяна «От редактора», предпо-

ланная к книге Т. И. Грунина «Документы на половецком языке XVI в.» (М., 1967), является интересной и самостоятельной работой по истории кыпчакских памятников и их отношению к современным тюркским языкам. Статьи Э. В. Севортяна о А. К. Боровкове, Н. А. Баскакове и Ф. Г. Исхакове свидетельствуют о его глубоком уважении к своим коллегам и друзьям.

Обширная эрудиция и талант исследователя, вооруженного современными достижениями теории, гармонично сочетались у Э. В. Севортяна с редким даром педагога-воспитателя. Им подготовлено свыше ста специалистов-тюркологов. Под его руководством окончили аспирантуру и докторантуру свыше пятидесяти высококвалифицированных специалистов по азербайджанскому, башкирскому, гагаузскому, казахскому, киргизскому, карачаево-балкарскому, татарскому, тувинскому, крымско-татарскому, турецкому, узбекскому, туркменскому и чувашскому языкам. Многие его ученики стали в настоящее время ведущими учеными в тюркоязычных республиках.

В течение ряда лет Э. В. Севортян вел большую научно-организационную работу на посту заведующего сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР. Он был постоянным и активным участником всесоюзных конференций,

совещаний и симпозиумов по многим вопросам тюркского языкознания, на которых выступал с глубокими и проблемными докладами.

Э. В. Севортян являлся членом бюро Советского комитета тюркологов, членом редколлегии журнала «Советская тюркология» со дня его основания, членом редколлегии «Этимологического словаря русского языка», был членом ВАК.

Э. В. Севортян снискал заслуженное признание научной общественности Советского Союза и тюркологов зарубежных стран. В 1957 году он был избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества, некоторые его работы переведены и изданы за рубежом. В 1972 году Э. В. Севортяну было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». За успешную научную и общественную деятельность он был награжден орденом «Знак Почета», медалями и грамотами.

Э. В. Севортян пользовался высоким авторитетом среди тюркологов и лингвистов разных направлений. Широта научных взглядов, острый ум, опромная работоспособность, высокая культура в общении с коллегами, бескорыстная преданность своему делу позволили Эрванду Владимировичу Севортяну занять достойное место в замечательной плеяде советских тюркологов.

К. М. Мусаев, Л. С. Левитская

ДЖАЛИЛЬ ГИНИЯТОВИЧ КИЕКБАЕВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения крупного башкирского языковеда-тюрколога, доктора филологических наук, профессора Джалиля Гиниятовича Кiekбаева.

Джалиль Гиниятович Кiekбаев родился 25 октября 1911 года в деревне Каран-Елга Гафурийского района Башкирской АССР в семье крестьянина. Среднее образование он получил в школе крестьянской молодежи. После окончания в 1937 году Московского педагогического института иностранных языков Дж. Г. Кiekбаев работал учителем немецкого языка в средней школе Подмошья.

С 1938 по 1948 год Дж. Г. Кiekбаев преподавал иностранные языки в средних школах и в вузах Башкирии. После успешной защиты кандидатской диссертации в Московском государственном университете Дж. Г. Кiekбаев переходит на работу в Башгоспединститут им. К. И. Тимирязева. С 1951 года и до последних дней своей

жизни (Дж. Г. Кiekбаев умер в 1968 году) он возглавлял кафедру башкирского языка в пединституте, а затем в Башкирском государственном университете, со дня организации которого в 1957 году и по 1961 год он был проректором по учебной работе.

В 1944 году Дж. Г. Кiekбаев стал членом Союза писателей СССР.

Разносторонний ученый-лингвист, опытный организатор научной работы, Дж. Г. Кiekбаев был прекрасным педагогом, умеющим не только передавать студентам свои глубокие научные познания, но и прививать им культуру научного мышления.

Круг исследовательских интересов Дж. Г. Кiekбаева составляли башкирская диалектология, проблемы формирования и развития башкирского литературного языка, вопросы лексики, орфоэпии, фонетики, грамматики башкирского языка. Много внимания он уделял и проблемам родства алтайских и урало-алтайских языков.

Первая научная статья Дж. Г. Киекбаева, появившаяся в республиканской газете «Кызыл Башкортостан» 18 марта 1940 года, сразу же привлекла внимание языковедов актуальностью поставленных проблем. Она была посвящена путям развития башкирского литературного языка, вопросам упорядочения орфографии на основе русской графики, законам литературного произношения. Особое внимание автор уделял изучению языка произведений народного творчества, который, по его мнению, должен был стать основой для дальнейшего развития литературного языка и т. д.

Ранние научные исследования Дж. Г. Киекбаева связаны с изучением вопросов орфоэпии. Проблемам орфоэпии башкирского языка была посвящена его кандидатская диссертация. Научно-теоретическое и практическое значение диссертационной работы Дж. Г. Киекбаева для развития башкирского литературного языка было весьма велико. Научный руководитель молодого ученого Н. К. Дмитриев, высоко оценивший эту диссертацию, писал: «Работа Дж. Г. Киекбаева, посвященная орфоэпическим нормам башкирского литературного языка, занимает особое место в башкирской филологической науке. Эта актуальная тема, разрешение которой столь необходимо для школьного дела, театра и радио, разработана на высоком научном уровне. В этой работе, кроме сугубо орфоэпических вопросов, поставлены и разрешены многие вопросы фонетики и фонологии, акцентологии и интонации. Знание автором основных европейских языков, глубокая осведомленность в теоретических вопросах фонетики дали возможность ему написать солидное филологическое исследование».

В 1960 году в Институте языкознания Академии наук СССР Дж. Г. Киекбаев успешно защитил докторскую диссертацию,

посвященную историческому развитию фонетики башкирского языка. Этот капитальный труд получил высокую оценку в тюркологии. В нем впервые в тюркологии фонетические явления конкретного языка (в данном случае башкирского) рассматриваются в сравнительно-историческом аспекте. Дж. Г. Киекбаевым был дан полный всесторонний сравнительный анализ таких фонетических явлений, как артикуляционные изменения гласных во всех слогах, редукция безударных гласных в различных позициях, историческое развитие согласных звуков, была рассмотрена природа сингармонизма и сингармонических параллелизмов. В заключении автор указывал на характерность всех этих явлений не только для тюркских, но и для других урало-алтайских языков.

Сравнительно-историческое изучение звукового строя башкирского языка явилось для дальнейших научных изысканий Дж. Г. Киекбаева подготовительным этапом, в частности для исследования такой масштабной и актуальной проблемы в советском и зарубежном языкознании, как проблема генетического родства алтайских и урало-алтайских языков. Дж. Г. Киекбаев глубоко разработал теорию категории определенности — неопределенности, которая, по его мнению, характерна для всех урало-алтайских языков.

Применяя впервые теорию определенности — неопределенности как исследовательский прием в сравнительно-историческом изучении проблемы родства алтайских и урало-алтайских языков, Дж. Г. Киекбаев основывался на том, что «многие показатели определенности исторически срослись друг с другом, образовав ныне цельный комплекс в виде сложных аффиксов, многие из которых утратили свое бывшее значение определенности, а неопределенность во многих случаях часто выражается без какого-либо формального показателя¹. Для исторического исследования и установления этимологии и структуры современных сложных аффиксов, раскрывающих процесс постепенного становления этих же аффиксов, большое значение имеют составные элементы теории определенности — неопределенности: а) грамматическая категория определенности; б) грамматическая категория неопределенности; в) показатели определенности и неопределенности; г) основы определенности и неопределенности, д) простые и сложные основы определенности и неопределенности.

В 1967 году в Институте языкознания Академии наук СССР состоялся симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, на котором Дж. Г. Киекбаевым был прочитан доклад «О применении метода структурной лингвистики в сравнительно-исторической грамматике

¹ Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, стр. 76—77.

тюркских и других алтайских языков», вызвавший большой интерес участников симпозиума. А. Н. Кононов дал на заседании высокую оценку работам Дж. Г. Киекбаева и рекомендовал присутствующим «ознакомиться с его трудами и методами изучения языков»².

За сравнительно короткое время Дж. Г. Киекбаевым было опубликовано более пятнадцати научных работ по проблемам урало-алтаистики, в том числе одна монография. На рабочем столе ученого остались незавершенные труды.

Дж. Г. Киекбаевым было написано более десяти монографий, несколько учебников и учебных пособий по различным отраслям башкирского и тюркского языкознания.

Дж. Г. Киекбаев придавал очень большое значение подготовке научных кадров и в первую очередь — аспирантов. Его научно-педагогическая деятельность получила широкое признание общественности: он был награжден орденами Ленина и «Знак Почета», избирался депутатом Верховного Совета Башкирской АССР, ему было при-

своено почетное звание заслуженного деятеля науки Башкирской АССР.

Кроме научно-педагогической деятельности, Дж. Г. Киекбаев активно занимался литературным творчеством. Он автор романа «Родные и знакомые», ряда повестей, рассказов и сказок для детей, а также многочисленных стихотворений. Им переводились на башкирский язык и произведения немецких классиков.

Вся сознательная жизнь Дж. Г. Киекбаева была посвящена развитию башкирской филологии, культуры и просвещения. Его имя носит улица в Уфе. В школе поселка Красноусольск, где он работал учителем родного языка и литературы, а затем — директором, создан музей.

Многие из башкирских языковедов являются учениками Дж. Г. Киекбаева, а молодое поколение лингвистов учится по его трудам.

Дж. Г. Киекбаев был широко эрудированным ученым-энциклопедистом, скромным и отзывчивым человеком, обладавшим огромным трудолюбием. Языковеды Башкирии с благодарностью обращаются к пропавшему оригинальным и смелым идеями научному наследию Джагиля Гиниятовича Киекбаева.

В. Ш. Псянчин

² А. Азнабаев. Проф. Дж. Г. Киекбаев. — Журн. «Учитель Башкирии», 1969, № 3, стр. 48 (на башкирском языке).

ХРОНИКА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

22—23 октября 1981 года в Институте языкознания Академии наук СССР состоялось заседание на тему «Теория и практика этимологических исследований», посвященное 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР Эрванда Владимировича Севортяна.

Открывая заседание вступительным словом, Э. Р. Тенишев (Москва) кратко охарактеризовал жизненный путь Э. В. Севортяна и его научную деятельность. Увлеченность и целеустремленность ученого опирались на добротность материала, которым он оперировал. Э. В. Севортян высоко ценил и творчески использовал отечественные тюркологические традиции, представленные трудами П. М. Мелиоранского, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, неизменно обращался к последним достижениям общего языкознания. Изучение именного словообразования и глаголообразования в тюркских языках в широком сравнительном плане, постановка и разработка проблемы фономорфологической и семантической структуры тюркского слова явились подготовкой к созданию главного труда всей жизни Э. В. Севортяна — «Этимологического словаря тюркских языков».

В докладе Л. С. Левитской и К. М. Мусаева (Москва) «Э. В. Севортян и тюркская историческая лексикология» отмечалось, что занятия Э. В. Севортяна в области тюркской теоретической грамматики определили логику последующего исследования им проблем исторической тюркологии, таких, как методические вопросы истории тюркских языков, выяснение языковой преемственности памятников и отношение их языка к современным тюркским языкам, история отдельных частей речи, теория пратюркских реконструкций, определение понятия «общетюркское состояние».

Стремясь разработать общую периодизацию развития лексики тюркских языков,

Э. В. Севортян выделил два пути образования общетюркских лексических основ (заимствование из одного тюркского языка в другой; параллельное образование одних и тех же лексических основ в разных тюркских языках), сформулировал понятия «общетюркская» и «межтюркская» лексические основы, раскрыл их соотношение.

Ученый впервые в тюркологии поставил и решил вопросы исторического словообразования в тюркских языках, выявив при этом семантические связи между основной и словопроизводящей формой. Им разработано положение о синкретизме тюркских глагольных и именных основ в наиболее ранние исторические периоды. Изучая тюрко-монгольские языковые взаимоотношения и вычленив общие тюрко-монгольские основы, Э. В. Севортян показал, что такие слова, как правило, этимологизируются на базе тюркских, а не монгольских корней.

В 1958 году Э. В. Севортян приступил к работе над «Этимологическим словарем тюркских языков», необходимость создания которого была продиктована потребностями тюркского сравнительно-исторического языкознания, особенно фонетики: многие гипотезы здесь нуждаются в глобальной проверке на большом лексическом материале.

Составляя «Этимологический словарь тюркских языков», Э. В. Севортян одновременно разрабатывал его теоретические основы, особенно принцип этимологического анализа и его методику. Исходя из того, что содержание сравнительно-исторической лексикологии не исчерпывается этимологическими исследованиями, Э. В. Севортян наметил научную программу коллективных разработок в этой области¹.

¹ См.: «Советская тюркология и развитие тюркских языков СССР. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной тюркологической конференции». Алма-Ата, 1976, стр. 47—50.

Первый том Словаря вышел в 1974 году. В марте 1978 года велась подготовка к печати второго его тома. К этому времени Э. В. Севортян завершил рукопись третьего тома. До самых последних дней, будучи тяжело больным, Э. В. Севортян работал над четвертым томом словаря (*ж, ж, й*); этот труд был завершён уже его сотрудниками. Составители словаря распределили весь оставшийся материал словаря на три тома, объемом 30—40 авторских листов каждый.

Э. В. Севортян внес большой вклад в историческую лексикологию и тюркскую этимологию, дал творческий импульс многим исследованиям в этой области — в настоящее время осуществляются или находятся на пути к осуществлению этимологические исследования по татарскому, чувашскому, кумыкскому, турецкому, башкирскому, казахскому, тувинскому, азербайджанскому языкам.

Составитель «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаев (Москва) в докладе «О тюркизмах в осетинском языке» отметил, что Вс. Миллер в начале XX века, давая обзор заимствований в осетинском языке, привел всего пятнадцать тюркизмов. В действительности же, подчеркнул докладчик, их сотни, и среди прочих заимствований количественно они занимают первое место. Достаточно сказать, что на одно иранское слово с начальным *q-* приходится два тюркизма. В. И. Абаев полагает, что фонема *q* проникла в осетинский язык именно в составе тюркизмов; в настоящее время и отдельные осетинские диалектизмы могут начинаться на *q-*. В осетинской антропонимии докладчик также вычленил весьма значительный пласт тюркских односоставных и двухсоставных имен. Наличие большого количества тюркизмов в осетинском языке докладчик объяснил тем, что с давних пор предки осетин — аланы — общались со многими тюркоязычными народами, начиная с гуннов.

В. И. Абаев выдвинул проблему диалектологии тюркизмов в осетинском языке; на конкретных примерах он показал, насколько решение этой проблемы важно для исторической диалектологии тюркских языков.

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «К этимологии тюркских собственных имен в русских летописях» проанализировал имена вождей огузских (черноклобудиных) племен X—XII веков — узгов, торков, ковуев, берендеев, баутов (могутов), турпеев и других. При этимологизации этих собственных имен большое значение имеет установление их семантических моделей.

Составитель этимологического словаря славянских языков О. Н. Трубачев (Москва) выступил с докладом «О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология». Указав на перемещение центра интересов общего языкознания в последние годы на семантику, докладчик подчеркнул, что резкая семантиза-

ция языкознания вызвала к жизни предвзятые идеи об обязательном порождении семантики слова из фразы, хотя слова и их значения определенно могут получаться несинтаксическим путем. Недооценка автономности семантики слов — недостаток семантической теории, вместе с тем внимание к синонимии в целом нельзя не признать оправданным. Вся типология семантики основана на синонимии, и она важна в этимологических исследованиях и словарях. Задачи этимологической реконструкции тесно связаны также с изучением омонимии. Природа как синонимии, так и омонимии обычно связана с диалектами, изучать ее необходимо также в плане внешней лингвистики, заимствований, этнолингвистики, истории культуры, в больших диахронических масштабах. Разнодиалектная омонимия и вытекающая из нее омонимия междиалектная, по мнению докладчика, сопутствовали глоттогенезу.

Касаясь примеров омонимических отношений, О. Н. Трубачев сказал, что в отдаленном прошлом такими отношениями были связаны, в частности, тюрк. *balyq* 'город' и *ba:lyq* 'рыба'.

С докладом «К семантической реконструкции в этимологических словарях» выступил составитель этимологического словаря картвельских языков Г. А. Климов (Москва). Выдвинув проблему контроля над семантическими реконструкциями в этимологических словарях, он показал неубедительность целого ряда таких реконструкций, предложенных на материале дагестанских языков. Их неубедительность, по мнению докладчика, объясняется прежде всего слабым внедрением техники групповой реконструкции лексем и словообразовательного анализа материала. В результате имеющиеся этимологические собрания обычно представляют собой некоторый набор не связанных друг с другом единиц, древность и даже истинность которых доказать трудно. Кроме того, при семантических реконструкциях прадагестанских лексем не учитывается культурно-историческая перспектива. Вследствие этого, сказал докладчик, мы нередко сталкиваемся с анахронизмами, никак не согласующимися с реальным культурно-историческим фоном прадагестанского языкового состояния.

Б. А. Серебренников (Москва), выступивший в прениях по этому докладу, отметил, что еще сравнительно недавно, реконструируя архетип слова, основное внимание уделяли точному соответствию фонетических форм, а о реконструкции семантической не было речи. Между тем семантическая реконструкция заслуживает быть особой лингвистической дисциплиной, особенно для тех языков, которые не располагают древними письменными памятниками.

Б. А. Серебренников, считая необходимым увязывать историю слова с историей народа, с данными археологии, вместе с тем призвал внимательно относиться к собственно лингвистическим трудностям, возникающим при этимологизации слов.

Б. И. Татаринцев (Кызыл) остановился на восстановлении мотивирующего (производящего в плане диахронии) семантического признака изучаемого слова как на важной составной части семантической реконструкции при этимологизации.

Об историзме в тюркской этимологии говорил Р. Г. Ахметьянов (Казань). Учет исторических реалий, для обозначения которых применяются изучаемые слова по его мнению, избавит этимологов от промахов, неизбежных при оперировании «голым» словом, вне связи его с реальией.

Д. М. Насилов (Ленинград) в докладе «Морфо-семантическая этимологизация — ведущий принцип построения „Этимологического словаря тюркских языков“» отметил, что практика лексикологических исследований последних лет полностью подтверждает упомянутый принцип этимологизации обще- и межтюркской лексики, выдвинутый Э. В. Севортяном. В отдельные исторические периоды происходит обогащение лексического состава за счет развития емкой системы словообразовательных моделей (смена словообразовательных типов и большая динамика их продуктивности). Предполагается, что большая часть массива общетюркской лексики, принадлежащей к аффиксальному типу, относится к периоду праязыкового состояния накануне распада тюркской общности. Только путем морфологической реконструкции можно получить представление о корневом составе тюркских языков, и только через этот этап открывается путь к сравнению лексического состава тюркских и других алтайских языков. Все прочие попытки сравнения лексики в этих языках и выявление так называемых «заимствований» атомарны и не дают этимологического эффекта. Как в рамках самих тюркских языков, так и на уровне алтаистических сопоставлений морфо-семантическая этимологизация обще- и межтюркских слов остается действенным и эффективным приемом исторической лексикологии. Нельзя забывать также о строгом и последовательном соблюдении идентичности избранного уровня глубины этимологизации.

В совместном докладе А. Т. Кайдарова и Е. З. Кажобекова (Алма-Ата) «Этимологический анализ односложных корней в казахском языке» предлагается и обосновывается новый подход к изучению природы тюркских моносиллабов путем сведения всех известных древних и современных форм корней-основ в соответствующую таблицу. Такая таблица, наглядно представляющая корпус односложных слов в тюркских языках, дает объективную картину развития тюркского корня и необходимые для этимологической интерпретации данные по трем параметрам — фонетическому, морфологическому и семантическому. На данном этапе работы составители сводной таблицы моносиллабов не ставят перед собой задачу установления соответствующих праформ.

Предложенное изучение тюркских моносиллабов имеет ряд преимуществ перед ато-

марными этимологизациями; в частности, оно способствует выяснению специфики строения тюркского слова в целом. Данные сводной таблицы позволят также установить территориальные границы распространения многих фонетических явлений, характерных для односложных корней, а также степень архаичности этих явлений.

Т. М. Гарипов и Я. А. Чанышев (Уфа) свой доклад «От общетюркского этимологического словаря к историко-этимологическому словарю отдельного тюркского языка» посвятили проблеме соотношения этих двух типов словарей.

Теоретические положения доклада аргументировались примерами этимологизации названий животных, образованных от цветообозначений; к башкирским названиям в виде ссылок приводятся параллели из других тюркских языков.

М. И. Скворцов (Чебоксары) рассказал об историко-этимологическом словаре чувашского языка, в составлении которого также принимают участие тюркологи Москвы и Сегедского университета (Венгрия). Основное внимание в словарных статьях (их будет около 12—13 тыс.) уделяется фономорфологической и семантической реконструкции исконных тюркских основ; прослеживаются также пути проникновения наиболее старых ассимилированных заимствований. Для этого широко используется диалектный и сопоставительный материал из тюркских и контактировавших с чувашским нетюркских языков.

На использовании в историко-этимологическом словаре чувашского языка диалектного материала чувашского и других тюркских языков, а также географически смежных угро-финских языков остановился Н. И. Егоров (Чебоксары).

Выступление И. Г. Добродомова (Москва) было посвящено так называемым «бродячим словам», этимологизация которых возможна лишь на основе показаний языков разных семей при учете широкого культурно-исторического контекста (см. русское слово *атаман*, образовавшееся в результате перераспределения старорусского *ватаман*, видимо, восходящего к булгарскому **ватаман*; из русского языка *атаман* уже как обратное заимствование попало в тюркские языки).

Доклады вызвали оживленное обсуждение. Выступивший в прениях составитель этимологического словаря адыгских (черкесских) языков А. К. Шагиров (Москва) призвал собравшихся придерживаться принципов интернационализма в этимологических исследованиях, то есть не стремиться этимологизировать все слова родного языка и сходные по звучанию слова соседних индосистемных языков исключительно средствами родного языка. Примеры подобной этимологизации имеются в книге М. А. Хабичева «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа» (Черкесск, 1980).

Я. А. Чанышев (Уфа) считает целесообразным учитывать в практике этимологиза-

ции типологический материал иносистемных языков. Это положение им иллюстрируется на примере этимологий тюркских числительных.

Н. А. Сыромятников и *Э. Азербает* (Москва) высказали противоположные мнения по вопросу о том, возможно ли в настоящее время снабдить словарные статьи «Этимологического словаря тюркских языков» пратюркскими реконструкциями этимологизируемых слов. Вместе с тем оба выступавших говорили о необходимости при этимологизации тюркских слов использовать материалы японского языка.

Б. А. Серебрянников предостерег тюркологов-этимологов от преждевременного использования японского материала, поскольку при нынешнем состоянии алтаистических исследований, это чревато выпадением необходимых исследовательских этапов — таких, как установление точных фонетических соответствий, а также соответствий в словообразовании. Здесь мало помогают ссылки на маргинальные ареалы языкового явления, ибо далеко не всегда в маргинальном ареале сохраняются наиболее древние языковые черты.

Г. Ф. Благова (Москва), высказываясь за желательность учета истории этимологизируемых слов, засвидетельствованной памятниками и другими источниками, напомнила лексикографам о «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий» *Л. Буда-*

гова (СПб., т. I — 1868, т. II — 1871). В этом словаре, энциклопедическом по составу представленного в нем материала, содержится первый в истории тюркологии свод сведений по истории ряда тюркских слов и выражений, а также по истории тюркизмов в русском языке и русизмов в тюркских языках. Препятствием к широкому использованию материалов словаря *Л. Будагова* является то, что он стал библиографической редкостью, несмотря на переиздание его фототипическим способом в 1961 году.

К. М. Мусаев (Москва), заключая заседание, сказал, что *Э. В. Севортян*, работавший в разных областях тюркского языкознания, был учителем не одного поколения тюркологов как Москвы, так и союзных и автономных республик, краев, областей. Более трех лет прошло с тех пор, как не стало *Э. В. Севортяна*, но высказанные им идеи, его труды и замыслы сохраняют свою научную ценность. Об этом свидетельствует и проведенное заседание.

К. М. Мусаев выразил пожелание, чтобы материалы заседания были изданы Институтом языкознания Академии наук СССР отдельным сборником. *К. М. Мусаев* поддержал также предложение *М. И. Скворцова* о проведении следующего заседания тюркологов-этимологов в 1983 году в Чебоксарах.

Г. Ф. Благова

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- П. И. Кузнецов (Москва). Возникновение и значения тюркских претеритов . . . 3

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Ф. Урманчеев (Елабуга). Татарская версия сказания «Кузы Курпач и Баян-Сылу» 15

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Н. А. Баскаков (Москва). Владимир Александрович Гордлевский . . . 22

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Даулетов (Нукус). О стечении согласных звуков в каракалпакском языке . . . 28
 И. А. Фигуровский (Петропавловск, Каз. ССР). Появление придаточных места в современном казахском языке . . . 33
 Т. Бегжанов (Нукус). О профессиональной сельскохозяйственной терминологии в каракалпакском языке . . . 36
 Ш. Ч. Саг (Кызыл). Табу и эвфемизмы в тувинском языке . . . 42
 М. Ш. Турабова (Ташкент). Приложные конструкции в узбекских говорах . . . 46
 В. Г. Чикаидзе (Тбилиси). О фонологической структуре односложных слов ту-рецкого языка . . . 54
 Б. П. Садыхов (Баку). Об употреблении некоторых аффиксов в айрумском говоре азербайджанского языка . . . 63
 М. И. Исламов (Баку). Структурно-семантическая характеристика некоторых древнетюркских слов в диалектах и говорах азербайджанского языка . . . 67
 О. А. Мизин (Елабуга). К этимологии слов «манти» и «латман» . . . 73
 В. Л. Гукасян (Баку). Об одной древнетюркской письменности . . . 76

РЕЦЕНЗИИ

- Г. Ф. Саттаров (Казань). Ф. А. Ганиев. Вопросы морфологии татарского языка 85
 О. Т. Молчанова (Ярославль). К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии . . . 87
 М. К. Нурмухамедов, Э. И. Фазылов (Ташкент). Ilse Laude-Cirtautas. Chrestomathy of modern literary Uzbek . . . 90
 К. Атаев (Ашхабад). «Түркмен халк эртекилери» . . . 92
 А. М. Бушуй (Самарканд). Kakuk Zsuzsa. Mai török nyelvek. Szövegek . . . 93

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Р. Р. Шамсутдинова (Казань). «Взаимовлияние и взаимообогащение культур народов СССР» . . . 96

PERSONALIA

<i>А. П. Векилов, С. Н. Иванов</i> (Ленинград). Андрей Николаевич Кононов . . .	99
<i>К. М. Мусеев, Л. С. Левитская</i> (Москва). Эрванд Владимирович Севортян . . .	101
<i>В. Ш. Псянчин</i> (Уфа). Джалиль Гиниятович Киекбаев . . .	103

ХРОНИКА

<i>Г. Ф. Благова</i> (Москва). «Теория и практика этимологических исследований» . . .	106
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). Origin and significance of Turkic preterits . . .	3
--	---

FOLKLORISTICS

<i>F. Urmancheev</i> (Yelabuga). Tatar version of the legend «Kuzy Kurpiach and Bayan-Sylu» . . .	15
---	----

HISTORY OF NATIVE TURKOLOGY

<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Vladimir Alexandrovich Gordlevsky . . .	22
---	----

REPORTS, SURVEYS

<i>A. Dauletov</i> (Nukus). On consonant clustering in the Karakalpak language . . .	28
<i>I. A. Figurovsky</i> (Petropavlovsk, Kaz. SSR). Origin of subordinate clauses of place in modern Kazach language . . .	33
<i>T. Begzhanov</i> (Nukus). On professional agricultural terminology in the Karakalpak language . . .	36
<i>Sh. Ch. Sat</i> (Kyzyl). Taboo and euphemisms in the Touvinian language . . .	42
<i>M. Sh. Turabova</i> (Tashkent). Appositional constructions in Uzbek subdialects . . .	46
<i>V. G. Chikaidze</i> (Tbilisi). On phonological structure of monosyllabic words of the Turkish language . . .	54
<i>B. P. Sadychov</i> (Baku). On usage of some affixes in Airum subdialect of the Azerbaijan language . . .	63
<i>M. I. Islamov</i> (Baku). Structural-semantic characteristic of some old Turkic words in dialects and subdialects of the Azerbaijan language . . .	67
<i>O. A. Mizin</i> (Yelabuga). To etymology of words «mantu» and «lagman» . . .	73
<i>V. L. Gukasyan</i> (Baku). On one old Turkic writing . . .	76

REVIEWS

<i>G. F. Sattarov</i> (Kazan). Ф. А. Ганиев. Вопросы морфологии татарского языка . . .	85
<i>O. T. Molchanova</i> (Yaroslavl). К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии . . .	87
<i>M. K. Nurmuchamedov, E. I. Fazylov</i> (Tashkent). Ilse Laude-Cirtautas. Chrestomathy of modern literary Uzbek . . .	90
<i>K. Atayev</i> (Ashchabad). «Түркмен халк эртекилери» . . .	92
<i>A. M. Bushuj</i> (Samarkand). Kakuk Zsuzsa. Mai török nyelvek. Szövegek . . .	93

SCIENTIFIC LIFE

<i>R. R. Shamsutdinova</i> (Kazan). «Mutual influence and enrichment of cultures of peoples of the USSR» . . .	96
--	----

PERSONALIA

- A. P. Vekilov, S. N. Ivanov* (Leningrad). Andrey Nikolayevich Kononov . . . 99
K. M. Musayev, L. S. Levitskaya (Moscow). Ervand Vladimirovich Sevortyan . . . 101
V. Sh. Psyanchin (Ufa). Dzhalil Giniyatovich Kiekbayev . . . 103

CHRONICLE

- G. F. Blagova* (Moscow). «Theory and practice of etymological research» . . . 106

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 21/IX-1981 г. Подписано к печати 31/III-1982 г. ФГ 09639. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8 Уч. изд. л. 9,4.
Заказ 6436. Тираж 2480. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.